

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1955

В. Г. ОРЛОВА

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТНЫХ
ДАННЫХ

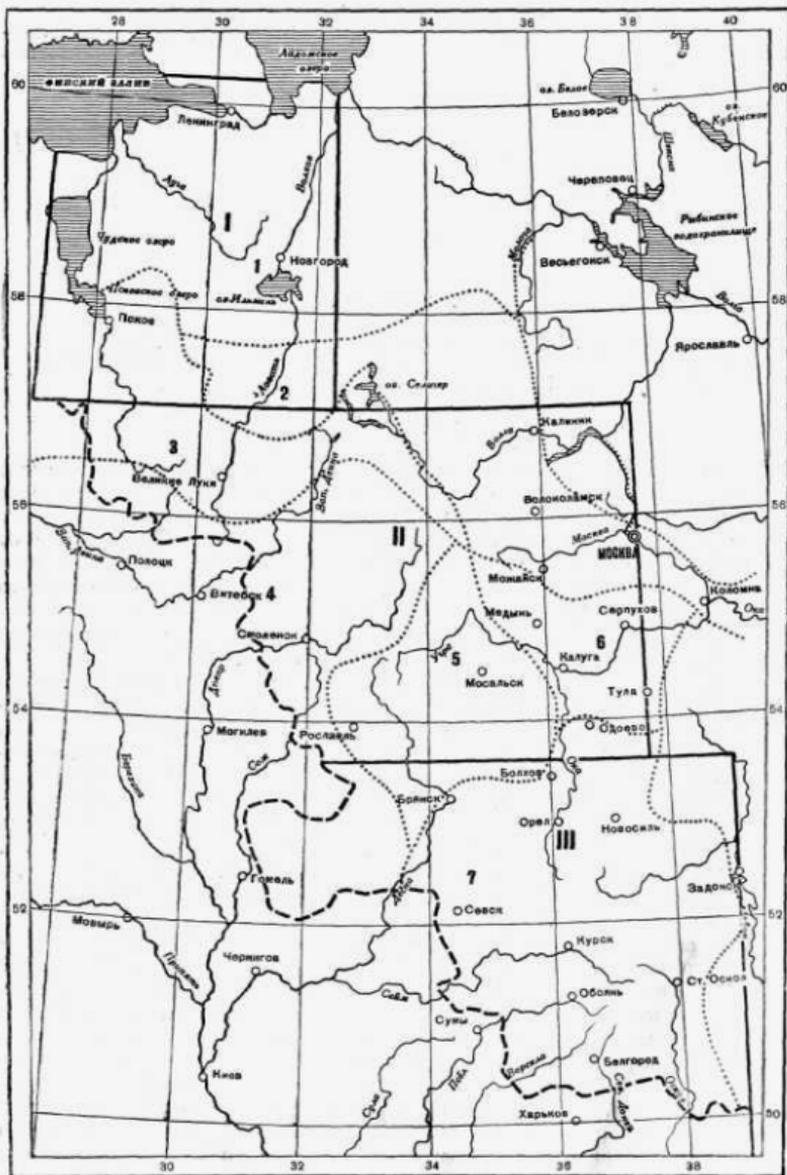
За все время работы над диалектологическими атласами русского языка, которая наиболее интенсивно шла в послевоенный период, в частности после лингвистической дискуссии 1950 г., в Институте языкознания составлены «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (сдан в печать) и «Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР» (сдан в печать), а также значительно продвинуто составление карт «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР» (см. ниже карту № 1).

На картах двух последних атласов (общее количество этих карт в настоящее время уже довольно значительно) представлена территория основной части южновеликорусского наречия, а именно, по терминологии «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе»¹, — территория южной или орловской и северо-западной или тульской групп этого наречия. Кроме того, на территории, картографированной в этих же атласах, расположены группы говоров, так или иначе генетически связанных, по мнению авторов «Опыта», с южновеликорусским наречием. Это так называемые переходные говоры от белорусских к южновеликорусским и среднерусские говоры, переходные от северновеликорусских к южновеликорусским.

Представление о том, какое продолжение имеют за пределами южновеликорусского наречия некоторые из изоглосс, характерных для той или иной части этого наречия, можно получить, прежде всего используя карты тех же двух атласов, поскольку на них же отражены говоры, ранее считавшиеся собственно белорусскими, а также говоры, переходные от северновеликорусских к белорусским. Кроме того, для целостного изучения характера тех или иных изоглосс, частично проходящих по территории южновеликорусского наречия, могут быть привлечены с пользой для понимания общих закономерностей распространения того или иного явления также карты упомянутого выше «Атласа русских народных говоров северо-западных областей».

Карты всех трех атласов и представленные на них изоглоссы ряда фонетических и морфологических явлений (лексические и синтаксические карты анализу в указанных направлениях еще не подвергались) дают материал для предварительной постановки некоторых вопросов, связанных с груп-

¹ См. Н. И. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915.

Карта № 1

1. Римскими цифрами отмечены территории, картографированные в трех атласах русских народных говоров, карты которых используются в данной статье: I. «Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР»; II. «Атлас русских народных говоров центральных областей РСФСР»; III. «Атлас русских народных говоров юго-западных областей РСФСР». 2. Путирником показаны границы отдельных групп говоров (по «Опыту диалектологической карты»), находящейся на тех же территориях. См. с севера на юг: 1) афанасия или новгородская группа северновеликорусского наречия; 2) средневеликорусские говоры с южно-великорусским влиянием; 3) средне-великорусские говоры с белорусским влиянием; 4) белорусские говоры; 5) говоры, переходные от белорусских к южно-великорусским; 6) тульская или северо-западная группа южно-великорусского наречия; 7) южная или оравская группа южно-великорусского наречия.

пировкой говоров в пределах южновеликорусского наречия. Более полное рассмотрение подобных вопросов станет возможным тогда, когда будут составлены все карты названных атласов.

Само собой разумеется, что выявление совпадающих в известной мере друг с другом изоглосс тех или иных явлений с целью уточнения наших представлений о классификации современных говоров, представляет собой лишь одну — и притом самую первоначальную — ступень в деле общей интерпретации изоглосс. Подобная интерпретация должна быть направлена, после установления определенных пучков приближающихся в друг к другу изоглосс, на рассмотрение ряда вопросов, связанных с историей самих этих явлений (время и место их первоначального возникновения, характер последующего распространения), а также с историей говоров, для которых характерно то или иное наиболее устойчивое сосуществование определенных языковых черт.

Разрешение последней группы вопросов теснейшим образом связывается с собственно историческими данными, так как именно по этой линии история языка связана с историей народа. Общность, наблюдаемая в распространении языковых явлений, в первую очередь определяется исторической судьбой групп населения, пользовавшихся определенными местными разновидностями языка.

Данная статья посвящается (правда, в сугубо предварительном плане) рассмотрению в основном той первоначальной возможной группировки некоторых изоглосс, которая может дать нам основания для некоторых суждений по вопросам, касающимся классификации южновеликорусских говоров. Некоторые беглые замечания и отдельные соображения о времени и месте возникновения отдельных явлений и о направлениях, в которых могло идти распространение этих явлений, будут сделаны в этой статье лишь от случая к случаю и отнюдь не носят окончательного характера.

Уже общий обзор ряда наиболее типичных и повторяющихся изоглосс, особенно когда мы получаем возможность благодаря наличию карт нескольких атласов рассматривать эти изоглоссы на большом протяжении, свидетельствует о том, насколько сложной будет их дальнейшая интерпретация. Несмотря на то, что основные диалектные различия русского языка сложились безусловно в донациональный период его существования и развития, мы находим весьма сложное и далеко не непосредственное соответствие территории распространения отдельных языковых явлений этническим и политическим объединениям древней Руси (границам распространения племен, земель и княжеств)¹.

Это объясняется тем, что и в период возникновения тех или иных явлений их распространение протекало в зависимости не от границ определенных политических объединений, нередко являвшихся весьма зыбкими и изменчивыми, а от расположения границ языкового общения. Последние складывались на основе гораздо более сложного комплекса причин.

Еще более сложными были процессы последующего распространения или, наоборот, стирания тех или иных явлений, в результате которых оформились современные границы их распространения. Процессы этого рода находились в зависимости как от исторических условий внеязыкового

¹ На основании анализа карт «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» уже отмечалась вся сложность отношений представленных между изоглоссами отдельных явлений, а тем более между «пучками изоглосс» и границами исторически существовавших на территории восточных славян «земель» и княжеств. (Ср. Р. И. А в а н е с о в, Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2.)

характера, по-разному складывавшихся на различных территориях Русского государства в национальный период, так и от собственно языковых предпосылок: от устойчивости или неустойчивости той или иной черты, ее продуктивности или непродуктивности.

В связи с этим наличие «пучков изоглоссе», о котором мы говорим, имея в виду случаи, когда границы нескольких явлений близко подходят друг к другу, далеко не всегда является свидетельством одновременного развития определенных явлений. Лишь изучение того, как шло распространение или, наоборот, сокращение территории, занимаемой каким-либо явлением на протяжении его истории, может дать полную уверенность в том, что в данный «пучок изоглоссе» действительно включены явления одного хронологического плана.

Вот почему более широкой и исчерпывающей интерпретации изоглоссе наших атласов будет посвящено в дальнейшем немало специальных монографий как более частного, так и более общего характера. Это работа, которая требует, чтобы последовательно были сняты определенные пласты в истории существования и распространения явлений, а также выяснена в полной мере внутренняя природа самих этих явлений.

Общая характеристика южновеликорусского наречия в «Опыте диалектологической карты» включала в себя, как известно, указания на аканье и яканье, произношение ударяемого *ъ* как *e*, фрикативное произношение *ч*, отсутствие смещения *ч'* и *ц*, твердое произношение долгих шипящих *ш* и *ж*, употребление творительного падежа множественного числа существительных с окончанием *-ми*, родительного и винительного падежей единственного числа местоимений на *-е*, мягкого *т'* в 3-м лице глаголов. При дальнейшей классификации говоров этого наречия во внимание принимался характер яканья (диссимильативного или недиссимильативного) и характер произношения звука *e*, причем диссимильативное яканье предполагалось лишь для орловской группы; для тульской группы было указано яканье умеренное, а для восточной — сильное.

В эту характеристику, в целом отвечающую своему назначению, Н. Н. Дурново внес в свое время некоторые, но весьма существенные поправки¹. В настоящее время в нее могут быть внесены еще более определенные коррективы, необходимость которых определяется, в частности, и тем, что в приведенную характеристику включались разновременные по своему генезису черты, что уже позволяло предполагать их неодинаковое распространение.

Так, например, безоговорочное указание на совпадение *ъ* и *e* в современных южновеликорусских говорах не подтверждается современными диалектными данными. Это изменение, имевшее место в ряде восточнославянских говоров еще до образования восточнославянских народностей, на территории южновеликорусского наречия развивалось, видимо, в не столь уж давнее время. Об этом свидетельствует тот факт, что говоры, знающие произношение особых звуков (*ѣ* и *ѣе*) в соответствии с древним *ъ*, неоднократно отмечены нашими экспедициями на данной территории. Важно также подчеркнуть преимущественное распространение этих говоров в юго-восточной части Курской области, где наиболее последовательно сохраняются также архаические типы диссимильативного яканья и аканья, в частности обоянский тип с характерным для него различием двух *ѣ* и двух *о* под ударением².

¹ См. Н. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. I. Вино, 1927, стр. 122—140.

² Соответствующие данные по этому вопросу см.: Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского локализма, ВЯ, 1955, № 4.

На большей части территории южновеликорусского наречия в настоящее время распространены такие типы диссимилативного яканья (суджанский, цигровский, жиздринский), которые принято считать развившимися в результате трансформации более архаических типов яканья. Как известно, для этих более поздних типов диссимилативного яканья характерны отношения, связанные с утратой различия двух *e* и двух *o*; в связи с этим становится понятным, почему говоры с особым произношением звуков, соответствующих древнему *ъ*, или звуков, соответствующих *o* под восходящим ударением, убывают в западном направлении.

Нет основания считать твердое произношение долгих шипящих характерным южновеликорусским признаком; на этой территории значительное распространение имеет также и произношение долгих мягких шипящих. Данные о распространении такого важнейшего признака южновеликорусского наречия, как аканье в широком смысле слова (аканье и яканье), не могли еще быть использованы составителями «Опыта» в полной мере, так как в то время не было достаточно детальных сведений об отдельных разновидностях аканья и яканья. На основании границы диссимилативного аканья, установленной И. Г. Голановым, выделялась лишь западная часть южновеликорусского наречия¹.

Современные материалы показывают, что диссимилативное аканье является характерным объединяющим признаком значительной части южновеликорусских говоров, в характеристику которых оно ранее не включалось. Составители «Опыта» считали диссимилативное аканье признаком или собственно белорусских говоров или говоров, так или иначе связанных с белорусским языком, например так называемых «переходных от белорусского к южновеликорусским».

Отметим прежде всего, что диссимилативное аканье распространено, судя по современным данным, на территории южновеликорусских говоров орловской группы, в число характерных признаков которых оно ранее не включалось. Кроме того, подчеркнем, что изоглосса диссимилативного аканья не является, по данным составленных атласов, замкнутой на востоке; это позволяет предположить во всяком случае некоторое распространение данной характерной особенности предупредного вокализма после твердых согласных и далее на восток, на территорию рязанской группы. Таким образом, зная распространение диссимилативного аканья, мы получаем возможность противопоставить всю основную территорию южновеликорусского наречия его тульской группе, где диссимилативное аканье отсутствует.

К границе диссимилативного аканья очень близка и граница диссимилативного яканья. При нанесении этой границы учитывались любые встретившиеся на данной территории типы яканья, а именно: обаянский, цигровский, суджанский, жиздринский, диссимилативно-умеренный, умеренно-диссимилативный, ассимилятивно-диссимилативный. По распространению диссимилативного яканья говоры тульской группы также выключаются из состава южновеликорусского наречия; граница этого явления (по данным составленных в настоящее время атласов) опять-таки не замыкается на востоке. Следовательно, и в этом случае есть основания для того чтобы предположить, что диссимилативное аканье распространено далее на восток; это известно, впрочем, и по опубликованным материалам, относящимся к территории рязанской группы южновеликорусского наречия, а также по картам «Атласа центральных областей к вос-

¹ См. И. Голанов, О диссимилативном аканье, «Труды Моск. диалектолог. комиссии», вып. 3, Варшава, 1914; его же, Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилативного аканья, сб. ОРЯС, т. СІ, № 3, 1928.

току от Москвы», фиксирующим значительное распространение говоров с диссимилиативным яканьем на территории Рязанской области¹.

Таким образом, современные данные не подтверждают имеющегося в «Опыте» указания на сильное яканье как на характерный общий признак говоров рязанской группы. Диссимилиативное аканье, как и диссимилиативное яканье, становятся признаками, объединяющими большую часть южновеликорусских говоров и противопоставляющими их говорам тульской группы. Как известно, своеобразие тульских говоров по сравнению с другими южновеликорусскими, а именно — распространение в них умеренного яканья в сочетании с некоторыми другими языковыми чертами, отмеченными уже и в «Опыте», привлекало внимание наших диалектологов и вело к постановке вопроса об особых процессах, имевших место в формировании этих говоров². Возможность противопоставления говоров тульской группы другим южновеликорусским говорам, вместе взятым, еще и по признаку распространения только в пределах тульской группы недиссимилиативного аканья, дает новый материал для решения общей проблемы генезиса этих говоров.

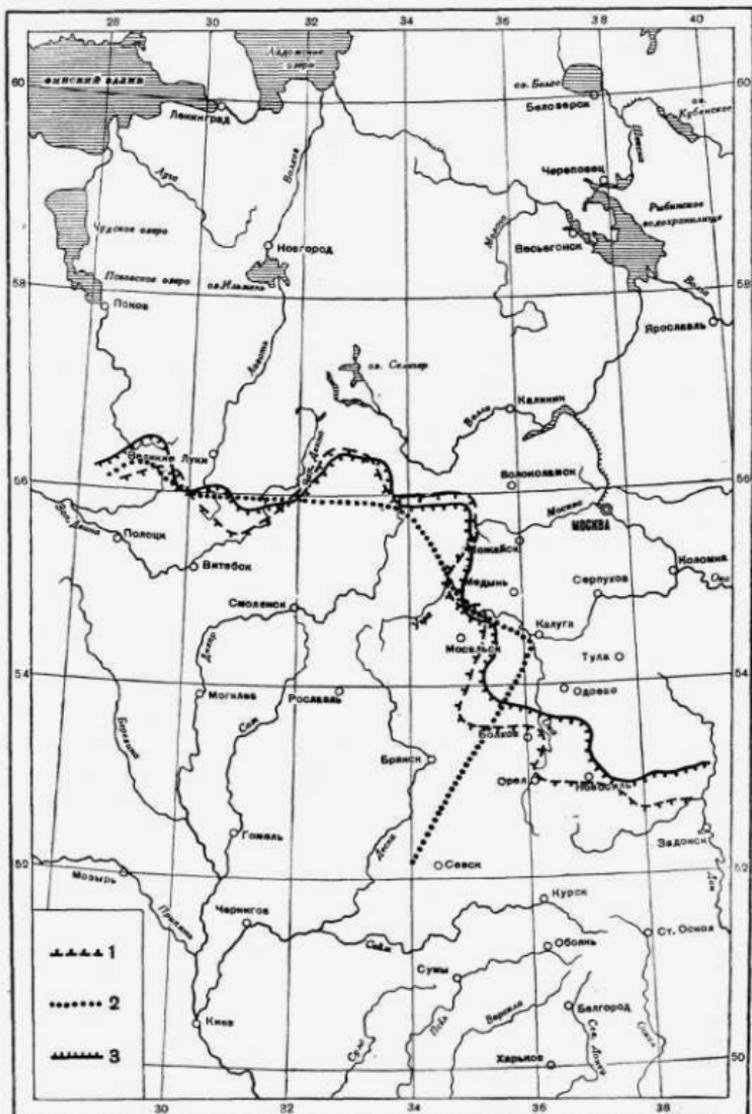
Кроме того, северный отрезок изоглоссы диссимилиативного аканья и яканья дает возможность отграничить южновеликорусские говоры от говоров средневеликорусских, в формировании которых участвовал и южновеликорусский элемент. Указание на аканье и яканье без уточнения того, являются ли эти системы вокализма диссимилиативными или недиссимилиативными, как известно, не служило для подобного разграничения, а объединяло южновеликорусские говоры с соседними с севера средневеликорусскими.

Обращает на себя внимание наличие на территории ряда южновеликорусских говоров и еще некоторых явлений, по распространению которых также можно объединить большинство южновеликорусских говоров и противопоставить их в той или иной степени говорам тульской группы, где эти явления отсутствуют. Это такие явления, как губно-губное произношение *e* в конце слова и слога, сохранение *e* без перехода в *o* в глагольной флексии, сохранение *e* без перехода в *o* в отдельных случаях и в основах слов, окончание *-оґо*, *-ого*, *-оо* в родительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода.

Карта № 3 показывает, что такие особенности, как распространение окончаний *-оґо*, *-оо* или глаголов с *e*, не изменившимися в *o*, отсутствуют не только на территории тульской группы, но и на прилегающих к ней с запада, а особенно с юга территориях. В связи с этим следует вспомнить, что произношение гласного *o* в глагольных формах (*н'ес'ом*, *н'ес'ош*, *н'ес'от'е*) и форм прилагательных с окончанием *-ого*, характерное для говоров тульской группы, одновременно характерно и для нормализованного типа языка. Распространение этих языковых явлений в среде южновеликорусских говоров, не относящихся к тульской группе, но находящихся в непосредственном соседстве с говорами этой группы, видимо, свидетельствует о том, что влияние норма-

¹ См. карты, приводимые в статьях Р. И. Аванесова «Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей» (стр. 169, карта № 2) и «Лингвистическая география и история русского языка» (ВЯ, 1952, № 6, стр. 32, карта № 4).

² Так, Н. Н. Дурново в упомянутом выше «Введении» характеризует тульскую группу как «менее архаичную и менее цельную» по сравнению с другими группами южновеликорусского наречия (см. стр. 136). Р. И. Аванесов еще более определенно подчеркивает, что «говоры тульской группы не являются „чистыми“ южновеликорусскими», что «перед нами, в сущности, средневеликорусские говоры с южновеликорусской „основой“ и средневеликорусским „наслоением“» («Вопросы образования русского языка в его говорах», «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 141).

Карта № 2

1. Граница диссимлятивного язьма¹. 2. Граница диссимлятивного язьма по И. Г. Голованову. 3. Граница диссимлятивного язьма.

¹ На публикуемых в данной статье картах-схемах линии обобщенные границы распространения некоторых языковых явлений; на картах соответствующим образом эти явления картографированы путем постановки язьмов у каждого отдельного населенного пункта. Лишь в отдельных случаях, когда это необходимо по ходу изложения, специально оговаривается более разренное распростра- вение явлений на одной части территории в более ступенное на другой; в остальных случаях дается, таким образом, лишь самое общее представление о распространении явления.

лизованного типа языка нередко оказывается наиболее интенсивным на тех территориях, где оно поддержано также междиалектным взаимодействием.

Случай неперехода $e > o$ в основах слов (*св'еэла, св'еэор, кот'енюк* и т. п.), не показанные специально на карте № 3, встречаются в современных южновеликорусских говорах спорадически, но все же, и это необходимо подчеркнуть, в достаточно различной, не повторяющейся из говора в говор лексике, что дает возможность предположить более долгое сохранение e без перехода в o в собственно южновеликорусских говорах. Важно также подчеркнуть, что распространение реликтов этого явления в общем не выходит за пределы границ, представленных на карте № 3, и, таким образом, не является характерным для говоров тульской группы южновеликорусского наречия.

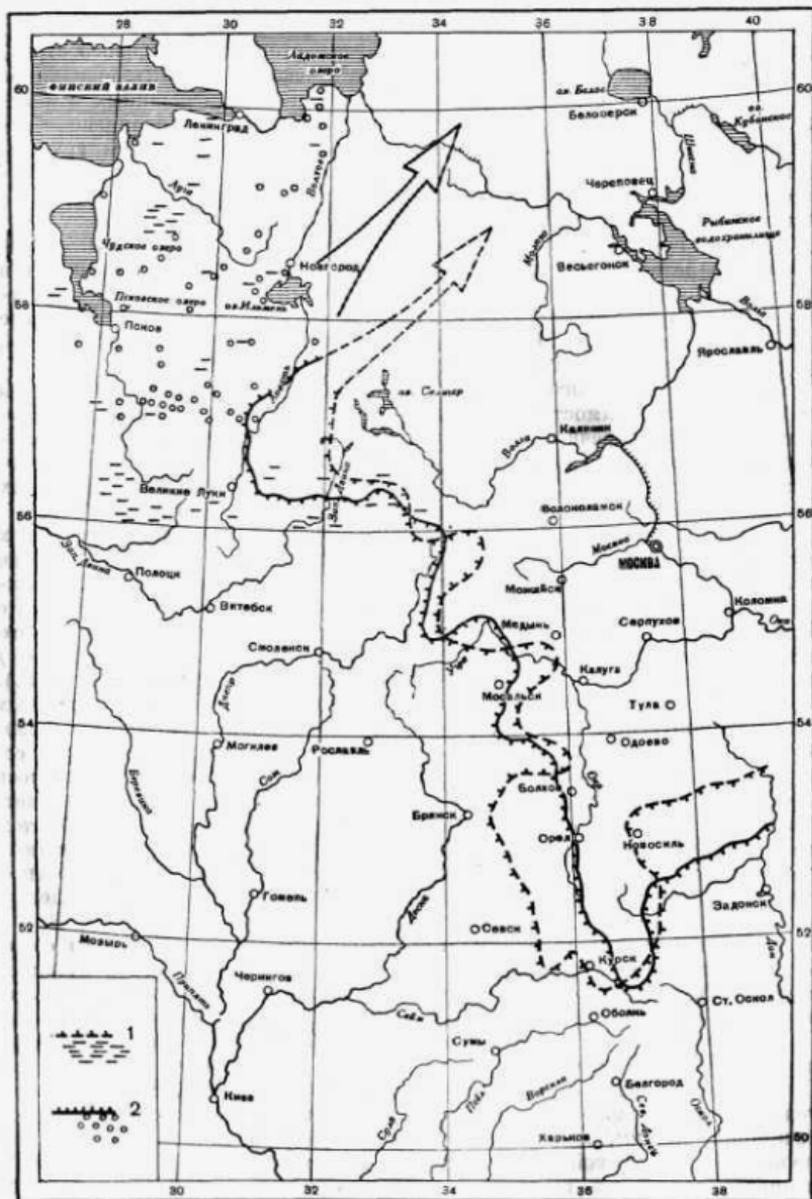
Что же касается губно-губного произношения e (*лайка, прайда, дрей*), то изоглосса этого явления захватывает и южную часть говоров тульской группы, на территории которых употребление губно-губного e оказывается, таким образом, известным. Однако необходимо подчеркнуть, что здесь такое произношение гораздо чаще перемежается с употреблением e губно-зубного, чем в других частях южновеликорусской территории. Подобное положение с распространением губно-губного e , может быть, позволяет предположить, что в прошлом тульская группа южновеликорусского наречия и не отличалась по данной языковой черте от остальных его групп.

Губно-губное произношение e , сохранение e без перехода в o в глагольной флексии, а также в отдельных случаях в основах слов и употребление окончаний прилагательных типа *-ого, -ого, -оо* (т. е. не со звуком e) служит, таким образом, примерно для такого же выделения из состава южновеликорусского наречия говоров тульской группы, как и диссимилативное аканье и яканье. Однако существенной особенностью территориального распространения этих четырех черт в отличие от диссимилативного аканья и яканья является то, что они распространены и севернее пределов южновеликорусского наречия (см. карту № 3). Так, в разреженном виде они известны на территории западной или новгородской группы северновеликорусского наречия; на территории северновеликорусских говоров нашего северо-востока эти черты, как можно судить по имеющимся опубликованным и архивным источникам, распространены достаточно широко.

Для дальнейшей интерпретации приведенных данных при рассмотрении вопросов исторической диалектологии важно, видимо, будет учитывать, что эти явления, представляющие собой сохранение определенных черт языкового строя в более архаическом состоянии, объединяют основной массив южновеликорусского наречия именно с той частью северновеликорусских говоров, которая генетически восходит к говорам древней новгородской земли.

Вместе с тем, подходя к вопросу со стороны использования определенных языковых черт в целях классификации русских народных говоров, мы можем объединить диссимилативное аканье, яканье, с одной стороны, и губно-губное произношение e , непереход $e > o$ двух названных выше типов и употребление окончаний прилагательных типа *-ого, -ого, -оо* с другой, как черты, на основании которых можно южновеликорусские говоры различных групп и типов противопоставить одной, а именно тульской группе, включаемой все же до сих пор в состав южновеликорусского наречия.

Анализ и обобщение тех фонетических и морфологических карт, которые будут составляться по нашим южным атласам в дальнейшем,

Карта № 3

1. Распространение окончаний -оу, -ою, -ою в родительном падеже единственного числа прагматических мужского рода. 2. Подвижные с без перехода в о в глагольной флексии. Птичками отмечено примерное расположение населенных пунктов в той части территории, где наблюдается особенно равномерное распространение картографированных явлений.

а также анализ карт, относящихся к другим сторонам языкового строя, несомненно выявит еще и другие черты, имеющие охарактеризованное выше двойное значение при рассмотрении вопросов, связанных с классификацией южновеликорусских говоров. Это черты, объединяющие все южновеликорусские говоры, за исключением говоров тульской группы, один из которых оказывается собственно южновеликорусским, а другие объединяют также южновеликорусские говоры с северновеликорусскими говорами новгородского происхождения.

Другую группу изоглосс, которую, очевидно, следует особым образом интерпретировать при классификации южновеликорусского наречия по современным данным, представляют явления, распространенные преимущественно в пределах его западной части. В связи с этим данные явления чужды не только южновеликорусским говорам тульской группы, но также и говорам восточной или рязанской группы.

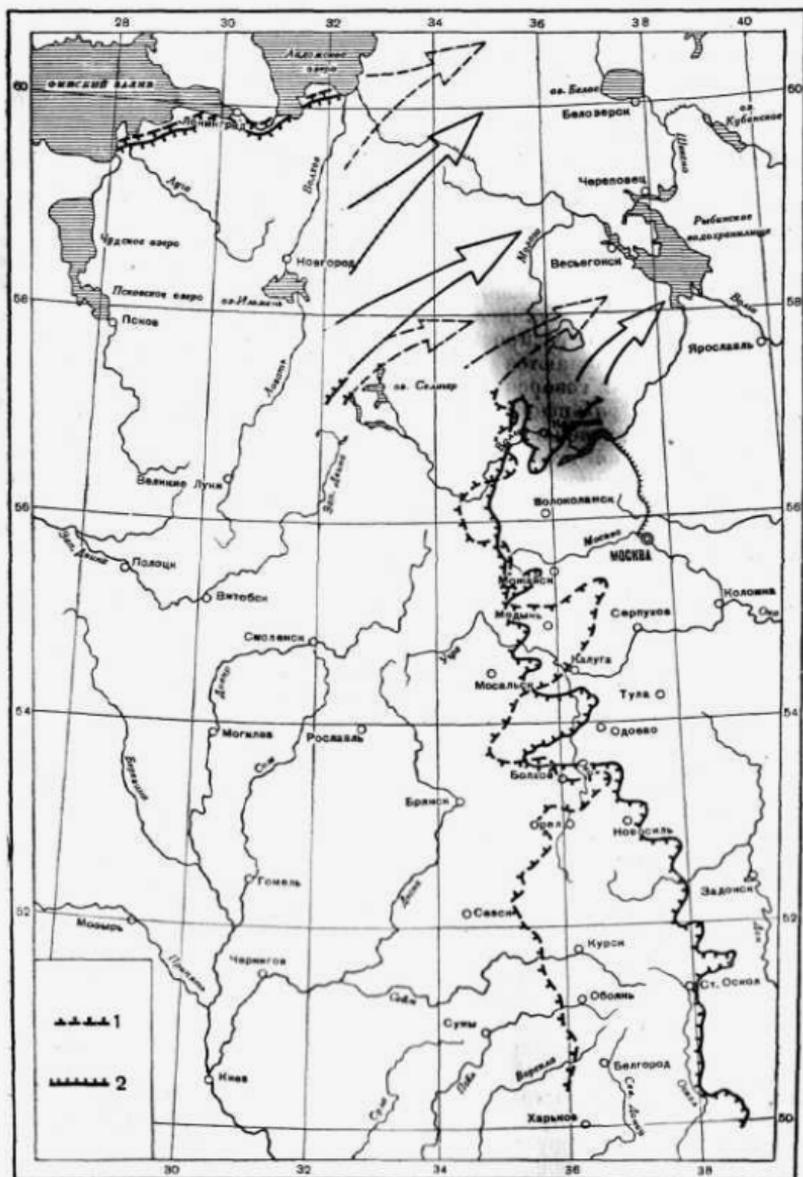
Среди явлений этого рода мы должны будем отметить две подгруппы не столько в зависимости от их распространения в пределах самого южновеликорусского наречия, где они в равной мере имеют западную локализацию, сколько в зависимости от их территориального размещения в пределах русского языка в целом и, в частности, в зависимости от их распространения в северном направлении.

К первой подгруппе относятся: твердое произношение конечных губных согласных в соответствии с мягким произношением в нормализованном типе языка и ряде других говоров (*сем, голуп, кроф* или *кроф* и т. п.), различие твердых *ч* и *ц* (в одних говорах, более северных, сочетающееся с реликтами *цоканья*, в других — нет), употребление формы именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица *оны*, наличие *й* перед начальным гласным местоимений 3-го лица (*йон, йана, йоны* и т. п.).

Явления этой подгруппы (см. карту), характерные только для западных южновеликорусских говоров, распространены также и севернее, на территории, картографированной в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей», причем распространение этих явлений оказалось здесь почти повсеместным, в связи с чем мы и не видим на карте соответствующей изоглоссы в данной части территории. Кроме того, как об этом можно судить на основании имеющихся архивных и опубликованных данных, эти явления и вообще характерны для говоров новгородской группы, но имеют менее широкое распространение на востоке, в вологодских и архангельских говорах.

По отношению к явлениям этой подгруппы, представляющим собой определенные новообразования в истории фонетического строя русского языка, может быть, допустимым является то предположение, что они возникли на нашем северо-западе в период до обособления территории Литовской Руси. Об этом свидетельствует факт распространения этих явлений, кроме северо-запада, также и в более южном направлении. Поздние новгородские новообразования, как, например, совпадение дательного-творительного падежей множественного числа или изменение сочетания *дн > нн*, подобного распространения в южном направлении не получают. С другой стороны, распространение этих явлений в пределах южновеликорусских говоров явно имело место уже после того, как определенная более западная часть этих говоров отделилась от более восточной части, что было опять-таки связано с обособлением юго-западной части южных говоров в связи с их вхождением в состав Литовского государства.

Большое значение для понимания закономерности территориального распространения названных выше языковых явлений имеют, таким образом, процессы, связанные с образованием Литовского государства.

Карта № 4

1. Распространение формы именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица **ОНЫ**. 2. Распространение твердых губных в соответствии с мягкими в конце слова.

Роль этих процессов подчеркивал в свое время А. А. Шахматов: «Южновеликорусские говоры— это первоначальные юго-восточные говоры: среди них следует различать: во-первых, раньше других примкнувшее к говорам северо-восточным московское наречие, во-вторых, говоры, не входившие в состав литовско-русского союза, напр. рязанские, в-третьих, говоры, входившие в XIII, XIV, XV вв. в состав означенного союза».

Среди последних надо различать группы говоров смоленских, группы говоров черниговских, группы говоров орловских, калужских, тульских. Тщательное исследование всех этих говоров, в связи с изучением говоров белорусских, укажет, вероятно, звуковые, их различающие, особенности и определит первоначальную группировку юго-восточных говоров¹.

Вторая подгруппа языковых явлений западного типа отличается от первой тем, что для этих явлений не отмечают, как правило, сколько-нибудь интенсивного распространения их в северном направлении, в связи с чем они остаются характерными только для западной части южновеликорусских говоров в отличие как от их более восточной части (т. е. тульской и рязанской групп южновеликорусского наречия), так и от соседних северновеликорусских говоров.

К числу явлений этой подгруппы в настоящее время оказывается возможным отнести показанное на карте употребление протетического *е* перед гласными *о* и *у* в начале слова (*восень, вутка* и т. п.); произношение *й* в соответствии с *л* (в конце слова преимущественно в глаголах *знай, бывай* и т. п.; в середине слова — в случаях типа *пайка* и в случаях типа *войка*).

К этой же подгруппе явлений относится и употребление сочетаний *ый, эй* в случаях типа *мою, рою, крою*², отсутствие изменения *е > о* перед шипящими (*дешеве, одежа*) и тем самым, возможно, более долгое сохранение мягкости шипящими согласными, склонение существительного *мышь* по типу существительных мужского рода (*мышь, мыша, мышу...*), распространение указательных местоимений женского рода типа *та́йа, тайа́, тыйа́* и мужского рода *той, тэй, тый*.

Перечисленные явления распространены на территории западной части южновеликорусского наречия в различной степени. Граница употребления протетического *е* перед начальными гласными *о* и *у* почти совпадает с границей, отделяющей тульские и рязанские говоры от западной части южновеликорусского наречия. На основании границ произношения *й* в соответствии с *л* или произношения *е* в случаях типа *дешеве, лепешка* на западе выделяется более узкая территория (см. карту).

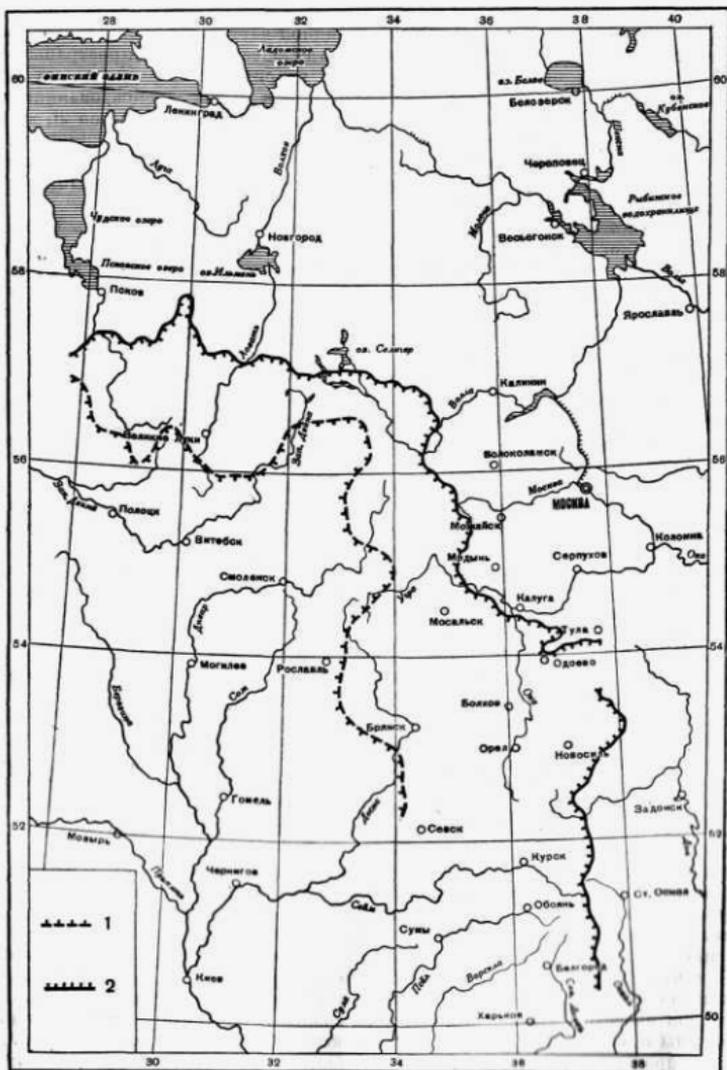
Границы некоторых других явлений, как, например, употребление сочетаний *-ый, -эй* или склонение существительного *мышь* по типу слов мужского рода, распространение местоимений типа *та́йа, тыйа́* или *той, тэй*, проходят между двумя охарактеризованными выше изоглоссами.

Отличительной особенностью западных явлений второй подгруппы является то, что они не имеют значительного распространения в северном направлении, за пределами северной границы южновеликорусского наречия. Некоторое распространение отдельных из этих явлений к северу (как, например, распространение протетического *е*) легко может объясняться более поздними процессами, относящимися к периоду общего продвижения южновеликорусских языковых особенностей на север при формировании средневеликорусских говоров.

На основании анализа территориального распространения явлений, которые выделены нами как явления, имеющие западную локализацию, и отнесены ко второй подгруппе, можно высказать предположение

¹ А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий, РВБ, 1894, т. XXXII, № 3, стр. 10—11.

² Параллельное сочетание *ий* встречается на той же территории значительно реже.

Карта № 5

1. Распространение ѣ в соответствии с л в середине и на конце слова, 2. Распространение протетического ѣ перед гласными о и у в начале слова.

о том, что они развились в пределах западной части южновеликорусского наречия примерно в тот же период, когда здесь шло распространение явлений первой подгруппы, может быть возникших первоначально на северо-западе. Исторически эти явления могли быть новообразованиями, возникшими в восточнославянских говорах, входивших в состав Литовской Руси, поскольку тут имели место процессы временного сплочения различных восточнославянских говоров (как будущих белорусских, так и будущих русских), ранее входивших в другие политические объединения и включавшихся в другие сферы языкового общения.

Оказывается также возможным рассматривать западную часть южновеликорусского наречия, независимо от намеченного в «Опыте» внутреннего членения говоров этой части, как определенный компактный диалектный массив говоров, в равной мере противопоставленных как тульской, так и рязанской группе говоров. Часть языковых черт указывает также на определенные связи данной группы говоров с говорами нашего северо-запада.

Можно при этом допустить, что некоторые языковые черты западного типа по-разному распространялись в более позднее время — в зависимости от различного рода причин — в восточном направлении. Этим может объясняться то обстоятельство, что явления, в общем имеющие западную локализацию, занимают, однако, территории различных размеров.

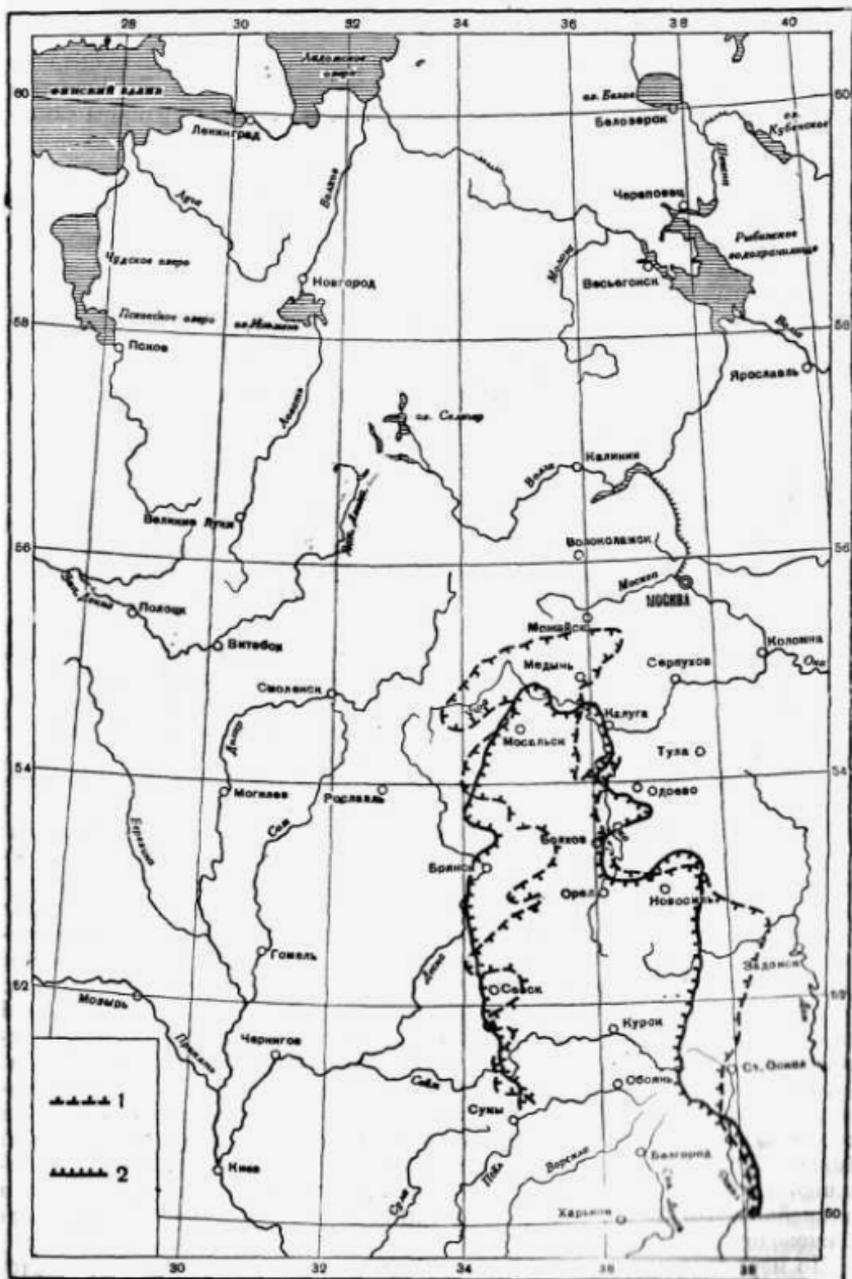
Все рассмотренные нами изоглоссы выделяют территории явлений, в той или иной степени распространенных и западнее, в пределах белорусского языка. Полное представление об этой территории мы получим только после того, как будут составлены карты диалектологического атласа белорусского языка. Это будет иметь в ряде случаев очень большое значение при рассмотрении генезиса названных явлений, уточнении первоначального очага их возникновения и направлений, в которых шло их позднейшее распространение.

В данной статье мы не касаемся вопроса о явлениях, которые неширокой полосой или отдельными островками распространены вдоль западной границы «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР и территории Белоруссии». Для понимания их территориального распространения решающее значение имеют данные лингвистической географии белорусского языка, в пределах которого находится основная территория распространения некоторых из этих явлений.

Изучение территориального распространения как тех явлений, которые общи и русскому и белорусскому языкам, так и тех, которые имеют преимущественное распространение в пределах одного из этих языков, одно лишь даст возможность достаточно определенно высказаться по вопросу о границе между этими языками. Однако и сейчас карты составленных атласов показывают, что эта граница не является резкой и достаточно определенной. Историческими предпосылками обусловлен тот факт, что мы имеем здесь неравномерное распространение ряда явлений, одни из которых шире распространены в белорусском языке и в разной степени известны южновеликорусским говорам, другие преимущественно связаны в своем распространении с южновеликорусскими говорами¹.

В пределах западной группы южновеликорусских говоров, только что охарактеризованной на основе ряда изоглосс, а именно — в ее восточной половине, мы встречаемся с определенным кругом явлений, распространение которых является узким. Эти явления не распространены

¹ Анализ этих исторических процессов см. в статье Р. И. Аванесова «Вопрос образования русского языка в его говорах», стр. 134—136.

Карта № 6

1. Распространение случаев утраты заднего в аффрикатах ч' и ц'. 2. Распространение произношения ч' как 'а в заднем конечном слоге в случаях типа б'у'нда, вы'нна.

сколько-нибудь ощутительно ни на запад — на территорию белорусского языка, ни на восток — на территорию говоров рязанской группы. Как правило, эти явления не достигают также и северной границы самого южновеликорусского наречия. Это как бы периферийные явления в пределах западной группы говоров.

Наиболее типичными являются здесь изоглоссы таких явлений, как утрата затвора аффрикатами ч' и ц (*ш'асто, нош', дби'ка, кър'иса, от'ес* и т. п.), мена с и ц в случаях типа *ручкий*, видимо, возникающая на основе совпадения ч и с при утрате затвора аффрикатой, диссимилиация согласных в случаях типа *дамно, рамно*, произношение и и е как 'а в заударном закрытом слове в определенных случаях (*бросял, выняс*). Более широкой, но в общем сходной по выделяемой ею территории является изоглосса суджанского типа яканья.

Пониманию того, когда и в каких условиях в пределах западной части южновеликорусского наречия могли развиться новообразования, в дальнейшем распространявшиеся на столь ограниченной территории, может помочь опять-таки представление о тех исторических условиях, которые имелись на восточной окраине Литовской Руси.

В XIV, XV, XVI вв. здесь, в частности в пределах так называемых «Верховских княжеств», фактически могла складываться своя достаточно обособленная сфера языкового общения. Эти княжества попеременно оказывались то под властью Литовского, то Московского государства, причем и в том и в другом случае являлись периферийными в их составе. Этим и определяется в конечном счете то обстоятельство, что известная группа местных языковых новообразований получает столь ограниченное распространение. Подобные, на такой узкой территории локализованные языковые особенности начинают подвергаться выветривке под влиянием общенародного типа русского языка лишь в поздний национальный период, чем и объясняется то обстоятельство, что мы имеем возможность совершенно отчетливо фиксировать их и в настоящее время.

Изоглоссы явлений, локализованных в восточной части западной группы южновеликорусских говоров, выделяют здесь лишь известную подгруппу; для общей классификации южновеликорусского наречия они не играют той роли, какую играют перечисленные выше типы изоглоссы; основные группы южновеликорусского наречия формировались на основе исторических процессов, приводивших к сличению больших групп населения.

Наиболее важными из рассмотренных выше изоглоссы являются те, которые ведут нас к выделению из состава южновеликорусских наречий говоров так называемой тульской группы. Важны также данные, служащие для выделения западной группы южновеликорусского наречия, взятой в целом. При этом характерно наличие в западной группе южновеликорусских говоров таких черт, которые формировались в них на основе взаимодействия с говорами нашего северо-запада. Существенны также закономерности и характер распространения черт, которые развились в период сличения тех говоров, одни из которых становятся в дальнейшем говорами белорусского, другие — говорами русского языка (южновеликорусскими).

По мере того как смыкаются территории составляемых нами диалектологических атласов русского языка, мы все больше убеждаемся в той роли, которую сыграют последние в деле разработки описательной и исторической диалектологии русского языка и истории русского языка в целом, в осуществлении глубокой и подлинной связи истории языка и истории народа, которой марксистское языковедение придает такое большое значение.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ВОЛГО-ОКСКАЯ ТОПОНИМИКА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Тема, затрагиваемая в данной статье, не является новой. Специфическая неславянская топонимика северной и средней полосы Европейской части СССР неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Так, например, Д. Европеус в статье «К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян» утверждал, что «до-русские названия местностей, встречающиеся в северной и средней России от Ледовитого океана до реки Оки и до городов Витебска и Полоцка, большую частью югорского или угорского происхождения, т. е. принадлежат языку прадедов нынешних венгров, или мадьяров, вогуличей и остяков»¹.

Д. Европеус даже пытался расшифровать некоторые названия рек при помощи остяцкого и вогульского языков. Так, например, название реки Печенга он сопоставлял с остяцким *pecheeng*, что значит «сосновая вода», название реки Вычегда он сводил к Вытшагет, что, по его мнению, должно означать «водяной рукав, приток, изобилующий водою»².

И. Н. Смирнов в своем исследовании о вотяках обращает внимание на то, что названия рек на *-ма* в вятском крае имеют те же «корни», что названия на *-ва* в крае зыряно-пермячком (например: Виль-ма и Виль-ва, Нерт-ма и Нерт-ва, Урд-о-ма и Урд-ва), и приходит к выводу о тождестве этих окончаний. «Ввиду того, что *ва* в зыряно-пермячком наречии означает „воду“ и „реку“, мы заключаем, что то же значение имеет и *ма*. Этот вывод... дает нам право сказать, что народ, разбросавший по губерниям Костромской, Вологодской, Вятской и Пермской массу речных названий с окончанием на *ма*, говорил языком, представлявшим одно из разветвлений обширной группы диалектов, от которых в настоящее время уцелели зырянский, пермяцкий и вятский»³.

Вопросам дославянской топонимики на территории средней и северной части СССР была посвящена также статья акад. А. И. Соболевского. В отличие от своих предшественников, А. И. Соболевский относил создателей этой топонимики не к финно-угорским, а к индоевропейским народам. «Я ограничиваюсь, — писал он в своей статье, — сопоставлением данных в области названий рек и озер Поволжья, Прикамья и русского Севера с данными названий на юге и в центре России.

Исходный пункт моей работы — предположение, что эти две группы названий родственны между собой и принадлежат

¹ См. ЖМНП, 1868, ч. СXXXIX, июль, стр. 58.

² См. там же, стр. 62—63.

³ И. Н. Смирнов, Вотяки. Историко-этнографический очерк, Казань, 1890, стр. 33—34.

одному языку индоевропейской семьи, который я пока, впрямь до подыскания более подходящего термина, именую с к и ф с к и м»¹.

А. И. Соболевский также делает попытки объяснить некоторые окончания рек. Так, окончание *-ма* (Вязьма, Клязьма, Шошма и т. д.) он связывает с прилагательным индоевропейских языков на *-ima*, например с греческими *φωινικός*, *ἑσθρινός*². Касаясь названий рек, обнаруживающих в окончании повторяемый элемент *кша*, например Мокша, Ширмокса, Покша и т. д., он замечает, что «этимология *-кэс-*, *-кш-* ясна: ср. др.-бактр. *kasu-* «малый, слабый», лит. *nukasžėti* (греч. *κακός*)»³.

Среди исследователей дославянской топонимики на территории северной и средней полосы Европейской части СССР были и такие, которые предпочитали здравый скепсис бесплодным попыткам установления этнической принадлежности создателей этой топонимики.

И. Н. Смирнов писал по этому поводу следующее: «Страна, в которой окончательно осели черемисы, не была пустыней, когда они в ней явились. Главные воды территории от Волги до Вятки были известны человеку задолго до начала черемисской колонизации. Все они имеют названия, не соответствующие по своему составу черемисским. Мы видим реки: Ветлуга..., Кокшага..., Каньга, Нулга, Кичига, Шинга, Ронга, Шурма, Юргема..., Олма, Кичма, Торма, Вошма, Чухма, Шошма..., Урма..., Нурма, Удюрма, Пижда..., Пима, Муйма, Рой, Буй, Люй, Пижой..., Турья..., Руя, Курья, Сурья, Унжа, Сарда, Немда, Инда, Кирда, Куита, Ухта, Мута, Орша, Турша, Пильба, Курба, Лонба. Названия эти не могут считаться и вотяцкими... Из того обстоятельства, что вотяцкие названия носят мелкие речки, можно заключить, что вотяки, подобно черемисам, застали край... уже со следами человека... За вычетом всех вятских по типу названий мы получаем массу других, которые пока не поддаются еще объяснению из живых финских наречий и принадлежат, судя по сходству или даже тождеству, народу, занимавшему громадное пространство от меридиана Москвы до меридиана Перми» (разрядка моя. — Б. С.)⁴.

Не касаясь анализа других работ русских и зарубежных ученых, связанных с исследованием этого вопроса, мы считаем, что все попытки определить этническую принадлежность создателей дославянской топонимики средней и северной полосы Европейской части СССР не увенчались до сих пор какими-либо серьезными успехами. Более обещающим, по нашему мнению, будет другой путь исследования — путь установления связи между результатами исследований в области топонимики с новейшими достижениями археологии. Топонимика в этом случае вместе с данными археологии превращается в один из источников изучения истории заселения русского Севера.

Древнейшая история заселения севера Европейской части СССР долгое время оставалась совершенно не изученной. Однако в настоящее время благодаря успехам археологии в Советском Союзе советским археологам удалось в сотрудничестве с антропологами установить некоторые факты, проливающие свет на древнюю историю нашего Севера. Советские архе-

¹ А. И. Соболевский, Названия рек и озер русского Севера, ИОРЯС, 1927, т. XXXII, стр. 2.

² Там же, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 15—16.

⁴ И. Н. Смирнов, Черемисы. Историко-этнографический очерк, Казань, 1889, стр. 19—20.

логи предполагают, что первичное заселение его происходило с Южного Урала и Приуралья¹. Эта гипотеза подтверждается не только сходством в типах вещей древнейших и более поздних стоянок от Прибалтики до Урала, но и сходством антропологического типа древнего населения на севере Европейской части СССР с современным южноуральским. Время этого первичного заселения Севера советский археолог А. Я. Брюсов датирует VII—VI тысячелетием до н. э.²

Примерно в III тысячелетии до н. э. начинается вторая волна заселения Севера. Эта гипотеза возникла в связи с очень интересным открытием А. Я. Брюсова. Занимаясь в течение долгого времени изучением памятников материнальной культуры на территории Карелии и севера Европейской части СССР, он высказал мысль о возможности заселения Карелии из района Волго-Окского междуречья. «На древнейших стоянках Карелии, — замечает А. Я. Брюсов, — мы встречаем керамику, наиболее близкую по типу к древней среднеуральской керамике»³. Первоначальным очагом расселения А. Я. Брюсов считает Волго-Окское междуречье. По его мнению, до половины III тысячелетия до н. э. Карелия оставалась безлюдной⁴. «Северная часть Карелии была освоена несколько позднее, повидимому, только в конце третьего тысячелетия до нашей эры или в начале второго тысячелетия»⁵.

Заселение Карелии из района Волго-Окского междуречья охватило сначала только южную и западную части области. Подтверждением этой гипотезы является тот факт, что «ранние стоянки не обнаружены дальше на севере Карелии, ни на востоке, ни на западе»⁶. Есть также основания предполагать, что переселенцы поддерживали от случая к случаю связь со своими сородичами на местах. Так, например, под Москвой, на берегу Москва-реки, было обнаружено погребение под курганом, где сопровождавшие покойника вещи состояли из типичных для Севера и необычных для Волго-Окского междуречья предметов⁷.

Другой весьма интересной в этом отношении работой является книга М. Е. Фосс «Древнейшая история севера Европейской части СССР», появившаяся в 1952 г. Автор книги, исследовавший новые археологические материалы, полностью подтверждает гипотезу А. Я. Брюсова и вместе с тем раскрывает более конкретную картину заселения Севера.

М. Е. Фосс утверждает, что «Север заселялся из разных областей, чем и объясняется сходство, наблюдаемое в стиле орнаментики восточной его части — с Западной Сибирью, в средней — с Волго-Окской областью...»⁸.

«Резкое различие в орнаментальных традициях племен Приуралья и Волго-Окского бассейна, — по мнению М. Е. Фосс, — указывает на этническое различие населения в конце III — начале II тысячелетия до н. э.»⁹. Для района Большеземельской тундры, пишет М. Е. Фосс, типично «... как общее явление отсутствие ямочно-гребенчатой керамики типа, распространенного в Волго-Окском бассейне и на значительной территории Севера в более южных широтах»¹⁰.

Предполагается, что носители так называемой печорской культуры

¹ См. А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 38.

² См. там же, стр. 39.

³ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, М., 1940, стр. 32.

⁴ См. там же, стр. 33.

⁵ Там же, стр. 34.

⁶ Там же, стр. 46.

⁷ См. там же, стр. 47—48.

⁸ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, М., 1952, стр. 39.

⁹ Там же, стр. 173.

¹⁰ Там же, стр. 139.

проникли в район Большеземельской тундры из Западной Сибири. «Сибирские племена расселились по рекам и озерам бассейна р. Печоры и по более мелким рекам, впадающим в океан»¹.

Устанавливаются также связи с Волго-Окским междуречьем у племен, населявших в неолитическую эпоху побережье Белого моря: «На беломорском побережье приблизительно к началу II тысячелетия до н. э. относятся стоянки с характерной ямочно-гребенчатой керамикой, указывающей на происхождение их населения из Волго-Окской области»². Наличие на территории Карелии керамики типа Сперрингс, распространенной из Финляндии, и ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа позволяет установить, что в III тысячелетии Карелия заселялась с запада и с юга³.

Интересно также замечание М. Е. Фосс, что в эпоху неолита «часть населения средней полосы Европейской части СССР... продвинулась вплоть до берегов Белого моря»⁴.

Подводя итог важнейшим открытиям советских археологов, можно считать вполне установленными следующие факты:

1. Обнаружены две волны заселения Севера. Наиболее ранняя, датированная VII, VI тысячелетиями до н. э., шла из Южного Урала и Приуралья, вторая, более поздняя, шла из района Волго-Окского междуречья. Начало этой волны переселения датируется III тысячелетием.

2. Население Севера в неолитическую эпоху было неоднородным. Население западной части и население восточной части, прилегающей к Уралу, резко отличалось по материальной культуре и имело различное происхождение.

В связи с этим возникает вопрос, могут ли указанные факты быть подкреплены какими-либо лингвистическими данными. Опираясь на археологические данные, М. Е. Фосс пытается сделать некоторые выводы о характере языковых общностей. «... Племена Карелии, занимавшие область, характеризуемую распространением в ней керамики типа Сперрингс, были иного происхождения (как показывает орнаментака этой керамики), чем волго-окские племена, также расселившиеся по территории Карелии, и, повидимому, они говорили на разных языках. Противоположно этому можно высказать предположение относительно печорских племен, генетически связанных с западносибирскими племенами и имевших, вероятно, общий с ними язык, отличавшийся от языка остальной части населения Севера.

В связи с выводом о расселении на Север некоторых племен из Волго-Окской области и, судя по распространению керамики волго-окского типа, представляется вероятным, что все это население, связанное единством происхождения, говорило на одном общем языке»⁵.

Выводы М. Е. Фосс в данном случае основаны на отождествлении языковых общностей и общностей материальных культур и не подкреплены никакими лингвистическими данными, в связи с чем они не выходят за рамки более или менее вероятных, но ничем не доказанных гипотез. Совершенно ясно, что за период времени от неолитической эпохи до наших дней лингвистическая и этническая карта Европейской части СССР подверглась сильным изменениям. Никаких племен и тем более языков, ведущих свое происхождение непосредственно от периода неолитической эпохи, в настоящее время уже нет. Невольно напрашивается вывод о полной бес-

¹ М. Е. Фосс, указ. соч., стр. 144.

² Там же, стр. 121.

³ См. там же, стр. 147.

⁴ Там же, стр. 153.

⁵ Там же, стр. 35.

полезности каких-либо поисков в этом направлении. Однако такой вывод был бы слишком пессимистичным и преждевременным. Существуют лингвистические факты, сохраняющиеся необычайно долго. К таким фактам относятся прежде всего топонимика. Правда, топонимика также может претерпевать изменения, и древняя топонимика на территории Европейской части СССР в значительной степени исчезла: возникли новые топонимические слои, имели место переименования, переводы на более поздние языки и т. д. Но все эти изменения в целом ряде случаев не нарушили общего колорита древней топонимики, позволяющего сделать более или менее определенные выводы.

Характер топонимики может быть простым и сложным. Изучение топонимики целесообразно начинать с более простых случаев, когда древние топонимические пласты не слишком нарушены и перекрыты более новыми топонимическими слоями. Поскольку выше шла речь о истории заселения Карелии, рассмотрим прежде всего характер топонимики на территории современной Карелии.

Исследование топонимики Карелии позволяет обнаружить довольно отчетливо различающиеся три топонимических пласта: 1) древний слой, характеризующийся суффиксами *ма, га, ша* (так называемые «речные суффиксы»); 2) карельский топонимический слой, т. е. слой, объясняемый при помощи диалектов карельского языка; 3) славянский топонимический слой, представленный русскими названиями.

1. Суффиксы *ма, га, ша* обычно входят в состав названий рек и населенных пунктов. Таких названий рек и населенных пунктов на территории Карелии находится значительное количество. Приводим небольшой перечень этих названий: р е к и: Кузема, Волома, Воньга, Оннгма, Олонга, Калга, Вирьма, Сума, Колежма, Пяльма, Кума, Киркма, Тукша, Шапша, Нига, Вожма, Вама; н а с е л е н н ы е п у н к т ы: Поеньома, Нижняя Пулонга, Лижма, Шайдома, Пяльма, Кочкома.

Интересно отметить, что по направлению к северу названия этого топонимического слоя заметно редуют. Не встречаются они и на территории Финляндии.

К более редким «речным» суффиксам, встречающимся на территории Карелии, следует отнести суффиксы: *ла* (Водла), *жа* (Пажа), *кса* (Кумоукса, Лекса, Рагнукса и т. д.), *да* (Тунгуда, Онда), *та* (Охта, а также населенные пункты Лехта и Ухта).

2. Карельский топонимический слой также выделяется сравнительно легко; ср. такие названия, как Регойрви, Ювалакша, Нинисельга, Гомсельга, Кяпсесельга и т. д.

3. Русский топонимический слой — наиболее поздний по своему происхождению. Представлен двумя характерными для Карелии типами: первый тип — так называемые топонимические полупереводы, например Пяозеро, Пуйгуба, Шелозеро, Лидозеро и т. п.; второй представлен собственно русскими названиями, например Уткина гора, Святаволок и т. п.

Не прибегая даже к специальным исследованиям, можно легко заметить, что наиболее древний топонимический слой, характеризующийся суффиксами *ма, га и ша*, не ограничен только территорией Карелии, но весьма широко представлен в соседней Архангельской и в Вологодской областях. Приводим небольшой список рек Архангельской области: Токша, Шомокша, Обокша, Коноша, Моша, Лепша, Игиша, Выкошма, Комша, Сога, Лонтюга, Ваймога, Мудьюга, Онега, Соймога, Ельга, Паденьга, Няменьга, Ваймуга, Нореньга, Калажма, Сюзьма, Перчема, Тойма, Шожа и т. п.

Речные названия этого типа характерны не только для бассейна Оне-

ги и Северной Двины, но распространяются и далее на восток, захватывая бассейн р. Мезени и нижнее течение Вычегды. Приводим небольшой список рек бассейна Мезени: Цебьюга, Ежуга, Циленга, Комша, Выкомша, Пучкома, Цема, Пижма, Кыма.

Тожественной по своему характеру, как уже говорилось выше, является топонимика нижнего течения Вычегды; ср., например, названия рек: Сойга, Яреньга и населенных пунктов: Урдома, Шонома, Толша. В основном единственной является и топонимика побережья Белого моря; ср. названия рек: Унежма, Сюзьма, Мудьюга, Колозьма, Якма; на Кольском полуострове: Варзуга, Чаваньга, Чанома, Пулоньга. Топонимика этого типа на Кольском полуострове характерна только для его южного берега.

Встречаются в Архангельской обл., так же как в Карелии, более редкие «речные» суффиксы, например суффикс *да*: Кямда, Вонгула, Суланда, Куропалда; суффикс *та*, по всей видимости, фонетическая разновидность суффикса *да*: Ухта, Хехта, а также населенные пункты Ирта, Паста, Успапта и т. д.; суффикс *жа*: Ковжа, Кежа, Кижка (суффикс *жа*, возможно, представляет фонетическую разновидность суффикса *ша*); суффикс *ба*: Корба, Ньюба; суффикс *са*: Нюгуса, Куруса, Топса, Икса, Илкса; суффикс *за*: Солза, Пеза, Сельза; суффикс *ра*: Тегра, Сура, Явзора, Люфгура, Сефгора. Очень редко встречаются реки, характеризующиеся суффиксом *ла*, например Сула, Кижмола, и суффиксом *важ*: Кестваж, Ухваж, Реваж, Соваж.

Топонимика, характеризующаяся «речными» суффиксами *ма*, *га* и *ша*, довольно хорошо представлена в бассейне р. Сухоны; ср. названия рек: Порша, Нодима, Марленьга, Уфтьога, Кема, а также населенных пунктов: Тотьма, Нижняя и Верхняя Тозьма, Печенга, Камчуга, Коченьга и т. д. Топонимике того же типа находим и в Костромской обл.; ср., например, населенные пункты: Кострома, Чухлома, Костома, Шокша, Якшанга, Полома; названия рек: Вига, Шикша, Шекшема, Сивьга, Шилекша, Шыльдлома, Ширмокша и т. д.

Древняя топонимика Ивановской, Ярославской, Горьковской и Кировской областей обнаруживает те же типичные для этой топонимики «речные» суффиксы. В Ивановской обл.: Полома, Тума, Нельша, Сотьма, Теша, Кохма, Вичуга; в Ярославской обл.: Цицерна, Шуга, Шошша, Ильма, Мозга, Игиша, Нелюга; в Горьковской обл.: Теша, Велетьма, Ветлуга, Пижма, Хохлома; в Кировской обл.: Волманга, Молома, Шаранга и т. д.

Топонимические названия этого типа встречаются и на территории Московской обл., например: Ихрома, Икша, Торгаша, Вендига, Воймега, Желема. Можно обнаружить ее следы и на территории Смоленской обл., например Вязьма, Осьма. В Рязанской обл. встречаются названия: Лашма, Тума, Елатьма, Нарма; в Пензенской — Выша, Пачелма.

Топонимика того же типа обнаруживается на территории Мордовской, Марийской и отчасти Удмуртской и Чувашской республик. В Мордовской АССР: Лястьма, Пырма, Пелетьма, Мокша, Пушта, Калша (название рек), также название населенных пунктов Мокша и Шокша; в Марийской АССР: Уртома, Шошма, Икма, Кокшага, Юронга, Ваштранга, Чукша, Шиньша. В Удмуртской АССР этот слой представлен названиями: Люга, Можга, Пурга, Нылга.

«Речной» суффикс *ма* имеется в названиях р. Камы и ее притоков Тоймы и Лекмы. Слабые следы топонимики этого типа имеются в Коми республике, в бассейне р. Сысолы; ср. названия: Ужга, Пажга, Визеньга. Видоизмененный «речной» суффикс *ма* фигурирует в названии населенного пункта Чухлом (вероятно, из Чухлома), а также в Чувашской и Татар-

ской республиках, например, Тюрлема в Чувашской республике, Меша, Шешма в Татарской республике. В полосе, прилегающей к Уралу, можно найти лишь отдельные, крайне редко встречающиеся топонимические названия этого типа, например: Толтма, Кельтма, Якша и т. д.

Выше указывалось, что на Севере СССР, помимо топонимических названий, характеризующихся «речными» суффиксами *ма*, *га* и *ша*, встречаются названия рек, имеющие суффиксы *жа*, *да* или *та*, *за* или *са*, *ра*, *ла* и т. д. Нужно отметить, что названия рек с этими суффиксами встречаются значительно южнее, что может быть наглядно проиллюстрировано. Суффикс *жа*: Ковжа, Кобжа (Вологодская обл.), Сережа, Межа (Великолуцкая обл.), Сережа (Горьковская обл.), Ушка (Костромская и Ивановская обл.), Тужа (Кировская обл.); суффикс *ра*: Пахра (Московская обл.), Кобра (Кировская обл.), Угра, Вихра (Смоленская обл.), Вишера (Ленинградская, Молотовская обл. и Коми АССР), Сура (Мордовская и Чувашская АССР), Вытегра (Вологодская обл.), Конгора, Мягра (Ярославская обл.); суффикс *ва*: Вазуза, Гобза (Смоленская обл.), Руза (Московская обл.), Луза, Керза (Кировская обл.), Юза (Вологодская обл.), Теза (Ивановская обл.), Меза (Костромская обл.); суффикс *та* (*да*): Нерехта, Сорохта (Костромская и Ивановская обл.), Немда (Кировская обл.), Уста, Линда (Горьковская обл.), Тафта (Вологодская обл.), Лянда (Марийская АССР), Шижегда, Уронда (Ивановская обл.).

Можно приблизительно очертить ареал распространения топонимики этого типа. Она распространена на территории Московской, Ивановской, Кировской, Горьковской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Архангельской, Рязанской и отчасти Смоленской областей, а также на территории Мордовской, Марийской и отчасти Удмуртской республик. На Крайнем Севере эта топонимика не заходит дальше южной части Кольского полуострова, почти не встречается в западной части Ленинградской области, а также в Псковской, Великолуцкой и Калининской областях; нет ее на территории Коми республики, за исключением двух небольших топонимических островов в районе Сысолы и Печоры. Незначительные следы ее имеются на территории Чувашской и Татарской республик. Топонимика этого типа в Приуралье, на Верхней Каме и в Башкирской республике встречается крайне редко.

Несомненно, эта топонимика в качестве источника имеет какой-то язык, который, разумеется, имел своих носителей. Учитывая, что пространства русского Севера заселялись значительно позднее, можно предположить первоначальную территорию распространения этого языка в средней полосе Европейской части СССР, может быть, на территории современных Московской, Ивановской и Ярославской областей с несколько большим территориальным охватом. В какой-то период времени действительно осуществлялась миграция этого населения в более северные области на территорию Костромской, Кировской и Вологодской областей, а также в южную часть Карелии. Из Карелии позднее, повидимому, происходило распространение этого населения к востоку, в бассейны Сухоны, Северной Двины и Мезени. Об этом свидетельствуют не только общность «речных» суффиксов, но и другие весьма показательные факты. Бросая насиженные места и обосновываясь на новом месте, переселенцы иногда давали новому населенному пункту название покинутого населенного пункта. Приведем несколько наглядных примеров (см. стр. 26).

Движение населения совершалось не только в направлении к северу, но и в направлении северо-востока, о чем опять-таки свидетельствуют повторяющиеся названия рек и населенных пунктов; ср., например, г. Чухлома в Костромской обл. и Чухлом — населенный пункт на р. Сысьоль; село Николо-Полома в Костромской обл., Полом — в верхнем те-

Средняя полоса

Север

Шокша — населенный пункт в Мордовск. АССР, Шокша в Костромской обл.	Мыс Шокшинский на Онежском озере
Ижма — река в Марийской АССР	Ижма — приток Печоры
Икса — название населенного пункта в Марийской АССР, Икса — название населенного пункта в Московской области	Икса — река в Архангельской обл.
Вашка — река в Ивановской обл.	Вашка — приток Мезени
Сура — приток Волги (протекает главным образом по территории Мордовской и Чувашской республик)	Сура — приток Мезени
Клизма — приток Волги	Колозьма — река в Архангельской обл.
Тойма — приток Камы	Тойма — приток Северной Двины
Муром — город Владимирской обл.	Муромля — приток Свири
Кудьма — приток Средней Волги	Кудьма — река, впадающая в Белое озеро ¹

чени р. Вятки и Полом в Удмуртской АССР; р. Межа — приток Западной Двины и Межа — приток Унжы; р. Пижма — приток р. Великой, приток р. Ветлуги, приток р. Вятки и приток р. Печоры². На Севере наблюдается повторяемость населенных пунктов и названий рек по направлению к востоку; ср. Ухта — в Карело-Финской ССР и Ухта — в Коми АССР; Мудьюга — приток Онеги и Мудьюга — река, впадающая в Белое море; Ижма — населенный пункт около г. Архангельска и Ижма — приток Печоры; Кулой — приток Ваги и Кулой — приток Пинеги; Нюхча — река в Карело-Финской ССР, впадающая в Белое море, и Нюхча — приток Мезени; Уфтюга — приток Сухоны и Уфтюга — приток Северной Двины; Сойга — приток Северной Двины и Сойга — приток Вычегды; Няндомо — населенный пункт в Архангельской обл. и Нянда — населенный пункт в нижнем течении Вычегды; Вандыш — населенный пункт в Архангельской обл. и Вандыш — населенный пункт в нижнем течении р. Вычегды; Яренга — селение на берегу Белого моря и Яреньга — правый приток Вычегды.

Есть основания предполагать возможность частичного заселения Севера непосредственно с северо-востока из района Кировской области; ср. название Пижмы — притока Вятки и Пижмы — притока Печоры. Интересны также полярные топонимические параллели, как Вишера в Новгородской обл. и Коми АССР, Орша в Белорусской ССР и в Марийской АССР, которые могут свидетельствовать о каком-то движении населения с запада на восток.

Таким образом, топонимика позволяет в известной степени уточнить пути колонизации волго-окского населения. Движение населения происходило не только в направлении севера, но также в направлении северо-востока и востока, причем колонизация населения к востоку в средней полосе началась, очевидно, раньше колонизации населения на восток из района Карелии. Можно предполагать, что преимущественно из Карелии были заселены бассейны рек — Сухоны, Онеги, Северной Двины и Мезени, а также нижнее течение Вычегды.

¹ См. А. И. Соболевский, указ. соч., стр. 77.

² См. там же, стр. 34.

По утверждению советских археологов, бассейн Печоры и территория Большеземельской тундры были в древности заселены племенами иного происхождения, носителями так называемой уральской культуры. Ямочно-гребенчатая керамика волго-окского типа в этом районе не встречается. Нужно отметить, что данные топонимики не только не противоречат, но вполне подтверждают эту гипотезу. Действительно, в бассейне Печоры и в Большеземельской тундре, вообще в восточной полосе Европейской части СССР, прилегающей к Уралу, нет топонимики волго-окского типа. Значительное количество топонимических названий бассейна Печоры и района Большеземельской тундры может быть объяснено при помощи ненецкого языка. Таковы названия, характеризующиеся суффиксом *жа* (буквально: «река»), например: Харь-яха, Пай-яха, Надыр-яха, Ярей-яха, Сенг-яха, или суффиксом *то* (буквально: «озеро»), например: Лая-то, Петей-то и т. д. Встречаются, повидимому, смешанные коми-ненецкие названия типа Хальмер-ю, Яй-гор-ю и т. д.

М. Е. Фосс, говоря о распространении на Севере керамики с орнаментами волго-окского типа, делает одно весьма интересное замечание: «Следует еще упомянуть об очень далеких двух пунктах, находящихся в Большеземельской тундре, в бассейне р. Печоры (на р. Колве, в местности Шренк-Ярей, и неподалеку от нее, на р. Сандибей-ю), где найдено несколько фрагментов волго-окского типа с конически-ямочным орнаментом, но распространенным лишь в два-три ряда. Эта керамика датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э. Редкость находок, датируемых поздним временем, не позволяет высказать какое-либо определенное предположение о путях проникновения традиционных орнаментов волго-окских племен в столь отдаленные места»¹.

Этот факт нам не кажется случайным. На Печоре есть небольшой топонимический остров, характеризующийся «речными» суффиксами волго-окского типа; ср. названия рек: Икма, Цильма, Чулома, Соима, Большая Янгыша, Пижма с притоком Повьюга, Малая Вольма и Большая Вольма, Индега.

Вопрос о путях заселения Севера в настоящее время можно считать решенным, поскольку данные археологии и топонимики не находятся в противоречии. Гораздо более сложным является вопрос о том, какому языку принадлежала эта топонимика. Обычно общность топонимических названий предполагает общность языка. Конечно, язык носителей волго-окской топонимики, распространяясь по огромным пространствам северной и средней полос Европы восточной части СССР, не мог все время оставаться единым, он дробился на диалекты, которые в условиях изоляции могли превращаться в родственные языки. Сама топонимика волго-окского типа иногда дает основание для такого утверждения. Так, например, «речные» суффиксы *ша*, *са* и *ра* могли быть диалектальными разновидностями какого-то слова, обозначавшего реку. *Ра* могло образоваться из варианта *са*, *за* вследствие ротацизма звука *з*, особенно в положении между гласными.

Суффиксы *са*, *за* и *та*, *да*, повидимому, варианты одного и того же суффикса. Несомненно, что все суффиксы, типичные для волго-окской топонимики — *са*, *ма*, *ша*, *та* и т. д., — обозначали реку. Трудно предполагать хронологическую разновременность их возникновения, так как во всех случаях они оказываются сосуществующими. Не должно удивлять и обилие названий реки. У народов лесной полосы названия рек, болот, озер, леса и т. п. отличаются большой детализацией; ср. в языке коми названия ручьев и рек: *шор*, *эль* (названия ручья), *ва*, *ю* (названия реки),

¹ М. Е. Ф о с с, *Указ. соч.*, стр. 176.

vör, *парма*, *яг*, *рас* (названия разповидностей леса). Очевидно, «речные» суффиксы волго-окской топонимии обозначали реку. Однако в настоящее время нет никакой возможности установить, в чем состоит семантическое различие «речных» суффиксов *га* и *ма*. Предположение о том, что суффикс *га* обозначал реку большего размера, например Волга, а *ма* — реку меньшего размера, например Кама, не выдерживало бы никакой критики, так как имеется значительное количество названий малых рек, содержащих суффикс *га*. Такое предположение также невозможно и в топонимике рек на *ша*, так как названия рек, содержащих этот суффикс, могут обозначать крупные реки.

Еще более трудным является вопрос о возможности отнесения волго-окских языков к какой-нибудь семье ныне существующих языков и определения этнической принадлежности их носителей. Во всяком случае можно сильно сомневаться в принадлежности их к числу финно-угорских языков. Несколько тысяч волго-окских топонимических названий, фигурирующих на карте Европейской части СССР, не могут быть объяснены при помощи ныне существующих финно-угорских языков. Правда, отдельные остроумные попытки такого объяснения были. Так, например, название Пинега — большой правый приток Северной Двины — сопоставлялось с финским *pieni joki*, т. е. «малая река», Мегрега — *mägräjoki*, т. е. «барсучья река»; название Уфтыга можно бы было объяснить как «медвежья река» (арзя-морд. *осто* «медведь»), Калга — как «рыбная река» (ср. финск. *kala* «рыба»), Волга — как «белая река» (ср. финск. *valkea* «белый») и т. д. Однако все эти отдельные истолкования, целиком базирующиеся на случайных созвучиях, являются каплей в море среди массы совершенно необъяснимых названий типа Волложма, Лимевда, Свиига, Кострома и т. д. Помимо того, звуковой комплекс *ма* ни в одном из ныне существующих финно-угорских языков не обозначает реки. Звуковой комплекс *ша*, *са* с большой натяжкой можно было бы свести к марийскому слову *икса* «небольшая река», но и это сопоставление весьма сомнительно.

Если отказаться от намерения отождествлять волго-окские языки с финно-угорскими, то окажется, что на древней территории Европейской части СССР для угро-финнов не окажется места. Древняя топонимика Карело-Финской, Мордовской и Марийской республик явно свидетельствует, что никаких угро-финнов на этих территориях раньше не было. Придется либо допустить возможность появления угро-финнов как результат исторической эволюции волго-окских народов, либо искать их прародину где-то в другом месте.

Известный финский ученый Э. Сетэле в первом томе своего труда «Suomen suku» пришел к выводу, что территорию древнейшего расселения уральских народов (т. е. предков теперешних ненецких племен), а также ныне существующих финно-угорских следует искать в северо-восточной части Европы, к западу от Урала. Первоначальное местожительство собственно угро-финнов, по его мнению, следует искать в области среднего течения Волги¹. Примерно к сходным выводам пришел венгерский ученый М. Йирак; согласно его мнению, местожительство предков угро-финнов следует искать в холмистой местности, лежащей между излучиной Волги и Уральским хребтом.

Очень интересными являются новейшие исследования венгерских ученых, пытавшихся точнее определить прародину уральских народов. И. Н. Шебештьен в своей интересной статье «К вопросу о древней области

¹ См. J. N. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker, «Acta Linguistica», t. I, fasc. 2—4, Budapest, 1951—1952, стр. 343 (резюме; на русск. яз.).

распространения уральских народов» подвергла этимологическому анализу названия рыб и деревьев, встречающиеся в уральских языках, и получила результаты, которые оказались применимыми и к географическому определению древнейшего совместного местожительства уральских народов. При этом выяснилось, что ареал распространения рыб и деревьев, названия которых представлены в уральских языках, в преобладающем большинстве случаев не идет далее Урала. И. Н. Шебештьен так определяет приблизительные границы уральской прародины:

«Северная граница уральской прародины не превысила северной широты границы произрастания типично северных лиственных пород в Северо-Восточной Европе. Таким образом, она в северном направлении лежала в верховьях и среднем течении р. Печоры, равно как и по берегам р. Ижмы. Что прауральская родина имела протяжение до берегов океана или моря, об этом не имеется никаких биогеографических сведений, но можно предполагать, что прауральские народности имели уже некоторые представления о существовании океана или моря. Уральская прародина на западе обнимала по меньшей мере область, лежащую в верховьях и около среднего течения р. Вычегды. Обнимала ли она всю территорию речной системы р. Вычегды, или низовья р. Сухоны или же окрестности вдоль рр. Юга и Лузы — это за неимением биогеографических данных неизвестно. Можно установить только то, что западную границу прародины надо искать внутри западного предела распространения пихты. На юге прародине принадлежали территории, находящиеся около верховья р. Камы и ее притоков, изобилующих рыбами рода *Acipenser* (осетр, стерлядь)»¹.

Эти выводы явно свидетельствуют о том, что в Приуралье и в районе Волго-Окского междуречья в глубокой древности находились различные этнические общности, пользовавшиеся различными языками.

Несколько загадочным и трудно разрешимым остается один вопрос, почему волго-окские народы оставили ярко выраженную, типичную топонимику, тогда как уральские народы не оставили никакой типичной топонимики. Прародина уральских народов топонимически не очерчивается. В границах уральской прародины, намеченных И. Н. Шебештьен, мы находим прежде всего топонимику, принадлежащую коми языку, например: Палью, Когель, Колва, Расью, Мылва, Сойма, Лунвож, Лемью и т. д., и некоторые очень слабые следы топонимики волго-окского типа: Печора, Кама, Вишера, Якша, Ижма, Толтма. Что касается топонимики волго-окского типа, то она вообще не типична для этого района. Это скорее след очень слабых колонизационных волн из района Волго-Окского междуречья. Вывод о том, что все финно-угорские языки развились из какого-то финно-угорского языка пермского типа, был бы совершенно нелепым. Некоторое разрешение этой загадки могла бы дать гипотеза о резко различии культурных уровней уральского и волго-окского народов. Уральские племена, предки современных ненцев и финно-угорских народов, ведя бродячий образ жизни охотников в редко заселенной области Приуралья, верховьев Печоры и Вычегды, вообще не создавали никакой топонимики. Возникновение топонимики всегда требует какого-то минимума оседлости. Волго-окское население, несомненно, было более развитым в культурном отношении, знало поселения постоянного типа и, вероятно, было знакомо с земледелием и скотоводством.

В какое-то время в районе Приуралья, может быть в связи с большей консолидацией этнических общностей или в силу каких-либо других причин, происходит экспансия прафинноугров на запад. Результатом этой

¹ Там же, стр. 344.

экспансии было сильное оттеснение волго-окских народов и ананьинцев. Финно-угорские племена проникли на территорию современной Удмуртской, Марийской и Мордовской республик, а также в Кировскую, Ярославскую и Ивановскую области. Волго-окское население частично было ассимилировано финно-уграми, частично было вынуждено продвигаться к северу. Ассимиляция волго-окского населения, конечно, не была одновременным процессом. На территории Марийской и Мордовской республик, а также Ивановской, Ярославской, Кировской и Горьковской областей оно, возможно, было ассимилировано раньше, чем в Карелии. В результате экспансии прафинноугров из ареала уральской прародины на новых местах поселения сложились новые финно-угорские народности: марийцы, мордва, меря, мурома, мешера, весь, карелы. Конечно, эти народы до момента окончательного их образования могли входить в различные финно-угорские общности, например финно-мордовскую общность, после распада которой возникли западнофинские народы и мордва, в меряско-марийскую общность, после распада которой возникли марийцы и историческая меря, и т. д.

Возможная экспансия прафинноугров на запад из какого-то ареала, прилегающего к Уралу, подтверждается также исследованиями советского археолога и этнографа Е. И. Горюновой. В своей интересной статье «К вопросу о культурных и этнических связях населения Верхнего Поволжья и западного Приуралья в I тысячелетии нашей эры» Е. И. Горюнова, говоря о наличии сходства керамической посуды в районах Приуралья и Поволжья, замечает:

«Это дает нам право заключить, что в конце второго, в начале первого тысячелетия до н. э., т. е. в предананьинское время, население нынешних Костромской и Ярославской областей и население низовьев Оки было родственно населению нижней Камы и западного Приуралья (совр. Свердловской области)»¹.

«Формирование дославянского населения на территории Волго-Окско-Клязьминского междуречья и заволжских районов современных Ярославской и Костромской областей происходило под непосредственным воздействием и при прямой физической участии угро-пермских племен Прикамья»².

Весьма интересным является вопрос, было ли древнерусское население знакомо с населением волго-окским. Можно думать, что древнерусское население уже не застало волго-окского, так как на местах его поселения возникли финно-угорские народности. Так, например, значительная часть Московской, Ярославской и Ивановской областей была занята мерей, на Оке находилась мурома, так называемое Заволочье уже было занято предками современных карел и весью. Несомненно, в это время существовали пермские народы. Возможно, что некоторые острова волго-окского населения еще сохранялись до XI—XII вв. н. э.

Очень интересную проблему составляет вопрос о первоначальном местожительстве волго-окских народов. Следы волго-окской топонимики имеются и в Западной Сибири, в бассейне р. Оби, несмотря на наличие в Приуралье разреженной зоны, где эта топонимика встречается сравнительно редко³. Приводим некоторые наиболее типичные названия рек бассейна Оби,

¹ «Ученые записки [Марийск. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории], вып. VI, Пошкар-Ола, 1954, стр. 108.

² Там же, стр. 113.

³ На это обратил внимание еще А. И. Соболевский, который писал, что странная Западная Сибирь по названиям своих рек, озер, гор, несомненно, связана с Россией (см. «Названия рек и озер русского Севера», стр. 38).

содержащие речные суффиксы *га, са, ма*: Мендыга, Ньюбига, Суйга, Чу-чайга, Катанга (притоки Кети), Пуданга, Ледега, Суйга, Анга, Лайга, Тузэга, Сайга (притоки Чульма), Тулома (приток р. Уду-Юл, впадающей в Чульм), Икса и Юрга (притоки р. Чап, впадающей в Обь), реки Большая Чачамга и Малая Чачамга, впадающие в озеро Чинильто, р. Уньга (приток Томи), Малая Юкса и Ярба (притоки Чульма) и т. д.¹

Остается неясным, появилась ли данная топонимика в результате колонизации каких-то масс волго-окского населения из центральных районов Европейской части России или **само** волго-окское население пришло на территорию Европейской части России из Западной Сибири. Эта проблема требует специального изучения.

Используя общую совокупность данных археологии, фитогеографии, ихтиографии и топонимики, можно получить более или менее правильное представление о древнейшей истории северной и средней полосы Европейской части СССР. Попробуем суммировать некоторые положительные выводы:

1. Первая волна заселения Севера шла из области Урала и Западной Сибири. По всей видимости этот поток населения был очень слабым. Население первого потока даже не оставило типичной топонимики. Современные саами, возможно, являются остатком этого древнейшего населения Севера.

2. Позднее в районе Волго-Окского междуречья и в районе Приуралья складываются более или менее компактные этнические общности, которые можно было бы назвать волго-окской, бореальной и уральской. В результате натиска с юга происходит миграция волго-окского населения по направлению к северу и северо-востоку. Большеземельская тундра заселяется представителями бореальной этнической общности, носителями так называемой печорской культуры.

3. Волго-окское население проникает в Карелию, заселяет отсюда западное и южное побережье Белого моря, а также южную часть Кольского полуострова, бассейн рек Сухоны, Северной Двины и Мезени; оно продвигается в нижнее течение Вычегды до современной западной границы Коми республики, а незначительная часть его проникает на Печору.

4. В Приуралье одновременно с бореальной этнической общностью складывается уральская этническая общность, в результате дальнейшей эволюции которой возникли современные финно-угорские народы, а возможно, и ненецкие племена.

5. В результате консолидации уральской этнической общности происходит экспансия предков финно-угров на запад. Финно-угры проникли на запад, ассимилировали часть волго-окского населения. Вследствие этой ассимиляции возникают новые финно-угорские народы, существующие и сейчас. В это время, очевидно, происходит частично вторая колонизация волго-окского населения на север. Экспансия финно-угров в значительной мере ускорила исчезновение алавьянцев. Вместе с экспансией финно-угров на запад происходило их частичное просачивание за Урал, чем можно объяснить происхождение современных манси и ханты. В это время также возможно проникновение прафинноугров на север. В результате этнического взаимодействия прафинноугров с представителями бореальной этнической общности — носителями так называемой печорской культуры — возникли современные ненецкие или самодийские племена.

Мы надеемся, что использование совокупных данных позволит в значительной мере уточнить сведения, даваемые археологами, и восстановить более реальную картину исторического прошлого Севера.

¹ Топонимический материал взят из карты, приложенной к статье А. П. Дулызо и а «Древние сменя народов на территории Томской области по данным топонимики» («Ученые записки [Томск. пед. ин-та]», т. VI, 1950).

А. Ф. СУЛТАНОВ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
ЯЗЫКА В ЕГИПТЕ

1

В статье «Национальный язык и реформа письменности в странах арабского Востока»¹ мы отмечали, что в настоящее время в этих странах наметились различные тенденции в процессе формирования национального языка. Это, во-первых, тенденция полного сохранения старого письменно-литературного языка «аль-фосха»² в качестве национального языка для всех арабских стран; во-вторых, тенденция проведения некоторых реформ в области морфологии и орфографии письменного языка «аль-фосха» с той же целью сохранения его в качестве единого национального языка для всех стран арабского Востока и Запада (Магриба); в-третьих, тенденция формирования национального языка арабских стран на базе народно-разговорных языков «аль-аммийа» этих стран.

Употребляя письменно-литературный язык «аль-фосха» в школе, в официальной переписке, в прессе и литературе в широком смысле этого слова, народы стран арабского Востока — Сирии и Ливана, Ирака и Саудии, Йемена и Египта — в повседневной жизни, в общении между собой пользуются народно-разговорными языками (местными территориальными диалектами арабского языка).

Как писал профессор Каирского университета Абдильвахид Аль-Вафи, трудность заключается в двуязычии стран арабского Востока. В литературе, науке, прессе, официальной переписке и официальных речах, отмечал он, пользуются арабским языком в том его состоянии, каким он приблизительно был в Хиджазе и Неджде в дни возникновения ислама, т. е. литературно-классическим арабским языком, а в повседневной жизни пользуются народно-разговорным языком в том виде, в котором он наблюдается в современных диалектах как результат естественно-исторического развития языка. Причем, если классический язык в прошлом был языком бедуинов Хиджаза и передавался в простом общении по традиции и наследству из поколения в поколение еще с детского возраста, то в настоящее время этот язык — его синтаксис, морфология и фонетика — изучаются в школе длительные годы почти как иностранный язык. Короче, египтяне двуязычны: к одному языку они прибегают в обыденной жизни, к другому — в официальной³. В 1945 г. в Каирском журнале «Аль-Хилаль» отмечалось,

¹ См. сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.

² «Аль-фосха» по-арабски означает «чистый», «красноречивый», «высокий», литературно-классический язык.

³ См. журн. «Маджаллат аль-Иджтимаийа», Каир, 1945, стр. 18—23.

что хотя словарный состав этого письменно-литературного языка и претерпел большие изменения, обогатился, ряд слов переосмыслен и создан ряд новых научных понятий и выражений, но грамматика этого языка не пересматривалась с VIII столетия, со времени первого грамматиста Сивавейхи.

За последние два-три года дискуссия на тему о взаимодействии и соотношении между письменно-литературным арабским языком «аль-фосха» и народно-разговорным языком «аль-аммийа» (простонародным) и о проблеме национальной нормы языка в Египте еще более обострилась. В ряде статей и очерков, посвященных процессу формирования национального языка, различные круги египетской интеллигенции высказывались за и против победы народно-разговорного языка. Одни утверждают, что письменный язык «аль-фосха» сохранится «как язык корана и многовековых культурных традиций, как фактор единства арабских народов», и народно-разговорные языки не повлияют на него. Другие, наоборот, утверждают неизбежность примата народно-разговорного языка в процессе формирования национального языка в Египте; третьи стоят на точке зрения «слияния обоих языков». Они говорят, что «когда поднимется жизненный уровень трудящихся классов, когда грамотность станет достоянием народных масс, — письменный язык „аль-фосха“ и народно-разговорный „аль-аммийа“ сольются и образуется единый общедоступный язык».

В 1952 г. вышла книга профессора Александрийского университета Хасана Ауна «Язык и синтаксис»¹, а также весьма интересный труд Ахмеда Рушди Салеха — «Народная литература»², посвященный египетскому фольклору и вопросу формирования национального языка.

В своей работе Хасан Аун открыто и резко полемизирует с теми арабскими лингвистами средневековья (заложившими в VII—VIII столетиях основы арабской грамматики), которые неправильно говорили о «статичности, неизблемости» арабского языка и его грамматического строя и заявляли, что арабский письменно-литературный язык «аль-фосха» якобы не может подвергаться влиянию народно-разговорной речи. На основании изучения истории арабского языка и материалов бедуинских диалектов VII в. н. э. Хасан Аун отвергает доводы первых грамматистов и утверждает, что в основу арабского классического языка «аль-фосха» был положен мекканский корейшитский диалект, ставший в силу экономических, социальных и исторических факторов к моменту возникновения ислама языком хиджазских арабов. На этом языке были написаны джахилийские поэмы, коран и хадисы, а позже, в эпоху аббасидского халифата, и светская литература. На основании изучения ряда исторических фактов и лингвистических данных Хасан Аун пишет далее, что «грамматические отклонения в коране от правил языка «аль-фосха» и дозволенные шариахом семь разночтений корана как раз говорят о том, что наряду с господствовавшим в VII в. корейшитским диалектом, грамматические нормы которого были зафиксированы первыми арабскими грамматистами Абу-ль-Асуад ад-Ду'али и Сивавейхи, арабы продолжали говорить и на других племенных диалектах. Причем ряд диалектов арабского языка, как, например, темимский, имел распространение почти не меньше корейшитского диалекта. Ученые того времени, пишет автор, зафиксировавшие грамматические нормы корейшитского диалекта «аль-фосха», имели узкий кругозор, подходили к формирующемуся языку не исторически, а догматически, вовсе не интересуясь другими бедуинскими диалектами, а просто отвергая их «как отклонения от правильного языка аль-фосха, т. е.

¹ Хасан Аун, Язык и синтаксис. Исторический анализ и сравнение, Александрия, 1952 [на араб. яз.].

² Ахмед Рушди Салех, Народная литература, Каир, 1954 [на араб. яз.].

от корейшитского диалекта, который они считали священным». На самом же деле все явления, которые арабские грамматисты «объясняли как исключения или нарушения правил языка, — были остатками прежних диалектов, принимавших некоторое участие, наряду с господствовавшим корейшитским диалектом, в формировании единого арабского языка»¹.

Разбирая далее историю развития арабского языка до наших дней, Хасан Аун отмечает, что «арабский язык и теперь продолжает развиваться спонтанно, по своим внутренним законам, своеобразно в каждой арабской стране в условиях определенной, конкретной исторической и этнической среды, что этот арабский язык уже не тот, чем он был в дни написания корана». С тех пор «в язык вошли сотни новых слов, выражений и конструкций, с которыми арабы того времени не были знакомы». Арабский язык «в Хиджазе уже не тот, что в Ираке, а иракский не тот, что в Египте». Различие этнической, языковой и социально-исторической среды распространения арабского языка, пишет автор, привело уже в эпоху аббасидов к тому, что «арабский язык „аль-фосха“ стал заметно слабеть, круг говорящих на нем и пользующихся им постепенно суживался, и был открыт простор для развития отдельных народно-разговорных языков»².

Автор другой книги Ахмед Рушди Салех исследует развитие арабского языка на основании изучения богатейшего материала египетского фольклора и высказывает соображения, что письменно-литературный арабский язык высокого стиля (аль-фосха) является связующим фактором между различными арабскими странами и хранителем культурных традиций и наследия, как латынь средневековья. Однако языком абсолютного большинства народа является народно-разговорный язык «аль-аммийа». Сторонники «аль-фосха» и враги «аль-аммийа», отмечает рецензент книги А. Р. Салеха, стараются недопустить народный язык в лекционные залы и редакции книг и журналов. Враги разговорного и народного языка вооружены против него таким страшным оружием, как авторитет корана и религиозных традиций, в то время как народ сегодня еще влачит жалкое существование: он гол, голоден и невежествен. Однако, несмотря на это, время работает на нас и различные разговорные диалекты Египта со временем сольются и образуют единый национальный язык³.

То же самое утверждают и некоторые другие авторы различных статей по вопросам языка, выступающие на страницах египетских журналов. В статье «Язык фольклора — искусство грядущего» некто Ш. пишет, что «письменно-литературный язык „аль-фосха“ отрывает нас от действительности, от живой жизни... Народные разговорки и пословицы в переводе на письменный язык теряют смысл, остроту и жизненность и не возбуждают никаких чувств»⁴. В другой статье автор отмечает, что «египетскому существу имеют два языка: живой и мертвый. Когда интеллигентный человек взбирается на кафедру, он говорит на литературном языке, а как только сойдет с трибуны и садится рядом со своими коллегами, речь у него плавно льется на народном языке... Но придет время, когда простые феллахи будут в состоянии защищать и отстаивать свой язык»⁵. В связи с развернувшейся на страницах журналов дискуссией о языке известный египетский писатель Салама Муса заявил, что «проблема национального языка стала острой проблемой. Время и только время способно разрешить

¹ См. Хасан Аун, указ. соч., стр. 44—48.

² См. там же, стр. 140—141 и 194—195.

³ См. журн. «Аль-Алям аль-Араби», Каир, 1 декабря 1954 г., стр. 29 (рец. на кн. Ахмеда Рушди Салеха «Народная литература»).

⁴ «Аль-Алям аль-Араби», 15 ноября 1954 г., стр. 14.

⁵ Там же, стр. 13—14.

эту проблему. Когда неграмотные массы станут грамотными, когда жизненный уровень трудящихся классов поднимется, письменно-литературный «аль-фосха» и народно-разговорный «аль-аммия» встретятся, сольются и сложится единый общедоступный язык¹.

Таково вкратце содержание дискуссии о языке, которая вновь развернулась в Египте за последние два года.

2

В настоящее время уже редко кто будет оспаривать тезис о том, что египетский народ складывается в египетскую буржуазную нацию со своими границами, национальным рынком, национальной культурой, литературой и искусством.

Египетская буржуазная национальная культура, в отличие от сирийской и иракской, представляя синтез арабской культуры и элементов древнеегипетской и, особенно, коптской, проявляется в своеобразии современной египетской архитектуры, искусства и в литературе, которая не только черпает материалы из египетской действительности, но и пишется все больше с привлечением египетского народно-разговорного языка. Долголетняя борьба египетского народа за независимость, появление национальной буржуазии и рост рабочего класса, партизанская борьба рабочих, феллахов и студентов в 1951—1952 гг. в зоне Суэцкого канала, приведшая в 1952 г. к отмене неравноправного англо-египетского договора, ликвидация монархии и установление республиканского строя только подтверждают вашу мысль о консолидации египтян в современную нацию. Следовательно, все признаки нации налицо. Но зато никто пока не сможет определенно ответить на вопрос, что же является национальным языком в Египте: письменно-литературный арабский язык школы и прессы, общий для всех стран арабского Востока и Магриба, — «аль-фосха», или местный египетский территориальный диалект арабского языка, народно-разговорный язык египтян — «аль-аммия». Оба эти языка бытуют параллельно и дополняют друг друга.

Процесс образования нации сопровождается превращением языка народности в национальный язык, процессом выработки общенациональной языковой нормы. Можем ли мы назвать письменно-литературный арабский язык национальным или национально-литературным языком египтян? Пока что нет, так же как мы не можем назвать египетский народно-разговорный язык национальным языком египтян. Ибо национальный язык — это единство письменно-литературного и устно-разговорного языка. Пока же оба эти языка существуют параллельно. Классический арабский язык — основа современного письменно-литературного арабского языка — сложился на базе ведущего мекканского диалекта. В первые века ислама разговорный бедуинский язык Хиджаа и складывающийся литературно-письменный язык в основном совпали. Затем этот язык, как латынь римской империи, распространился во всех завоеванных арабами странах, в том числе в Египте, вытеснив местные языки, в данном случае коптский язык египтян. Позднее единое арабское государство распалось, и стали создаваться условия для превращения местных диалектов единого языка арабской народности в самостоятельные языки. Уже в течение столетий Египет, Йемен, Сирия, Ирак и Центральная Аравия территориально расчленены и до сих пор не представляют экономического и политического целого. В турецкую империю, где господствовал чуждый арабам турецкий язык, эти страны входили как совершенно обособленные,

¹ «Аль-Азия аль-Араби», 15 декабря 1954 г., стр. 5.

отдельные провинции. Территориальные диалекты арабского языка, или, вернее, местные народно-разговорные языки, развивались в каждой из этих провинций самостоятельно, независимо друг от друга, соответственно их племенным наречиям, географическим условиям и историко-этнографическим особенностям. В связи с упадком культурной жизни и литературных традиций эпохи аббасидского халифата, арабский классический письменно-книжный язык отставал от жизни, архаизировался, заостенел.

Этот письменно-книжный арабский язык стал вновь оживать только во второй половине XIX и начале XX столетия, на заре развития капиталистических отношений в отдельных арабских странах, и постепенно стал письменно-литературным языком современного Египта, Сирии, Ливана, Ирака и других арабских стран. Этот письменно-литературный арабский язык уже имеет богатую традицию, выработал современную научную терминологию, на нем создается современная научная и художественная литература¹. Лексика языка обогатилась, но грамматический строй языка «аль-фосха», морфология и синтаксис, а также орфография и фонетика остались архаическими, не изменились или почти не изменились с классического периода средневековья. Правила письменно-литературного арабского языка до сих пор не подверглись реформе. Консервативные ревнители классического арабского языка стараются не допускать в письменно-литературный язык слова из народного языка, из территориальных диалектов, отвергая их как «вульгаризмы». Буржуазные лингвисты называют эти народно-разговорные языки не иначе, как жаргонами — «ратана».

Таким образом, в арабских странах, в том числе и Египте, оказалось два параллельно развивающихся языка: письменно-литературный, в значительной мере оторванный от влияния народа, носителя языка, и народно-разговорный. Между этими двумя языками, письменным и разговорным, образовалась огромная пропасть.

Во всех странах мира формирование наций сопровождалось становлением национально-литературного языка на основе наиболее влиятельного ведущего диалекта живого, разговорного языка данной народности. В Норвегии в процессе формирования национального языка с XIX столетия и до сих пор происходит острая борьба между «культурным» письменным языком — «риксмол» и «вульгарным» народным языком — «ландемол», борьба за демократизацию литературного языка, за приближение его к разговорной речи, за ликвидацию разрыва между письменно-литературным и народно-разговорным языком, — за образование национальной нормы. Там уже пройден этап, когда норвежский диалект использовался в литературе (в XVIII в.) только для комического эффекта, поскольку он создавался как испорченный литературный язык².

Письменно-литературный арабский язык «аль-фосха» не имеет в настоящее время живой разговорной базы. На нем уже давно не говорит даже в Хиджазе, где в свое время он формировался на основе живого мекканского диалекта.

Борьба за уничтожение различия между книжным и разговорным народным языком происходит в странах арабского Востока в необычайной обстановке. У народов стран арабского Востока, расчлененных империализмом и складывающихся в отдельные нации, еще сильны традиции

¹ Благодаря усилиям египетских писателей прогрессивного направления в художественную литературу за последнее десятилетие проникает народно-разговорная лексика.

² См. М. И. Стебляк-Каменский, Образование норвежского национального языка, ВЯ, 1952, № 1, стр. 115.

исторического единства. Это единство находит воплощение в совместной борьбе народов арабского Востока против империализма за национальную независимость. Общий письменно-литературный язык является не только языком классической литературы средневековья, но на нем создается довольно богатая современная национальная литература, им пользуется пресса стран арабского Востока. Этот литературно-письменный язык является уже не только книжным языком, но и языком национальных литератур. Он до сих пор остается одновитным. Книжно-культурный и гражданский официальный письменно-литературный язык совпадают. В этом специфическое отличие развития арабского письменно-литературного языка от языка таких стран, как Китай и Япония. В Китае и Японии борьба народно-разговорного языка против отживающего письменно-литературного языка шла в течение всего XIX столетия. Новый литературный язык на основе народного «байхуа» в Китае постепенно овладевал художественной литературой и существовал рядом с официальным письменно-литературным языком «вэньянь», вбирая наиболее жизненную лексику и обороты речи из последнего (в то время как «вэньянь» всячески оберегали от веяния «вульгарного» «байхуа»). В Египте же этого процесса не было, и современный письменно-литературный язык скорее напоминает уже побежденный в Китае письменно-литературный язык «вэньянь», против которого борется египетский «байхуа», разговорный язык народа — «аль-аммийа».

3

Итак, в Египте, как и в других арабских странах, существуют фактически два языка: письменно-литературный и народно-разговорный. В какой зависимости они находятся по отношению друг к другу? Оказывают ли влияние друг на друга? Кто из них должен победить? Как идет процесс складывания национальной нормы языка? Является ли письменно-литературный язык достоянием народных масс? Пополняется ли его словарный запас за счет наиболее жизненных и всему народу известных слов, выражений и оборотов народной речи?

Процесс влияния народного языка на словарный состав, грамматический строй и фонетику письменно-литературного арабского языка в силу ряда причин идет весьма медленно, еле заметно и почти неуловимо. Конечно, современный письменно-литературный арабский язык уже несколько отошел от классического языка, но он обогащался словарным составом не за счет народного, разговорного языка, не за счет живых территориальных диалектов, а главным образом за счет создания научной, социальной, политической и экономической терминологии путем внутренней флексии и путем переосмысления ряда терминов самого классического языка. Мы отнюдь не хотим сказать этим, что новая, научно-техническая терминология искусственна, мертва, не является достижением арабского языка. Вовсе нет. Такие слова, как *саййра* «автомобиль», *тайдра* «самолет», *даббаба* «танк», *таррад* «крейсер», *назарийа* «теория», *ваки' ийа* «реализм», *ласильки* «радио-телеграф» и т. д., свидетельствуют о непрерывном развитии и пополнении словарного состава этого языка. Но несмотря на то, что словарный состав современного письменно-литературного арабского языка вырос до выражения самых сложных современных научных понятий, синтаксис, морфология, а также орфоэпия этого языка почти совпадают с нормами старого арабского языка, установленными в известной грамматике средневекового ученого Сибавейхи, умершего в 797 г. Что же касается словарного состава, то литературный язык до сих пор не пополняется живыми, жизненными словами и словосочетаниями из народного язы-

ка, территориальных диалектов Египта и других арабских стран. Дело дошло до таких курьезов, что сотни самых обыденных слов из словарного фонда живого народно-разговорного языка, как, например, *фа* и *мафайи* («есть» и «нет»), *шифт(у)* и *рухт(у)* («видел» и «ходил»), не допускаются в письменный язык. Вместо них в письменно-литературном языке употребляются слова из классического языка *йуджаду* и *лайуджаду*, *ра'-айту* и *захабту*, которые давным-давно перестали бытовать в народно-разговорном языке Египта, да и не только Египта. В результате этого получился огромный разрыв между письменно-литературным и народно-разговорными языками как Египта, так и других арабских стран. Даже в самом Хиджазе, на родине классического арабского языка, народный язык корейшитов давно отошел от старой нормы классического языка, стал хиджазским территориальным диалектом арабского языка.

Многие считают, что современный письменно-литературный арабский язык — уже совсем не прежний классический арабский язык, что он обогатился, обновился и что он чуть ли не идет в ногу с эпохой и приближается к современному народно-разговорным языкам, что не может быть и речи о коренном пересмотре морфологии, лексики и орфоэпии этого языка. Но это скорее желаемое, чем реальный факт. Действительно, современный письменно-литературный арабский язык «аль-фосха» обладает богатой лексикой, отличается грамматической стройностью и имеет все средства выражения научно-технических и философских понятий. Литературный арабский язык, на котором издаются газеты, журналы, научные и литературные произведения, является связующим звеном между различными странами арабского Востока и Магриба. Но в том-то и дело, что язык «аль-фосха» все-таки не является живым языком народных масс, а остается книжным, на котором не говорят ни в одной из арабских стран.

Какую же оценку дают современному письменно-литературному языку сами арабские лингвисты, литераторы и публицисты? Лингвисты и публицисты Египта, Сирии, Ливана и Ирака неоднократно затрагивали вопрос о национальном языке. Были высказывания за и против реформы письменности и пересмотра принципов правописания в арабском языке, в защиту грамматических норм письменно-литературного и против его архаизмов, за «оживление» письменно-литературного языка за счет лексики народно-разговорных языков. Но за последнее десятилетие не было почти ни одного серьезного выступления в защиту народно-разговорного языка в смысле принятия его за основу национального языка той или иной арабской страны. Арабские лингвисты резко критикуют письменно-литературный язык, но не решаются ставить вопрос о принятии народно-разговорного языка за основу национального языка. Приведем их высказывания.

Арабский историк Ч. Иссави отмечает, что литературно-классический арабский язык настолько отличается от разговорного египетского «наречия», что почти представляет иностранный язык. Странно, заключает автор, что «правильность или ошибочность того или иного слова или выражения до сих пор решается путем обращения к доисламским поэтам»¹.

Известный египетский буржуазный писатель и критик Таха Хусейн, заявлявший неоднократно, что он считает народно-разговорные языки жаргонами (ратана), неспособными стать национальным языком, в полемике с реакционными азхаристами вынужден был, однако, в свое время подчеркнуть, что современный арабский письменно-литературный язык — «аль-фосха» — является языком корана и хадисов, классическим языком. Он отмечал, что если не будет проведен решительный пересмотр его синтаксиса, морфологии и правописания, то этот язык обречен оставаться

¹ Ch. Issawi, Egypt. An economic and social analysis, London, 1947, стр. 191.

исключительно языком религии. Далее он писал: «Литературно-письменный арабский язык, если он и не является иностранным в Египте, то во всяком случае близок к этому. На нем не говорят люди ни дома, ни на улице, ни в школе. Даже в самом Аль-Азхаре не говорят на нем»¹. Он утверждает, что молодежь не понимает старого синтаксиса, презирает его. «Мы находимся перед альтернативой, — говорит он, — или мы упростим, пересмотрим правила арабского литературного языка, и он будет жить, или оставим его как он есть, и он умрет... Вопрос о реформе назред, он поставлен, и на него надо ответить, хотя этого консервативные ахаристы или не хотят»².

О том, что письменно-литературный арабский язык имеет в своем словарном составе и грамматическом строе архаизмы, непонятные исключения, отжившие обороты и термины, устаревшие слова и выражения, мало понятные, а порой и вовсе непонятные народной массе, писал и пишет ряд современных писателей и филологов арабского Востока.

В статье «За упрощение орфографии арабского языка» газета «Аль-Ахрам» подвергла резкой критике антинаучные утверждения консервативных приверженцев норм письменно-литературного арабского языка «о непогрешимости писцов корана и грамматиков VII—VIII столетия», рассматривающих письменный язык «как нечто непогрешимое, раз навсегда данное, священное наследие». Газета требует «не только изменения правописания и упрощения синтаксиса, но и пересмотра системы письма и алфавита». Ибо в современном состоянии «арабское письмо надо понимать, чтобы суметь прочесть, а не читать, чтобы понять»³.

В другой статье той же газеты на тему «О правилах арабского языка» отмечалось, что «спора уже отбросить представление, будто письменно-литературный язык является каким-то вакуфным завещанием, лишаящим нас права распоряжаться им». Утверждая, что «язык создается не поэтами, учеными и лингвистами, а жизнью и народами», газета требовала «коренного пересмотра синтаксиса литературного языка, не зная на старые авторитеты»⁴. Касаясь грамматического строя современного письменно-литературного арабского языка, современные критики считают ненормальным положение, при котором «бедуин VII столетия является большим авторитетом, чем народ, лингвисты и ученые нашего времени, которых объявляют еретиками за предложение пересмотреть архаизмы в словарном составе и правописании литературного арабского языка, в то время как средневековый багдадский поэт Абу-Нуwas не боялся в свое время „ломать“ устои языка и вводить новшества в правописание»⁵.

Еще в 1945 г. в статье «Между диалектом и литературным языком» журнал «Аль-Хияль» подверг резкой критике язык авторов современных египетских, сирийских и иракских новелл и романов за то, что на обычные темы они пишут книжно-литературным языком средневековья. Когда читаешь современные романы, писал журнал, создается впечатление, будто бедуин средневековья встал из гроба, побродил по улицам современного Каира, Багдада и Дамаска, затем вернулся вновь в могилу и рассказывает там своим соплеменникам то, что видел здесь, на этом свете. Журнал справедливо отмечает, что в народных, территориальных диалектах бытует масса слов, привезенных в свое время в Египет арабскими же племенами, но не зафиксированных лингвистами средних веков как «язык

¹ См. Таха Хусейн, Будущность цивилизации в Египте, т. II, [Каир, 1938], стр. 315 [на араб. яз.].

² Там же, стр. 321.

³ Газ. «Аль-Ахрам» (Каир) 20 VI 50.

⁴ Там же 24 VI 50.

⁵ Там же 30 IV 50.

черни». В современном египетском народно-разговорном языке бытует также масса переосмысленных арабских слов и выражений, а также заимствований, отличающих словарный запас, фонетику и орфоэпию территориального диалекта от письменно-литературного языка.

Поэтому в Египте за последнее десятилетие все чаще и чаще выдвигаются требования пересмотра отживших, архаических норм морфологии и синтаксиса, лексики, правописания и фонетики письменно-литературного языка, расширения рамок литературного арабского языка путем обогащения литературного языка словарным запасом из народных диалектов. Конечно, имеются сторонники и сохранения письменно-литературного арабского языка в том виде, в каком он перешел в наследство современному поколению, считающие этот язык языком «священного корана», «божьем даром», который «может погибнуть с реформой грамматики, правописания и алфавита». Сторонники этого взгляда в Египте жалуются на то, что «диалект (т. е. разговорный язык. — А. С.) наступает, подавляет, захватывает нас со всех сторон»; что преподаватели неязыковых дисциплин «даже в школе говорят на диалекте, адвокаты и ораторы стали выступать на диалекте, даже театры и кино начали пользоваться территориальным диалектом». Они требуют, чтобы «не только школьные учителя и учащиеся, но и агрономы, инженеры и врачи, даже дети в детских садах говорили на письменно-литературном языке»¹.

Буржуазные лингвисты часто называют народно-разговорные языки арабских стран «диалектами арабского языка». Речь, конечно, идет о народно-разговорном языке, сложившемся на основе ведущего диалекта данной страны. Что же касается сути критики консерваторов, то надо сказать, что они не учитывают того, что нельзя заставить говорить на старокнижном языке народ, привыкший к своему территориальному диалекту, т. е. народно-разговорному языку.

Следовательно, вопрос о национальном языке назрел, он поставлен и ждет своего разрешения.

4

Как уже говорилось выше, письменно-литературный язык и народно-разговорный язык в Египте до сих пор развивались отдельно, самостоятельно, мало оказывая влияния друг на друга, не сливаясь, не смешиваясь. Этому способствовали по крайней мере два обстоятельства: во-первых, нежелание консервативных ревнителей письменно-литературного языка «засорять» литературный язык «вульгарными» выражениями народного языка; во-вторых, неграмотность и культурная отсталость большинства народа (в Египте до сих пор только 30% горожан грамотны), что не позволяет ему обогащать свой разговорный язык за счет заимствований из литературного языка.

Но за последние годы объективно создаются — желают этого реакционные, консервативные круги или нет — условия, благоприятствующие устранению обоих этих препятствий. Литературный язык начинает смелее опираться на архаизмы, вбирать в себя все больше и больше народных слов, выражений и оборотов, а народный разговорный язык начинает обогащаться за счет овладения массами культурным наследием прошлого.

Современный письменно-литературный арабский язык по своему грамматическому строю, лексическому составу и фонетике мало отличается от классического языка и гораздо ближе к нему, чем к современным тер-

¹ «Аль-Ахрам» 19 V 50.

риториальным народно-разговорным языкам Египта, Сирии, Ирака, Саудии и Йемена. Современные же территориальные диалекты, или, вернее, народно-разговорные языки этих стран, и Египта в частности, являются результатом естественно-исторического развития живых разговорных языков.

Египетский народно-разговорный язык беднее литературно-письменного арабского языка по своей научно-технической терминологии. Но он более лаконичен, выразителен, гибок, меток и лучше приспособлен для разговорной речи, чем медлительный и архаичный литературный язык. Большое количество слов и оборотов в нем переосмыслено, имеет иную семантику и иную фонетику. Грамматический строй его проще, «вольнее» по сравнению с письменно-литературным языком. В нем господствует так называемый свободный синтаксис. Что касается научно-технической терминологии, то народный язык может воспользоваться словарным фондом литературного языка.

В египетском народно-разговорном языке в течение столетий с момента арабского завоевания происходит процесс глубокого внутреннего преобразования, которое сводится к изменениям не только звуковой стороны, но и самой структуры речи. Почти исчезли склонения имен и упростились формы спряжения глаголов. Утрата падежных форм привела к замене их описательными, предложными конструкциями. Намечился постепенный переход от синтетического строя к аналитическому с применением служебных слов *бта'* и *'альшам*. Произошло упрощение в строении вопросительных предложений и исчезли вопросительные частицы. В живой народной речи упрощение сложных предложений сказывается в утрате ряда подчинительных союзов и замене их сочинительными. Вместо прежней нормы настоящего-будущего времени разговорная речь предпочитает пользоваться описательными оборотами (*ра'их актуб*, *ра'их ашраб*). Вместо выходящих из употребления и архаичных слов в разговорной речи появились новые, семантически переосмысленные слова и словосочетания, образованные из старых корней и слов. Усваивается ряд иностранных слов французского, греческого, итальянского и турецкого происхождения. В разговорном языке совершилась также и фонетическая эволюция, произошли существенные изменения в произношении ряда согласных звуков, перемещение ударения и перестановка плавных.

В настоящее время можно отметить следующие основные отличительные черты египетского народно-разговорного языка «аль-аммийа».

В отличие от письменно-литературного языка «аль-фосха» в народном языке «аль-аммийа» склонение имен почти исчезло и сохранилась лишь одна падежная форма для выражения существующих в литературном языке трех падежей. Вместо литературной формы *китабун* (им. падеж), *китабан* (вин. падеж) и *китабин* (род. падеж) в разговорном языке сохранилась лишь одна форма для всех падежей — *китаб*. То же самое имеет место и при определении артикле: вместо литературной формы *ахагту ль китаба* «я взял книгу» в *фи ль китаби* «в книге» в народном языке говорят: *ахагт ль китаб*, *фи ль китаб*.

При склонении имен в правильном множественном числе вместо литературной формы *му'аллимун* и *му'аллимна* «учители, учителей» и причастий действительного и страдательного залогов *залимун* и *залимина* «тираны, тиранов», *мазлумун* и *мазлумина* «угнетенные, угнетенных» — в народном языке для всех падежей сохранилась лишь одна форма склонения в косвенном падеже: *му'аллимин*, *залимин*, *мазлумин*. В двойственном числе вместо двух падежных форм *таблибни* и *таблибейни* сохранилась лишь одна форма косвенного падежа *таблибейн*.

В разговорном языке исчезли также формы спряжения глаголов в единственном числе прошедшего времени, что привело к употреблению личных местоимений перед спрягаемым глаголом. Вместо *катабту* «я писал» и *катабта* «ты писал» в разговорном языке скажут: *ана катабт*, *афта катабт*.

Упростилась также огласовка слитного местоимения *ка*, указывающая на владельца предмета. Вместо литературной формы *китабука* (им. падеж) «твоя книга», *китабака* (вин. падеж) «твою книгу» и *китабика* (род. падеж) «твоей книги» сохранилась лишь одна форма для всех падежей — *китабак*.

Частица будущего времени *сауфа* и *са* перед глаголами заменилась преформативом *ха*: вместо — *санусифуру*, *сауфа нусифуру* «поедем» говорят *ха нсифир*. Перед глаголами настоящего-будущего времени появилась частица *б*. Поэтому в народном языке вместо литературной формы *таштарй* «ты покупаешь» говорят *бтиштурй*. Это явление особенно характерно для народного языка Сирии и Ливана¹. В народном языке форма будущего времени «я сейчас напишу» часто заменяется описательным оборотом: *ра'их актуб* «идуший писать». Наблюдается также неизменное стремление к замене глагола настоящего времени причастием действительного залога. Вместо *ана актубу*, *ана азхабу* «я пишу, я иду» в народном языке говорят: *ана катиб*, *ана захиб* «я — пишущий», «я — идущий». Форма сослагательного наклонения заменена формой изъявительного наклонения: вместо литературной формы *урйду ан актуба*, *урйду ан азхаба* «хочу писать», «хочу идти» говорят *урйд актуб*, *урйд азхаб* или *'авиз актуб*, *'авиз азхаб*.

Наблюдаются некоторые изменения и в синтаксисе народного языка. В строении вопросительных предложений произошло упрощение, в результате чего полностью исчезла вопросительная частица *хал*. Признаком вопроса остается инверсия или просто интонация. В народном языке указательное местоимение ставится не впереди имени, а после него, постпозитивно. Вместо литературной формы *хаза-ль-калему* «этот карандаш» говорят: *аль калам да* «карандаш этот»². Если же указательное местоимение выступает в роли подлежащего, то оно ставится впереди имени существительного. Например, *да китаб куайис* «это — хорошая книга».

Передача сопряженного состояния посредством предлогов (*дар бта'е-Сафара* вместо *дару-е-Сафара* «дом посольства»), упрощение сложных предложений, замещение подчинительных конструкций сочинительными, исчезновение типов склонения и падежных форм и замена их описательными, предложными конструкциями приближают строй египетской народной речи к аналитическому, при котором отношения между словами в предложении передаются прежде всего порядком слов в предложении. Например, вместо *ма за турйду ан та'мала аль-ан?* «что хочешь делать сейчас?» в народном языке говорят: *ра'их те'мала эй диль вақти?* «идуший делать что сейчас?». Вместо *айна бейтука?* «где твой дом?» говорят: *хуа, аль байт бта'ак фйн?*

Особенно большие изменения произошли в области фонетики народно-разговорного языка. В разговорной речи наблюдается унификация сходных фонем: в результате фонетической эволюции межзубный спирант *з* перешел в зубно-язычный *ж*, а межзубный спирант *с* переходит в смычный зубно-язычный *т*. Арабские слова *залика* «этот» и *сабит* «прочный» произносятся в народном языке как *залика* и *табет*, зато слово *тимсал* «памятник» произносится как *тимсал*. Звук *дж* в египетском народном

¹ Народно-разговорные языки этих двух стран совпадают.

² В этом сказалось влияние коптского языка.

языке отсутствует. Он претерпел диспалатализацию и вместо него выступает *g* (гим). Звук *q* (каф твердый) произносится как придыхательный *'a* (*хамза*). Соответственно арабские слова *джабал* «гора», *қалам* «карандаш» произносятся *гебель*, *'аллям* и т. д.

Фонетика, а следовательно, и орфоэпия слов в народном языке в подавляющем большинстве иная. Например, вместо *тафаддал* — *этфаддал* «пожалуйста»; вместо *ман* — *мин* «кто»; вместо *матā* — *эмта* «когда»; вместо *айна* — *файн* «где»; вместо *каир* — *ктир* «много»; вместо *мауз* — *м.з* «бананы»; вместо *фаук* — *фок* «наверху» и т. п. Изменились также формы личных, указательных и определительных местоимений: вместо *амтум* «вы», *нану* «мы» говорят: «*Энтū, Эхнā*»; вместо *хаза* «это» — *дā*; вместо *хазихи* «эта» — *дā*; вместо *аллази* и *аллатā* «который, которая» — *иллā* для обоих родов.

Ряд слов языка «аль-фосха» семантически переосмыслен. В народно-разговорном языке созданы новые слова и словосочетания путем переосмысления слов и корней из классического языка и бедуинских диалектов прошлого. Так, например, вместо литературного *лайūdжаду* «нет, не имеет» употребляется словосочетание *мафйиш*, состоящее из *мā* *файхи шей'ун* «в нем ничего нет». Ряд слов народного языка, как, например, *маалеийн* «ничего», *балāиш* «напрасно, бесплатно», *лисса* «еще не, пока нет», *камāн* «еще», *'алльшан* «для, ради», «для того чтобы», *зей* «подобный», *эззай* «таким образом, как», *шувейа* «немного», *ба' дейн* «потом» и т. д., не имеет эквивалента в письменном языке и без них нельзя обходиться в народно-разговорной речи. Этим словарным фондом народного языка теперь пользуется и прогрессивная художественная литература Египта. Однако народная лексика официально не допущена в литературу в широком смысле слова, особенно в область научную и в школы. Только смельчаки из прогрессивных писателей Египта начинают внедрять народный лексикон в художественную литературу. Своей краткостью и лаконичностью народная речь выгодно отличается от громоздких фраз и архаических слов книжного языка «аль-фосха».

Таковы вкратце некоторые основные черты египетского народно-разговорного языка. Народно-разговорные языки Египта, Сирии, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и т. д. нельзя рассматривать как «испорченный» классический арабский язык, как это представляют себе некоторые исследователи в арабских странах. Народно-разговорные языки «аль-аммийā» или «дариджа» являются живыми языками таких стран, как Египет, Сирия и т. д., и могут лечь в основу формирующегося национального языка этих стран. Сложится ли единый национальный язык для всех стран арабского Востока или несколько зональных языков по группам стран с родственными диалектами (группа Сирии, Ливана, группа Египта, Судана, группа стран арабского Магриба и т. д.) — это покажет время и практика. Во всяком случае, египетский разговорный язык, распространяющийся по всему арабскому Востоку (а египетская прогрессивная художественная литература уже начинает переходить на народный язык), окажет огромное влияние на грамматический строй, фонетику и лексический состав складывающегося национального языка в Египте. Во всяком случае лексика египетского народно-разговорного языка войдет в золотой фонд национального языка и сделает его живым и выразительным.

Как мы говорили выше, до сих пор развитие литературно-письменного арабского языка «аль-фосха» и народно-разговорного языка «аль-аммийā» шли параллельно, не оказывая друг на друга большого влияния. Однако

чем больше будет распространяться грамотность среди населения, чем больше толпы народных масс начнут овладевать культурой, тем большее влияние окажет лексика письменно-литературного языка на язык разговорный, тем больше сам письменный язык начнет подвергаться воздействию народно-разговорного языка, начнет вбирать в себя чисто народные обороты и конструкции. Письменно-литературный язык будет очищаться от архаизмов и упростит спряжение и склонение. Роль народного языка в деле формирования национально-языковой нормы будет решающей.

Акад. И. Ю. Крачковский в одной из своих последних работ о послевоенной арабской литературе говорил о наличии двуязычия в современной арабской литературе, о том, что арабы пользуются и письменно-литературным, и разговорным языком. Он отмечал, что «разговорный язык, который служит речью повседневной жизни, более свободен в своей манере и имеет не малые заслуги; народные песни и драматические произведения на разговорном языке поднимаются до высокой степени литературного достоинства». Он писал далее, что «различия между обеими формами языка постепенно будут смягчаться и, может быть, даже совсем исчезнут с уничтожением неграмотности и распространением просвещения, равно как и упрощением самого литературного языка. Взаимосвязь и взаимная помощь могут быть только полезны для обеих форм языка»¹.

Мы уже говорили, где применяется письменно-литературный язык «аль-фосха». Какова же позиция народно-разговорного языка в общественной жизни? Область применения народно-разговорного языка в Египте из года в год расширяется. Уже сейчас заметно влияние языка «аль-аммия» на язык «аль-фосха». Это сказывается в вольном чтении литературных текстов без конечных огласовок глаголов и падежных окончаний имен. В литературной речи на научные темы начинает чувствоваться влияние лексики, морфологии и фонетики народного языка. В обыденной жизни не только простой народ, но и интеллигенция говорит на живом, разговорном языке. Даже в стенах учебных заведений в процессе преподавания различных дисциплин, кроме самого арабского языка, на семинарских занятиях и обсуждениях учителя и учащиеся говорят на народно-разговорном языке.

В статье «До чего дошел письменно-литературный язык» газета «Аль-Ахрам» от 14 мая 1950 г. приводила примеры того, как учителя неязыковых дисциплин в народных училищах Египта подтрунивают в классе вместе со своими учениками над учителями арабской словесности, тщетно пытающимися привить ученикам младших групп книжно-литературный язык. Даже в цитадели старины — Аль-Азхаре, как утверждает венгерский арабист Абделькерим Германус, научные дискуссии ведутся часто на египетском народно-разговорном языке. Преподаватели Аль-Азхара также нередко читают свои лекции на народном языке².

В новейшей художественной литературе Египта повествовательная часть от лица писателя ведется на литературном языке, зато диалог между героями из простого народа — на народном языке. За последнее время египетские прогрессивные писатели в художественных произведениях все чаще и чаще прибегают к смешанному языку, в одном и том же предлодении применяется и народная, и литературная лексика и обороты. Это характерно для таких писателей прогрессивно-демократического направления,

¹ И. Ю. Крачковский, *Современные настроения арабской литературы в Египте*. Лекция, прочит. на Науч. сессии Ленингр. гос. ордена Ленина университета 9 января 1947 г. (цит. по рукописи готовящегося к изд. в Изд-ве АН СССР трактата И. Ю. Крачковского).

² См. А. Германус, *Linguistic foundation of the unity of the arabic-speaking peoples*, «The Islamic review», London, 1950, March, стр. 23.

как Абдаррахман аш-Шаркави, Аль Хамиси, Юсеф Идрис, Шукри Айяд, Махмуд Субхи, Фатхи Ганим, Закария аль-Хиджави и др. Роман Абдаррахмана аш-Шаркави «Земля» почти целиком написан на народном языке. Египетский поэт Байрам ат-Туниси создает стихи на народном языке на самые злободневные темы политической и социальной жизни страны. Киносценарии в большинстве своем пишутся на народном языке. Судебные отчеты (допросы обвиняемых, показания обвиняемых, выступления свидетелей, вопросы прокуратуры и адвокатов) ведутся и публикуются на народном языке. Только обвинительное заключение и приговор суда пишутся на официальном языке «аль-фосха». Кинокартины идут на разговорном языке, спектакли ставятся в основном на народно-разговорном языке, так как иначе публика не посещает их. По этому поводу современный египетский новеллист Махмуд Теймур замечает, что «пьесы надо писать на народно-разговорном языке „аль-аммийа“, ибо письменно-литературный язык „аль-фосха“ не привычен народу, режет ухо, страшен для слуха и непонятен народу»¹. Надо иметь в виду, что такую оценку языку «аль-фосха» дает в данном случае не кто-нибудь, а буржуазно-либеральный писатель. В свое время он писал драматургические произведения одновременно на двух языках: на «аль-фосха» и «аль-аммийа». Выступая же против уподобления арабского письменно-литературного языка «аль-фосха» латыни, он, например, утверждал, что арабский язык «аль-фосха» якобы отличается от латыни тем, что является «языком небесной религии», а потому, писал он, «пока религиозные убеждения в сердцах арабских народов останутся прочными, язык „аль-фосха“ будет жить. Коран — лучший образец письменно-литературного языка»². Такое противоречие в высказываниях Махмуда Теймура весьма показательное для состояния борьбы между сторонниками письменно-литературного и народно-разговорного языка в Египте. Можно утверждать, что мы находимся в переходном периоде, на решающем этапе формирования национального языка в Египте. Народно-разговорный язык все больше и больше начинает проникать в общественную жизнь страны и предъявлять свои права на приоритет перед официальным, книжным языком, мало понятным народу.

Если до сих пор не писалось ни одной статьи и не произносилось ни одной официальной речи на политические темы на народно-разговорном языке или по крайней мере не публиковалось, то в настоящее время народный язык «аль-аммийа» начинает завоевывать позиции и в этой области. Перед нами несколько номеров официальной египетской газеты «Аль-Гумхурийя». В номерах от 17 октября и 4 декабря 1953 г. опубликованы стенограммы речей руководителей «Революционного совета» Египта: Салаха Салема о задачах «революционного суда»; речи Гамалы Абдель Насыра и Салаха Салема на конференции студентов Каирского университета «о политическом положении в Египте» и «по вопросу о Судане». Эти пространственные речи на сложные политические темы были произнесены и опубликованы на народно-разговорном языке. В номере от 2 апреля 1955 г. была опубликована статья Аль Хадж Сайида на тему «О необходимости хранения профсоюзных средств в банках», а в номере от 4 апреля этого же года статья того же автора «О ложной гордости турок» также на народном языке. Народно-разговорный язык нашел все средства для выражения в этих статьях сложных политических понятий.

Это наступление народно-разговорного языка стало особенно сильным за последние годы в области художественной литературы. Пока еще не

¹ М. Теймур, Искусство письма, Каир, 1948, стр. 63—65 [на араб. яз.].

² Там же, стр. 4—5.

опубликованы богатейшие сокровища фольклора. Когда они будут опубликованы и когда крупные писатели начнут создавать большие произведения целиком на народно-разговорном языке, позиция языка «аль-аммийа» настолько укрепитя, что спор о том, на какой базе должен формироваться единый национальный язык в Египте, разрешится сам собою.

Формирующийся национальный язык должен вобрать в себя все лучшее из лексического запаса письменно-литературного арабского языка и разговорного языка Египта, отбросить отжившее, архаическое из лексики и грамматики в книжно-литературном языке и варваризмы народно-разговорного языка. Национальный литературный язык Египта явится результатом творчества народа и будет формироваться именно под воздействием живого народного языка. В выработке нормы национального языка Египта решающее влияние, повидимому, будет иметь каирский диалект. Этот ведущий диалект является разговорным языком не только одного Каира, столицы Египта, но и всех городов дельты Нила (Александрия, Даманхур, Заказик, Бенха, Мансура, Махалля Кобра, Дамietta, Порт-Саид и т. д.), где проживает большинство населения страны. Как мы отмечали выше, в разговорной речи интеллигенции не соблюдаются падежные и глагольные окончания литературного языка, используются частично лексика и обороты разговорного языка. Все эти факторы окажут определенное влияние на синтаксис, морфологию и фонетику формирующегося национального языка в Египте в смысле приближения его к современному разговорному языку. В настоящее время в Египте все чаще и чаще ставится вопрос и о пересмотре системы письма — алфавита и правописания. Пересмотр системы арабского письма, переход на фонетический алфавит — несомненно также окажет определенное влияние на установление норм египетского национального языка. Во всяком случае, в выработке нормы национального языка приоритет будет принадлежать нормам народного разговорного языка.

Поступившие недавно материалы первого съезда писателей арабских стран также подтверждают ряд положений наших высказываний о путях развития арабского языка.

В сентябре 1954 г. в Дамаске состоялся съезд писателей стран арабского Востока, созданный по инициативе прогрессивных писателей Сирии. В работе съезда принимали участие прогрессивные писатели Сирии, Ливана, Египта, Ирака и Трансjordании. Весьма характерен тот факт, что съезд в своем решении впервые особо отметил значение разговорных языков в арабских странах в развитии художественной литературы. В решении съезда, опубликованном в журнале «Ас-Сакафа аль-Ватанийя», говорится следующее: «Проблема арабского языка тесно связана со всей проблемой социальных отношений. Решение вопроса о языке должно быть тесно увязано с решением всех социальных проблем. Но это не значит, что не должны быть сделаны определенные попытки в области реформы языка в соответствии с насущными нуждами и задачами дня. Литература отражает реальную жизнь общества... и поэтому стиль писателей новой литературы должен максимально приближаться к реальной действительности, в которой мы живем.

Письменный литературный язык «аль-фосха» при всех своих недостатках продолжает обслуживать немалую область нашей общественной жизни, и мы не можем просто отказаться от него. Но лучше будет избегать излишнего педантизма в этом языке и писать максимально проще, легче и понятнее массам.

Народный язык в свою очередь также является реальностью, которой мы не можем пренебречь. На нем говорит народ. Для создания подлинно

художественных произведений, особенно в области драматургии, мы не можем обходиться без народного языка...»¹.

Это решение съезда арабских писателей является первым актом в истории развития арабского языка, где наряду с признанием невозможности пока отказаться от языка «аль-фосха» отмечается, что разговорные языки арабских стран «аль-аммийа» должны служить живым источником в ходе формирования национального языка в арабских странах.

В том же номере журнала, посвященном всеарабскому съезду писателей в Дамаске, напечатана статья египетского прогрессивного писателя Ахмеда Садыка «Правдивая картина из жизни Египта». В ней автор разбирает язык и стиль современных прогрессивных писателей Египта и, в частности, язык и стиль писателей Абдаррахмана аш-Шаркави, автора большого романа «Земля», и Юсефа Идриса, автора новелл «Архас Лайали». Говоря о языке произведений современной прогрессивной художественной литературы Египта, А. Садык отмечает, что «проблема различия между языком, на котором пишут писатели, и языком, на котором говорит народ, возникла давно». Египетский театр «давно отдает предпочтение народно-разговорному языку». Тауфик аль-Хаким, пишущий свои художественные произведения на литературном языке, «постоянно прибегает к народному языку, как только переходит к изложению диалогов между своими героями». Ему вторят многие другие писатели современного Египта и в том числе Абдаррахман аш-Шаркави. Недавно выпустил свой сборник рассказов «Архас Лайали» египетский писатель Юсеф Идрис. Он, по мнению А. Садыка, внес «печто новое в арабский язык, что можно было бы назвать, скажем, народностью выражения». Эту новую струю в языке, которую смело вводит Ю. Идрис, отмечает А. Садык, следует назвать именно «народностью стиля и выражения», ибо народ имеет свой особый стиль в языке, несколько отличный от общих правил арабского языка, но зато несравненно более гибкий, могучий и выразительный. Ю. Идрис «не пишет на чистом народном языке, он пишет на литературном. Но он вводит в арабский язык именно народный стиль, он приближает литературный язык к народному, используя обороты речи, лексику, конструкции фраз и выражения, близкие к народному языку»².

Приведенное выше высказывание и решения первого арабского съезда писателей в Дамаске говорят о том, что различие между народно-разговорным и письменно-литературным языком волнует прогрессивные круги интеллигенции в арабских странах. Решения съезда говорят о том, что этим вопросом занимаются арабские писатели, что уже намечаются пути и тенденции решения этого вопроса, что главенствующую роль в формировании национального арабского языка будут играть народно-разговорные языки арабских стран, которые через художественную литературу окажут освежающее влияние на письменно-литературный язык «аль-фосха» и лягут в основу национального языка.

¹ Журн. «Ас-Сафа аль-Ватанийя», Бейрут, 15 октября 1934 г., стр. 44—45.

² Там же, стр. 85.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. В. ИСАЧЕНКО

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ «КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

По вопросу о «категории состояния» как самостоятельной лексико-грамматической категории, объединяющей в русском языке определенный класс слов, в науке имеются, как известно, серьезные расхождения. Такие ученые, как акад. В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Поспелов и др., в основном, принимают и развивают высказанную в довольно осторожной форме мысль акад. Л. В. Щербы о возможности выделения в современном русском языке особой части речи, обычно именуемой «категорией состояния»¹. С другой стороны, в журнале «Вопросы языкознания» была опубликована статья А. Б. Шапиро, в которой автор решительно высказывается против выделения в русском языке «категории состояния» или «предикативов» в особую часть речи². Он считает, что слова, обычно относимые к «категории состояния», характеризуются в русском языке исключительно своей сказуемостной функцией, что при отсутствии ярких морфологических показателей «...недостаточно для определения части речи, к которой относится слово»³. А. Б. Шапиро полагает, что тезис о формировании и активном развитии «категории состояния» в русском языке необходимо аргументировать специальным историческим исследованием, и добавляет: «Такого исследования не существует...»⁴. Действительно, об истории становления и развития «категории состояния» в русском языке мы знаем очень мало. Обыкновенно указывают, что эта категория представляет собой сравнительно новое морфологическое явление⁵. Между тем сравнительную «молодость» рассматриваемой части речи в русском языке следует, конечно, понимать относительно: о позднем возникновении «категории состояния» в русском языке можно говорить лишь сравнительно с формированием таких давно сложившихся частей речи, как имя или глагол. Ведь в специальных исследованиях не раз высказывалась мысль о том, что «категория состояния» отмечается уже

¹ Имеется в виду известная формулировка: «Может быть, мы имеем дело здесь с особой категорией состояния...» — в статье «О частях речи в русском языке» [см. сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 17 (разрядка моя. — А. И.)].

² См. А. Б. Шапиро, «Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи?», ВЯ, 1955, № 2.]

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ См. В. В. Виноградов, «Русский язык», М.—Л., 1947, стр. 421; ср. также Е. М. Федорук, «Отграничение от наречия других частей речи», Р. яз. в шк., 1939, № 1, стр. 43.

в древнерусском языке¹. Настоящая статья, конечно, не может заменить специального исторического исследования по данному вопросу; она является лишь попыткой теоретически обосновать существование «категории состояния» в русском языке, опираясь на обследование фактов древнерусского языка в сопоставлении с фактами некоторых родственных языков.

Вопрос о возникновении «категории состояния» или «предикативов» как особой части речи тесно связан с историей семантико-грамматического развития глагола *быть*. Именно этот путь и был указан акад. В. В. Виноградовым, полагавшим, что «историю категории состояния необходимо ставить в связь с судьбой глагола *быть*»². Судьба глагола *быть*, в свою очередь, теснейшим образом связана с развитием в индоевропейских языках разных типов выражения сказуемости.

В своей классической работе, посвященной именному предложению в индоевропейских языках, А. Мейе убедительно показал, что в индоевропейском языке-основе формы корня **es-* представляли собою полнозначное, самостоятельное слово, еще не успевшее стать вспомогательным, служебным элементом предложения³, т. е. еще не превратившееся в связку. Восстановить исконое конкретное значение глагольной основы **es-* очень трудно, так как в исторически засвидетельствованных языках конкретное значение данного глагола было уже повсюду утрачено. Общее значение «пробытия в определенном состоянии» или «пробытия в том или ином месте», о котором говорит В. В. Виноградов⁴, является, несомненно, результатом длительного развития, одним из этапов на пути к полной грамматикализации данного глагола. В большинстве индоевропейских языков глагольная основа **es-* вошла в супплетивную связь с глагольной основой **bhū-* (ср. др.-инд. *āsti* «есть» — *ābhāt* «был»; лат. *est* — *fuit*; ст.-слав. *есь* — *бнахъ* — *быхъ* — бѣхъ и т. п.). Корень **bhū-* сохранил свое исконое реальное значение только в греческом, армянском и албанском языках (ср. греч. *φύω* «я стану», арм. *businam* «я расту», алб. *bimë* «растение»). В тех языках, в которых корень **es-* вошел в супплетивную связь с корнем **bhū-*, реальное его значение «расти, произрастать» стерлось. Промежуточным звеном при переходе значения «расти» > «быть» можно считать значение «становиться»⁵.

Уже в древнейших дошедших до нас письменных памятниках глагол **es-/bhū-* может выступать в качестве служебного слова, лишеного какого бы то ни было реального значения. При помощи этого глагола просто утверждается (или отрицается), что то или иное свойство, тот или иной признак, та или иная «форма существования» присуща данному предмету мысли. Достаточно сослаться на древнейшие латинские надписи, относимые ко времени около 500 г. н. э., в которых встречается связка в форме *esed* (надпись на форуме) или *sied* (надпись «Дуэноса») с функцией показателя наклонения⁶.

¹ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949, стр. 70—71.

² В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 402.

³ См. А. Meillet, La phrase nominale en indo-européen, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XIV, fasc. 1, 1906, стр. 23.

⁴ См. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 402 (примечание).

⁵ Параллелью семантическому переходу «расти» > «становиться» находим, например, в английском языке, где глагол *to grow* обозначает «расти» (*the grass grows* «трава растет») и «становиться» (*he grows old* «он становится старым, стареет»).

⁶ См. И. М. Троицкий, Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 148, 151—152.

Таким образом, в индоевропейских языках возникает новый тип слова, отличающийся от полнозначного глагола отсутствием какого бы то ни было реального значения. Этот тип слова — связка (называемая также А. А. Потембиной и другими «глаголом-существительным»). Многие лингвисты считают связку особой частью речи¹. Акад. А. А. Шахматов указывает, что «смысл связки, ее основная задача состоит в том, чтобы выразить те временные отношения, которые не могут быть выражены неглагольными сказуемыми самими по себе»². В связи с появлением связки в ряде индоевропейских языков необходимо охарактеризовать основные типы выражения сказуемости в этих языках.

*

Традиционная синтаксическая теория исходит из двух основных типов выражения предикации, различая именные и глагольные предложения. К какому же из этих двух основных типов следует отнести предложения, в которых предикация осуществляется при помощи связки? Одни ученые включают связочные предложения в состав именных, считая эти последние лишь разновидностью бессвязочных, другие относят связочные предложения к глагольным, руководствуясь формальным признаком: глагол-связка сохраняет морфологические признаки глагола. Анализируя типы индоевропейского предложения, А. Мейе устанавливает следующие основные типы:

1) именные предложения, подразделяемые им на чисто именные (например, греч. *πρὸς ἑμοὺς καὶ ἄλλοι* «рядом со мной еще и другие») и именные, сочетающиеся с глаголом *быть* (например, лат. *Aulus bonus est* «Авл добр»);

2) глагольные предложения, подразделяемые на чисто глагольные (например, лат. *veni* «я пришел») или осложненные разного рода дополнениями или обстоятельствами (например, лат. *donum jero* «я приношу дар», *Romae taneo* «я пребываю в Риме» и т. п.) и на глагольно-именные, в которых именной член непосредственно примыкает к глаголу (например, ст.-слав. *набѣ ниць*, лат. *creat aliquet consulem* «он избирает кого-либо консулом» и т. п.)³.

Как видно, А. Мейе относит предложения, содержащие *est*, к именным, рассматривая формы глагола *быть* как связку. По его мнению, связка была введена в именное предложение вследствие того решающего значения, которое приобрел в индоевропейских языках глагольный тип предложения, обусловивший «обязательное употребление глагольной формы в известных случаях»⁴. Эту гипотезу принимал, в основном, и А. М. Пешковский⁵. Однако для индоевропейского языка-основы, точнее — для той стадии его развития, когда супплетивный глагол **es-/bhū-* еще сохранял свой глагольный характер, обусловленный его реальным значением, предложения с **esti* вряд ли можно считать именными: на этом этапе развития такие предложения являлись еще разновидностью глагольных. С другой стороны, для исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, например для латинского, предложения с *est* уже нельзя назвать глагольными, ибо здесь формы глагола *esse* успели в определенных случаях лишиться своей

¹ См. «Современный русский язык. Морфология», [М.], 1952, стр. 469.

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 1, Л., 1925, стр. 167.

³ A. Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, 6-е éd., Paris, 1924, стр. 317—320.

⁴ Там же, стр. 317.

⁵ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 3-е изд., М.—Л., 1928, стр. 295—296.

«глагольность», т. е. превратились в связки. Следовательно, предложение типа *Aulus bonus est* следует рассматривать в латинском языке как новый тип предложения: перед нами предложение связочное (копулятивное).

Полемизируя с А. Мейе, его ученик Э. Бенвенист, наоборот, относит предложения, содержащие форму глагола *быть*, к глагольным¹. По мнению автора, латинское предложение *est mundus* «мир существует» не отличается от предложения *stat mundus* «мир стоит»². Это вполне справедливо, поскольку в предложении *est mundus* мы имеем дело с глагольным («экзистенциальным») значением глагола *esse*. Но это только особый и вряд ли самый характерный случай употребления формы *est* в латинском языке.

На основании всего сказанного можно выделить связочный тип предложения в особую рубрику. Таким образом, для ряда индоевропейских языков можно будет наметить следующие основные типы выражения сказуемости:

1) собственно именное (бесвязочные) предложения: греч. πάντων υγιᾶτων μέτρον ὁ ἄνθρωπος «всем вещам мера человек», лат. *mens sana in corpore sano* «здравый дух в здоровом теле» и т. п.;

2) связочные предложения: греч. ἡ Κρήτη νῆσός ἐστι «Крит есть остров», лат. *Aulus bonus est*, ст.-слав. *вельть естъ въра твою* (Мар., Мф. XV, 28)³;

3) собственно глагольные предложения: греч. ἐβλέπεμεν τὴν θάλατταν «мы видели море», лат. *Manios med fejaked Numasioi* «Маний меня сделал для Нумерия» (Пренестинская заставка), ст.-слав. *Видѣхомъ бо зьпадъ (къго) на вѣстоць и приидомъ поклонитъ сѧ* (Мар., Мф. II, 2);

4) глагольно-именные предложения: лат. *Hannibal princeps in proelium ibat* «Ганнибал ходил первым в бой», ст.-слав. *что мѧ глѣши блага* (Мар., Мр. X, 18).

Оставляя в стороне вопрос об исконности собственно именных (бесвязочных) предложений в языке-основе, отметим, что в ряде исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, древних и современных, бесвязочное именное предложение не может считаться вполне обычным, стилистически нейтральным типом предложения, каким является глагольное или связочное. А. Мейе указывал, что «необходимо для каждого языка поставить вопрос, содержит ли именное предложение глагол *быть* или нет, а там, где этот глагол существует, является ли его употребление постоянным (constant) или же ограниченным определенными случаями»⁴.

¹ E. Benveniste, La phrase nominale, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 46, fasc. 1, 1950, стр. 25.

² Там же, стр. 28.

³ Древнерусские примеры приводятся в упрощенной орфографии. Для обозначения источников приняты следующие сокращения: Мар. — Марийское четвероевангелие, СПб., изд. И. В. Ягича, 1883; Зогр. — Зографское четвероевангелие, Берлин, изд. [И.] В. Ягича, 1879 (на лат. яз.); Ио. — от Иоанна, Мф. — от Матфея, Лук. — от Луки, Мр. — от Марка; Клоц. — «Клоцев сборник», изд. В. Вондрака («Glagolita složiva», vyd. V. Vondrák, Praha, 1893); Супр. — «Супрасльская рукопись», изд. С. Северянова, СПб., 1904; Спн. треб. — «Спайский требник», изд. Р. Нахтигала (R. Nahlthal, Eusebiologium sinaiticum, Ljubljana: I — 1941; II — 1942); Лавр. — «Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г.», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М. — Л., 1950; Ил. — Летопись по Ипатскому списку, СПб., изд. Археологической комиссии, 1871; Новг. — Новгородская летопись по Синодальному списку, СПб., изд. Археологической комиссии, 1888; Троиц. — М. Д. Приедиков, Троицкая летопись, М. — Л., 1950; «Поуч. — «Поучение Владимира Мономаха (по Лавр.)»; «Правда» — «Правда Русская» по Троицкому списку, М. — Л., изд. АН СССР, 1940; «Слово о п. И.» — «Слово о полку Игореве», под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, М. — Л., «Academia», 1934; Киев. свод — А. А. Шахматов, Киевский летописный свод XII века, в кн. «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов», под ред. С. П. Обнорского, М. — Л., 1947, стр. 113. В цитатах из летописей цифры обозначают год, под которым засвидетельствована данная цитата; в цитатах из святиелей римская цифра обозначает главу, арабская — стих.

⁴ A. Meillet, La phrase nominale en indo-européen, стр. 1.

Подобную мысль высказывает и Э. Бенвенист: «Положение именного предложения меняется в зависимости от того, имеется ли в данном языке глагол *быть* или нет, и, следовательно, является ли именное предложение выраженным возможным, или же выражением необходимым»¹. А. Мейе отмечает, что бессвязочные именные предложения встречаются во всех индоевропейских языках, но более или менее широко распространение они нашли лишь в индо-иранских языках, в древнегреческом, латышском и литовском, а также в древнеирландском языке. Во всех остальных языках (включая сюда старославянский, латинский и готский) бессвязочные предложения «являются более или менее изолированной аномалией»². Перейдем к рассмотрению грамматических, семантических и стилистических условий существования этой «аномалии».

*

Нет оснований сомневаться в том, что глагольный тип предложения в индоевропейском языке-основе является наиболее распространенным, наиболее привычным, стилистически нейтральным типом предложения вообще. Об этом косвенно свидетельствует хотя бы тот факт, что категории времени и наклоения, свойственные в с я к о й предикации, нашли в индоевропейских языках морфологическое выражение лишь в глагольной парадигме. Глагольное предложение безусловно возобладало в большинстве индоевропейских языков³. Исходя из этих фактов, А. М. Пешковский и мог прийти к известной своей формуле: «сказуемость построена на глагольности»⁴.

В целом ряде индоевропейских языков форма глагола *быть* обязательна во всех типах неглагольных предложений, начиная с так называемых «равнительных», в которых подлежащее и сказуемое выражены одной и той же частью речи, и кончая разными типами «составного сказуемого», например: лат. *Sicilia insula est* «Сицилия есть остров», нем. *Wollen ist Können und Können ist Müssen* (дословно непереводамо; по смыслу: «Кто хочет, тот может, а кто может, тот должен»), лат. *puer bonus est* «мальчик добр», франц. *l'homme est bon* «человек добр», нем. *der Mensch ist gut* (то же), англ. *the child is ill* «ребенок болен», словацк. *diet'a je choré* (то же), словенск. *otrók je solán* (то же) и т. д. Однако наряду с нормальными связочными предложениями встречаются случаи бессвязочных, собственно именных построений. Вот некоторые из них:

1) высказывания, претендующие на «общее значение», всякого рода сентенции, пословицы, поговорки, правила, тезисы, например: греч. *πῦρ καὶ ἄνεμος* «дурной сосед — несчастье» (Геспод, *σοφός δὲ ἢ πρόμυθις* «предвидение — мудрость», лат. *omnis homo mortalis* «всякий человек смертен», нем. *ein Mann, ein Wort* «мужчина — это слово» (дословный перевод), словацк. *mladost — radost* и т. п. Эти предложения обыкновенно считаются «вневременными»⁵. Прав Э. Бенвенист, считающий, что предложения этого типа не являются предложениями с «нулевой» связкой⁶, ибо бессвязочные предложения этого типа и связочные типа *Aulus bonus est* не являются вариантами одного и того же типа утверждения. Бессвязочные

¹ E. Benveniste, указ. соч., стр. 25.

² A. Meillet, *La phrase nominale en indo-européen*, стр. 154.

³ Оставим в стороне сложный вопрос о месте именного предложения в древнеиндийском.

⁴ А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 197.

⁵ Акад. А. А. Шахматов их называет «не обусловленными во времени» (ср. указ. соч., стр. 168).

⁶ E. Benveniste, указ. соч., стр. 27.

конструкции — абсолютны, связочные — описывают обстановку, приписывают признак¹.

2) предложения, построенные по типу «чем — тем», например: лат. *quo difficilius, hoc praeclarius* «чем труднее, тем славнее» (Цицерон)², нем. *je eher, desto besser* «чем раньше, тем лучше», англ. *the sooner, the better* (то же), словацк. *čím skôr, tým lepšie* (то же) и т. п.;

3) стоящие особо случаи эмфатического пропуски связки во всякого рода восклицаниях, риторических вопросах, эмотивных высказываниях; ср. лат. *Cur hostis Spartacus, si tu civis?* «почему Спартак враг, раз ты гражданин?» (Цицерон), *quae mutatio rerum!* «какая перемена!», нем. *welch ein Un Glück!* «какое несчастье!», англ. *what a pity!* «как жалко!», франц. *quel dommage!* (то же), чеш. *jaká škoda!* (то же) и т. п.;

4) бессвязочные построения, встречающиеся после указательных слов, соответствующих русскому «вот»: ср. лат. *hic Rhodus, hic salta, ecce me* «вот я», франц. *voilà une chance* «вот шанс» и т. д.;

5) бессвязочные конструкции, встречающиеся как стилистический прием в относительных предложениях: ср. нем. *er kaufte alles, was gut und teuer* «он покупал все, что (было) доброкачественно и дорого», *ein Mädchen, das noch jung* «девушка, которая еще молода», др.-чеш. *a jenz ještě netvd v nohy* «и который еще не тверд в ногах» (Alex. V, 186). В приведенных случаях связочная конструкция не только вполне возможна, но и более обычна;

6) случаи связки в предложениях, в которых сказуемое выражено сравнительной степенью прилагательного: ср. греч. *κρείσσων γὰρ βασιλεὺς* «ибо царь сильнее» (Гомер).

От приведенных типов бессвязочных предложений принципиально отличаются бессвязочные построения, лишенные стилистической квалификации, но выражающие различного рода модальные оттенки (возможности, невозможности, допущения, недопущения, необходимости, долженствования) или предикативную оценку («странно», «смешно», «выгодно» и т. п.). Здесь греческий язык расходится с латинским: в греческом построения подобного типа оформляются, как правило, в настоящем времени без формы глагола *быть*, в то время как в латинском языке явное предпочтение отдается конструкции с *est*. В качестве сказуемого выступают либо исконные существительные, либо формы прилагательных. Вот несколько примеров для греческого языка:

ἀνάγκη: 1) существительное «необходимость»; 2) в качестве сказуемого «необходимо», обыкновенно без ἐστί;

ῥα: 1) существительное «время года, год, час»; 2) в качестве сказуемого «пора»; ср. ῥα δὲ δεῖπνεν πᾶσιν ἡμῖν (Ксенофонт) «нам всем уже пора есть», обыкновенно без ἐστί;

κρίσις: 1) существительное «подходящий момент»; 2) в качестве сказуемого «пора»; ср. κρίσις ἤδη διαλεῖν τῶν στρατιῶν (Ксенофонт) «пора уже распустить войско», обыкновенно без ἐστί;

ῥησις: 1) существительное «закон, обычай, право»; 2) в качестве сказуемого «можно, дозволено»; ср. лат. *fas est*, обыкновенно без ἐστί;

χρῆς: 1) существительное «необходимость, потребность»; 2) в качестве сказуемого «необходимо, нужно» (см. ниже) и мн. др.

Большинство указанных слов выступает в функции сказуемого без ἐστί в настоящем времени. Некоторые из этих исконных существительных почти полностью утратили связь с существительным: такие слова, как

¹ Там же, стр. 33.

² A. C. Juret, *Système de la syntaxe latine*, Paris, 1926, стр. 68. См. там же другие примеры.

ἔμφης или χρῆ, выступают только в качестве сказуемого, не имеют при себе артикля (что характерно для всякого предикативного употребления имен существительных), не имеют форм множественного числа, не склоняются и не могут быть определяемы прилагательным или местоимением. У этих слов возникает конфликт между их морфологической характеристикой и их синтаксической функцией. Поскольку в греческом языке предикация тесно связана с глаголом или со связкой, грамматические категории времени и наклонения, свойственные предикации как таковой, выражаются формой глагола или связки. Происходит то, что греческие грамматисты называли «красис», т. е. смешение категорий: исконные существительные сливаются со связкой, «оглаголиваются». Так, старое существительное χρῆ «необходимость» обрастает глагольными окончаниями и начинает спрягаться: исторически засвидетельствованы почти все формы времени и наклонения этого своеобразного гибрида: конъюнктив χρῆν, опатив χρῆιγ, инфинитив χρῆναι, имперфект χρῆνι или ἐχρῆνι и т. д.¹ С переходом исконного существительного в класс глаголов ликвидируется конфликт между старой формой и новым содержанием: из существительного χρῆ рождается новый модальный глагол χρῆναι.

В латинском языке, допускающем бессвязочные построения лишь в очень ограниченной мере, подобные конструкции обычно содержат в настоящем времени форму глагола *esse*:

opus: 1) существительное «дело, труд»; 2) в качестве сказуемого *opus est* «пужно, необходимо». Наблюдается отсутствие согласования в числе: *multa mihi opus sunt* «я нуждаюсь во многом». Точно так же обстоит дело и в построениях с *fas est* «можно, дозволено», *nefas est* «нельзя», *usus est* «надо» и т. п.

Остановимся на архаизме *potis, pote*, употребляющемся с формами глагола *esse* и без них в качестве сказуемого и соответствующем русскому «он в состоянии, он может»; ср. *nec corpus potis est cerni* (Луcretий) «н тело не может быть видимо», *quis potis ingentes oras evolvere belli* (Вергилий) «кто может описать начало и конец (дословно: безграничные пределы) войны?». Слово *potis* является древним существительным, этимологически соответствующим др.-инд. *pátih* «хозяин, властелин, супруг», лит. *pàts* «супруг»; тот же корень имеется, повидимому, в слов. **gos-podь*. Однако в латинском языке слово *potis* уже не ощущается как имя существительное: сочетания *potis est* и вторичное *pote est* в дальнейшем сливаются в одно целое и дают модальный глагол *potest* «он может», к которому впоследствии образуется целая парадигма: *possum, posse, potui* и т. п.² Таким образом, *potest* включается в серию латинских глаголов, возникших из предикативных сочетаний предлогов с глаголом *esse*: *interest, abest, deest, inest, prodest, praest, superest*.

Имеются также прилагательные, выступающие в форме среднего рода единственного (в греческом также множественного) числа в качестве сказуемого. В греческом их значительно больше, чем в латинском, где форма глагола *esse* почти всегда обязательна. Приведем для греческого формы *θαυμάσιον* (без *ἐστί*) «странно, удивительно», *ἑτοιμός* «готов» (ср. *ἐγὼ ἑτοιμός* «я готов» без *εἶμι*), *δίκαιον* или *δίκαιη* «справедливо» (без *ἐστί*) и др. В латинском языке число таких прилагательных, употребляющихся без *est*, очень ограничено: обычно приводятся только формы *mirum* «странно, удивительно» и *ridiculum* «смешно». Особого внимания заслуживает *neccesse est* «пужно, надо, необходимо», встречающееся исключительно только в

¹ Ср. специальное исследование: G. R e d a r d, Recherches sur ΧΡΗ, ΧΡΗ ΣΘ ΑΙ. Étude sémantique, Paris, 1953.

² Ср. A. Ernout et A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots, Paris, 1932, стр. 761—762.

функции сказуемого. Сочетание *necesse est* в позднейших памятниках сливается в одно целое и дает форму *necessest*, от которой образуется вторичный инфинитив *necessesse*¹.

Итак, в греческом и латинском языках намечался особый разряд слов, охарактеризованных внутренним противоречием между их «именным происхождением» и новой сказуемостной функцией. В отдельных случаях этот конфликт устранялся посредством перевода данных слов в класс глаголов. Подобные случаи «кразиса» мы наблюдаем и в ряде современных языков; ср. итал. *bisogna* (франц. *besoin* «необходимость, нужда»), принимающее в предикативном употреблении глагольные окончания (например, имперфект *bisognava* «надо было»), серб. *treba*, восходящее к существительному **trēba* и образующее прошедшее время при помощи глагольного суффикса -*lo* в сочетании с вспомогательным глаголом: *trebalo je*, словацк. диал. *trebalo* «надо было», чеш. *nelze* «нельзя» и ныне устаревшее *nelzelo* «нельзя было» и др. В единичных случаях этот конфликт между старой формой и новым содержанием так и остался грамматически не разрешенным. Таким образом, в составе греческого и латинского языков оказалось несколько «беспризорных» слов, успевших уже отойти от именной парадигмы, но еще не успевших сформироваться в особую часть речи. Вот почему традиционная грамматика, базирующаяся, в основном, на изучении классических языков, оставила эти слова без внимания. Связочный тип греческого и латинского предложения не был вытеснен бессвязочным, так что в данном случае формы глагола *быть* продолжали восприниматься как связки и не могли быть использованы в качестве аналитических показателей времени и наклонения.

Обратимся теперь к данным старославянского языка, имеющим много общего с только что рассмотренными фактами греческого и латинского языков.

*

Внедрение именных (особенно партиципальных) форм в состав сказуемого, имевшее место еще в общеславянский период (ср. формы сложных времен в сочетании с причастием на -*ль*), не повлекло за собою существенных изменений в отношении общего типа славянского предложения, которое оставалось, в основном, предложением глагольным и связочным. В сочетаниях типа ст.-слав. *сътвориъ есмь, сътвориъ бѣахъ, сътвориъ бѣдохъ, сътвориъ бимь* и т. п. формы глагола *быти* превратились в формы вспомогательного глагола. На фоне общего глагольного строя славянского предложения аналитические формы времени и сослагательного наклонения прочно вошли в систему глагольных форм. У неглагольных предложений преобладающим типом выражения сказуемости является в старославянском (и в ряде других славянских языков) связочное предложение.

Употребление бессвязочных предложений в старославянском совпадает в общих чертах с употреблением этих построений в греческом языке библейских переводов. Чтобы не быть голословным, приведем типичные случаи:

1. Бессвязочные конструкции встречаются довольно часто в таких предложениях, в которых сказуемое, выраженное нечленной формой прилагательного, стоит на первом месте предложения: *блаженни нищии ѿзюмь* (Мар., Мф. V, 3) *μικροί οι πτωχοί τῷ πνεύματι*; *пространа врата и широка пѣть* (Мар., Мф. VII, 13) *πλαταία ἡ πύλη καὶ εὐρύχωρος ἡ ὁδός*;

¹ Параллельный, хотя и единичный случай слияния существительного с формой глагола *быть* имеется, если это только не опечатка, в гот. *karist* (Ио. X, 13) из *kara* «забота» (англ. *care*) и *ist*.

блѣсна ты въ женахъ (Мар., Лук. I, 42) εὐλογημένη σὺ ἐν γυναῖξιν и т. п. В этих случаях в греческом оригинале имеется также бессвязочная конструкция, восходящая, очевидно, в свою очередь к подражанию именным конструкциям в семитических языках (библизм).

2. Бессвязочные конструкции обычно в инфинитивных придаточных предложениях следствия после союза *ὥστε* в значении «так что», греч. *ὥστε*, например: *ἵεσε τρῆξες великѣ бысть въ мори. ѿко покрывати сѧ кораблю ѡлнами* (Мар., Мф. VIII, 24) «так что корабль покрывался волнами»... *ὥστε τὸ πλοῖον καλύπτεσθαι ὑπὸ τῶν κυμάτων; творить ештеи великѣ. ѿко мошти сѧни жего птицаѣмъ нбскимъ витати* (Мар., Мф. IV, 32)... *ὥστε δὲνκѣσθαι... κκτακτῆρῶν; и исрѣли ѧ, ѿко народуу дивити сѧ* (Мар., Мф. XV, 30—31)... так что народ удивился»... *ὥστε τὸν ὄχλον θαυμάζει*. Бессвязочные построения даны уже в греческом оригинале.

3. Предложения с пропущенной формой глагола *быть* в значении «находиться, пребывать» встречаются под влиянием греческого оригинала в локулизирующих предикациях после относительного местоимения *иже* и его форм, например: *да оуѣтмы та ны, Аже тоу* (Клос. II, 810). В подавляющем большинстве случаев греческая конструкция с *ἐστὶ* передается, однако, в старославянском языке построением с формой глагола *быть*, например: *Отъе нашъ, иже си на нбѣхъ* (Мар., Мф. VI, 9) *πάτερ ἡμῶν, ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς*¹.

4. Предложения с пропущенной формой глагола *быть* в том же значении «находиться, пребывать» встречаются также после местоименных наречий (вопросительных, относительных, указательных) со значением места, несомненно, под влиянием греческого языка, например: *идеже тѣло, тоу орьли сѧнемлѣ жтѣ сѧ* (Мар., Лук. XVII, 36) *ἔπου τὸ σῶμα...; идеже бо есть σκροπιце ваше, тоу и срѣце ваше* (без *есть*) (Мар., Мф. VI, 21) *..... ἐκεῖ ἔσται καὶ ἡ καρδία σου*².

5. Бессвязочные построения встречаются под влиянием греческого оригинала после указательного слова *се*, например: *они же рыша си се ножа сѣде двѣа* (Мар., Лук. XXII, 38) *ἰδοὺ μάχαιρα ὡδε δύο*.

Для изучения старославянского синтаксиса наиболее показательными являются, как известно, те случаи, где старославянский перевод расходится с греческим оригиналом. Случаи такого расхождения в отношении употребления связки довольно многочисленны. Они отчасти собраны в работах А. Мейе³, Н. К. Грунского⁴, О. Грюненталя⁵ и др. Характерно, что греческие бессвязочные конструкции передаются в старославянском языке, как правило, построениями со связкой, например: *достойно бо есть дѣлатель мѣзды своеѣ* (Мар., Лук. X, 7) *ἄξιός γάρ ὁ ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ; что естѣ нама и тебѣ* (Мар., Мф. VIII, 29) *τί ἡμῖν καὶ σοὶ и мн. др.* Обратные примеры, т. е. такие, в которых греческой связочной конструк-

¹ Связка отсутствует в данном случае также в готском языке (очевидно, под влиянием того же греческого оригинала); ср. *Atta un-ar fu in himilnam*, в то время как в древневерхненемецком связка *налицо*, повидимому, под влиянием латинского оригинала; ср. *Fater unser, thu in himilon bist* (Вейссенбургский катехизис), *fater unser, da pist in himilum* (франкское «Отче наш»), *fater unser, thū pist in himile* (саксн-галленское «Отче наш»); ср. лат. *qui es in coelis*.

² В другом месте греч. *ἔσται* переводится связкой в будущем времени: *тоу и срѣце ваше бѣдетъ* (Мар., Лук. XII, 34).

³ A. Meillet, La phrase nominale en indo-européen, *Гр.* 20; е го же, Le slave common, 2-е éd., Paris, 1934, стр. 475.

⁴ Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. II, Юрьев, 1910 [обл.: 1911], стр. 308—310.

⁵ O. Grunenthal, Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung, «Archiv für slavische Philologie», Bd. XXXII, 1911 [обл.: 1910], стр. 40—41.

ции соответствовала бы в старославянском языке конструкция бессвязочная, в литературе не отмечены.

Связка появляется в старославянском языке в сочетаниях с разного рода именными формами, обозначающими ту или иную модальность даже тогда, когда в греческом языке имеется бессвязочная конструкция, например: *не възможно есть* (Мар., Лук. XVII, 1) ἀνεύθετον ἐστιν; *весь възможно тебе схъть* (Мар., Мф. XIV, 36) πάντα δυνατά σοι; *аште есть възможно* (Зогр., Мф. XXIV, 24) εἰ δυνατόν; *едино же есть на погрѣх* (Мар., Лук. X, 42) ἓνός δέ ἐστιν ἥμαρ; *нѣсть трѣбѣ плакати сѧ* (Супр. 102, 15—16); *ни въ земли ни въ гнои трѣбѣ есть* (Мар., Лук. XIV, 35) οὐθέν ἐστιν; *нѣсть ми лѣтъ* (Супр. 170, 22)¹; *аште е лѣтъ поустати женѧ своиѧ на вѣско врьмѧ* (Клоц. I, 127—129); *есть ли ти годѣ игоумень и братрѣ вѣ* (Син. трѣб., 92а, 18—19); *или нѣсть ми лѣтъ сътворити въ совиѣхъ ми еже хошѧ* (Мар., Мф. XX, 15), где *нѣсть лѣтъ* передает οὐκ ἔστι, лат. *non licet* «не дозволено»; *неволь бо есть прити скандаломъ* (Мар., Мф. XVIII, 7) ἀνάγκη γάρ ἐλθεῖν τὰ σκάνδαλα, где в греческом оригинале бессвязочная конструкция с ἀνάγκη.

Модальные выражения типа *возможно есть*, *на погрѣхѧ есть*, *на полъзѧ есть*, *подобѧ есть* «подобает» не утратили связи с соответствующими существительными и прилагательными, хотя в отдельных случаях такие сочетания и переходят полностью в класс глаголов; ср. *подобѧ есть* > *подобаетъ*, *годѣ есть* > русск. *годится*, чеш. *hodise*, позднейшее *долженствовать*. С точки зрения старославянского языка формы *лѣтъ*, *неволь*, *трѣбѣ*, *годѣ* являются застывшими надежными формами, семантически не связанными с именем существительным. Этимология слова (*нѣсть*) *лѣтъ* не ясна.

И тем не менее в старославянском языке нельзя говорить о формах «категории состояния» или о «предикативах», так как приведенные немногочисленные слова лишены общего формального признака: они употребляются в настоящем, в прошедшем и в будущем времени в качестве именного члена присвязочного сказуемого в привычных для старославянского языка связочных конструкциях.

Бессвязочные конструкции с модальным значением в старославянском языке исключительно редки; можно привести место из Ассеманиева евангелия *како не оудобѣ имѧшитиимъ богатство въ цѣсарство божие вънити*, где форма *не оудобѣ* употребляется без связки и передает греческое наречие δύσκολος «трудно»². Интересна конструкция *ѣкоже ты хоцещи, ѣкоже ти любо* (Син. трѣб., 72б, 13—14). Этот случай особенно интересен тем, что он является переводом из древневерхненемецкого, где имеется связочная конструкция: *sōso dū uuellēs enti dīno canādā sīn* (Молитва св. Эммерама).

Необходимо было несколько подробнее остановиться на фактах некоторых родственных языков для того, чтобы создать необходимую перспективу для обследования фактов русского языка, к которым мы теперь и приступаем.

В отличие от родственных славянских и большинства других индоевропейских языков, русский язык характеризуется необыкновенно широким употреблением бессвязочных построений в настоящем времени. Бессвязочные предложения представлены в русском языке весьма разнообразными типами, так как бессвязочная конструкция здесь не ограничивается ни стилем, ни амфазой. Бессвязочные конструкции в русском языке являются

¹ Ср., однако, *не лѣтъ съласти сѧ инако* (без связки) (Супр. 370, 16).

² В Мариницком евангелии имеем другую конструкцию: *како не оудобѣ имѧшити бѣатство въ цѣрствие бжже въидѧть* (Лук. XVIII, 24).

такими же «нормальными» предложениями, как и глагольные. Еще М. В. Ломоносов писал: «Глагол *есть* свойственно в российском языке разумеется и редко явно изображается, особливо в обыкновенном штиле и в разговорах»¹.

Условия возникновения и распространения бессвязочных построений в русском языке мало изучены. А. И. Соболевский считал, что бессвязочные предложения возникли в русском языке из бессвязочных конструкций, свойственных всякого рода поговоркам и сентенциям, вроде греч. *ὄντος ἄλλ' οὐκ* или лат. *summit jus, summa injuria*². В древнерусской литературе мы действительно находим образцы таких поговорок, оформляемых без связи, например: *льноть бо всему мати* («Поуч.») или же *и есть притча и до сего дне: «бѣда аки в Роднѣ»* (Лавр. 980). Но вряд ли такие предложения, как *ночь; темно; отец дома; что с тобой?; экий ты упрямец!; мальчик болен; мне скучно; тебе какое дело; нам здесь больше не бывать* и т. п. могут быть возведены непосредственно к стилистически квалифицированным синтаксическим единицам, подобным приведенной «притче».

А. М. Пешковский также склонен был думать, что безглагольные предложения в русском языке являются прямым продолжением индоевропейских безглагольных предложений и восходят непосредственно к построениям типа *сколько голов — столько умов, один ум хорошо, а два лучше* и т. п.³. Такое толкование страдает некоторой прямолинейностью и схематизмом.

Сравнение с другими славянскими языками (в том числе и со старославянским) убедительно показывает, что в общеславянском языке обычными типами предложения были предложения глагольные и связочные, а бессвязочные предложения были исключительно редки и ограничивались особыми случаями. Поэтому появление большого количества разнотипных бессвязочных предложений в русском языке является не непосредственным продолжением индоевропейского или общеславянского положения вещей, а новшеством, свойственным лишь восточной группе славянских языков и сказавшимся в утрате связи в настоящем времени. Это новшество относится, по всем данным, еще к доисторическому периоду. Ссылаясь на многочисленные примеры из древнерусских памятников, в которых связь отсутствует (например, *новгородци правя, а Ярослав виноват*), акад. А. А. Шахматов писал: «Уже это делает вероятным, что предложения бессвязочные восходят в русском языке к глубокой древности»⁴. Эта мысль акад. А. А. Шахматова полностью подтверждается фактами. Начиная с древнейших памятников, пропуск связи в третьем лице единственного числа является в древнерусском языке нормой. Необходимо, однако, отличать случаи, в которых пропуск связи вызван влиянием старославянского языка и носит на себе более или менее явную стилистическую печать, от тех случаев, в которых пропуск связи отражает живые нормы древнерусского разговорного языка.

В церковно-книжных текстах и контекстах связь пропускается в тех же случаях, как и в старославянском языке, например: *блажен мужь милуя и дая* (Лавр. 996), *идеже множество грѣхов, ту видѣнья всякого показаніе* (Лавр. 1093), и т. п. Для древнерусского языка особенно показательными являются случаи пропуска связи в передаче прямой речи. Вот основные типы построений, в которых пропуск связи в древнерусском языке имеет место с большой последовательностью:

¹ М. В. Ломоносов, Российская грамматика, § 1'8 (Полное собр. соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 564).

² А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 3-е изд., М., 1903, стр. 258—259.

³ См. А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 295—296.

⁴ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 168.

1. Во всякого рода идентифицирующих и локализирующих предикациях типа на *Лыбеди Печеньзи* (Лавр. 968), *по истинь лжа то* (Лавр. 1071), *бог свѣдѣтель тому* (Лавр. 1097), *убо смерть нам здѣ* (Ип. 1111) и мн. др.

2. В предложениях, содержащих указательное местоимение *се*: *и рѣка: «Чий се градок?»* (Лавр. 862), *се твоє дѣтя* (Ип. 1114), *се не дивно (там же)*. Древнейшим примером является приписка к Остромирову евангелию 1056—57 гг.: *се коньць*. Наряду с этим встречаются, однако, и случаи, в которых связка не пропускается: *се злоєсть* (Лавр. 1068), *кто се єсть?* (Лавр. 975) и др.

3. В предложениях, в которых в качестве сказуемого выступает именная форма прилагательного, но не обязательно на первом месте. Сюда относится сравнительно узкий круг прилагательных. Эти прилагательные характеризуются либо тем, что имеют ярко «оценочное» значение (например, *люб, лиз, добр, велик, прав, виноват*), либо семантически оторваны от соответствующей атрибутивной формы (например, *жив, вѣдом, свѣдом*), либо, наконец, вовсе не встречаются в атрибутивной функции (например, *рад, готов, противен* «вражески настроен, находящийся во вражеских отношениях», *недужь* и др.). Вот несколько примеров: *конь умерл єсть, а я жив* (Лавр. 912), *оже ти собѣ не люблю, то того другу не твори* (запись в сб. Святослава 1073 г.), *кто сему не рад?* (Лавр. 1024), *да се мы готови* (Лавр. 1097), и рече *Святополк: «Се аз готов уже»* (Лавр. 1103), *свѣдай, брате, свои брѣзи комони, а мои ти готови* («Слово о п. И»), *аз им противен, а вам не чему* (Лавр. 884), *аз им противен єстьм* (Лавр. 1078), *Бирель прав, а Арманович виноват* (грамота 1284 г.), *аз во єстьм виноват перед богом и перед ним* (Троиц. 1149), *мы недужи противу вам стати* (Лавр. 971), и рече им: *«добра ли вы єсть?»* (Лавр. 945), *сила еє велика* (Троиц. 1150), *отроци Свѣньльжи изодѣли ся суть оружьем и порты, а мои нази* (Лавр. 945).

4. В предложениях, в которых в качестве сказуемого выступает именная форма страдательного причастия прошедшего времени: *земля наша крещена* (Лавр. 898), *того же мѣсяца в 18 Никифор митрополит на столѣ посажен* (Лавр. 1104), и на том крѣст человек (Рижская грамота 1300 г.), *Мир докопан на старьи мир* (там же) и др.

5. В предложениях, в которых в качестве сказуемого выступают формы на *-о* или на *-ь*, обыкновенно толкуемые как наречия. Эти слова характеризуются ярко выраженным «оценочным» оттенком значения; ср. *любю, нелюбо, льло, дивно, угодно, борзо, тѣжко, зло, гобино, досточно, чюдно, лютъ* и др. Например: *любю комуждо слушати их* (Лавр. 987), *они же рекоша: «здѣ ти любю»* (Лавр. 986), *не льло у свинци в нозрех рѣсы златы* (Моление Даниила Заточника), *диво ли, оже мужь умерл в полку ти?* (Поуч.), *невѣдомо, камо ю дѣша* (Новг.), *лютъ бо граду тому, в нем же князь ун* (Лавр. 1015).

Этот тип предложений становится в русском языке особенно продуктивным. В житии Аввакума мы читаем: *мнѣ бѣдному горько; как бил, так не болно было с молитвою тою и т. п.*

6. Особый, весьма значительный разряд бессвязочных предложений представлен словами, выражающими разного рода модальные отношения (допущения и недопущения, возможности и невозможности, необходимости и т. п.). Это слова *льзь, льзя, нельзь, неволя* «падо», *надобе, веремя*, т. е. слова, исторически восходящие к именам существительным. Они употребляются с инфинитивом и без него и сочетаются с дательным лица («логического субъекта»), но могут стоять также в конструкциях, в которых лицо не выражается. Вот несколько примеров:

льзь, нельзь: потянем, уже нам не лзь камо ся дѣти (Лавр. 1068), *не лзь рчи* («Правда»). В прошедших временах и в будущем времени появля-

ются конструкции с формами глагола *быти*: *бысть съча зла и не бѣ лъзъ Печенѣгомъ помагати* (Троиц.), *не бѣше лъзъ коня напоити* (Лавр. 968), *и не бѣ лъзъ из града вылести* (Лавр. 968). Форма *нълъзь* становится, повидимому, неразложимой: *Нропълаку бо бѣша (!) нълъзь перевестися кърама с своими* (Киев. свод). В ряде случаев формы глагола *быти* употребляются энклитически: *нълъза бѣ граждани убити его* (Новг. 980);

неволя: а неволя моя своее головы бяути (Лавр. 1097), *аще ли не хочета, то нам неволя «то мы должны»* (Лавр. 1069), *рѣша же кыяне: «Нам неволя»* (Лавр. 945). В одном случае появляется конструкция с *есть*: *и рѣша кыянь: «неволя есть нам»* (Новг. 945);

надобе: О, любя моя дружина, юже вчера избих, а нынѣ бѣша (!) надобе (Лавр. 1015), *сам творил, что было надобе* (Поуч.), *а да творят куплю, яко же им надобе* (Лавр. 907), *то Новгороду тяжя не надобе* (Договор Александра Невского 1262—63 гг.);

верема: не верема ныне погубити смерды от ролы (Ип. 1111).

К этой группе слов примыкает также слово *жаль*, восходящее к имени существительному: *аще тѣ (т. е. ти) не жаль отчины своя* (Новг. 968), *жаль бо ему мила брата Всеволода* («Слово о п. II.»); *то лошади жаль, а самого не жаль ли* (Лавр. 1103) и мн. др.

Все эти слова порвали, с точки зрения древнерусского языка, связь с категорией имени существительного: *лъзъ* является застывшим местным падежом единственного числа существительного **lydza* «легкость, возможность» (ср. *по-лъза*); слово *неволя* в значении «(я, ты, он) должен» семантически уже оторвано от соответствующего существительного *неволя* «рабство»; ср. рум. *nevoie* в значении «необходимость, нужда, «надо, нужно», заимствованное из болгарского; в древнерусском языке это исконное существительное женского рода согласуется в прошедшем времени не с глагольной формой *была* (т. е. **неволя была*), а с формой среднего рода *было*; ср. *неволя ми было пристати в советѣ* (Лавр. 1097); слово *надобе* является застывшим сочетанием предлога *на* и старого существительного **doba* «подходящий момент, благоприятное время», не засвидетельствованным в этом значении в древнерусском языке, но хорошо известным в других славянских языках; ср. ст.-слав. *doba*, чеш. и словацк. *doba* «время, период», от которого образовано и словацк. диал. *nadbe* «надо» (в Гемере); слово *жаль*—старое существительное со значением «скорбь, печаль, грусть»; ср. словацк. *žiaľ* «печаль, траур»; слово *верема*—существительное, соответствующее ст.-слав. *врѣмя*, но употребляющееся, повидимому, только в предикативной функции.

7. Бесвязочные построения находим в инфинитивных предложениях, выражающих модальность невозможности, отсутствия необходимости, неизбежности и т. п.; ср. *уже нам здѣ пасти «мы неминуемо погибем»* (Новг. 971), *уже мнѣ своего мужа не възкресити* (Новг. 945), *нам их не перебороти* (там же, 980), *то что нам дѣяти* (Троиц. 1153). Среди инфинитивных предложений особо выделяются конструкции, в состав которых входят отрицательные адвербиальные и существительные наречия типа *нѣкакмо* «некуда, не коли, не чему и т. п.»; ср. *уже нам нѣкакмо ся дѣити* (Лавр. 971), *а о прочихъ мукахъ потонку неколи говорить* (житие Аввакума), *а дѣлатъ нечева стало* (там же).

Особым случаем употребления инфинитива с модальным оттенком возможности являются в древнерусском языке построения с *видѣти*; ср. *бысть видѣти съемъ людем* (Ип. 1113), *первое видѣти столъ Давидовъ, а потомъ, мало пошедъ, видѣти Елеонская гора* («Хождение Даниила», список XVI в.)¹

¹ Форма *видѣти* здесь несомненно обозначает «можно видеть». В некоторых языках модальность в подобных случаях выражается модальными глаголами; ср. англ. *J can see «мно видно»*.

Как видно, бессвязочные конструкции в целом ряде случаев являются либо единственно возможными, либо оказываются явно преобладающими. Употребление форм *есть, еси* и т. д. в аналогичных конструкциях вызвано не столько потребностью сохранить связку в 1-м и 2-м лице всех чисел, сколько необходимостью выразить категорию лица; ср. *вы юста князя, аз есмь князь, а ты князь ли еси* и т. п. Для нас здесь важно, что уже в древнейших памятниках связка 3-го лица отсутствует именно в таких построениях, в которых употребляются слова и формы, переходящие в современном русском языке в состав предикативных слов. Наличие состав таких предикативных слов со временем меняется: из языка (особенно литературного) выпадают слова *льзя, неволя* (в значении модального предикатива), *надобе, время* [ср. «но отступать было не время» (Лермонтов, Тамань)]. Зато появляются новые слова, пополняющие состав предикативов. Современный модальный предикатив *можно*, вошедший в антонимическую связь со словом *нельзя*, появляется очень поздно; еще в XVI в. имеется слово *мочно, немочно*; ср. ... *на Кострому и в Любим летом за грязми и за болотами торговати ездити будет немочно «невозможно»* (1595)¹, *деньги тебе заплатити мочно ли* (грамота 1516 г.), *денег, господине, мне заплатити не мочно* (там же). Из книжного языка попадают в литературную речь слова типа *возможно, невозможно, должно, необходимо*. Слово *нужно* появляется довольно поздно, причем употребляется первоначально в значении предикатива, выражающего внутреннее состояние человека: *нужно было гораздо* у Аввакума значит «очень тяжело было на душе». Слово *пора* появляется в памятниках не раньше XVII в.: *пора прощатца* (письмо Аввакума 1669 г.), *ныне пора домой* (в грамматике Лудольфа 1696 г.); ср. польское *pora*.

Если фактический состав слов, употреблявшихся исключительно или преимущественно в функции сказуемого, изменялся, то сохранялся сам принцип бессвязочного предикативного употребления некоторых типов слов. Более того, в орбиту предикативных слов тягивались все новые и новые слова и формы, например имена существительные *досуг, недосуг, охота, срам, стыд, лень, беда, не след* и др. Инфинитивная форма *видѣти* заменяется формой *видать*, постепенно утрачивающей парадигматическую связь с формами *видаю, видал*; наряду с ней появляется новый предикатив (*мне*) *видно*; ср. еще *слыхать* (не знающее форм **я слыжаю, ты слыгаешь*) и *слышно*, книжное *внятно* [ср. «Нам внятно всё» («Скифы» Блока)].

Интересно, что предикативы в обследованных языках, а также в ряде современных славянских языков возникают вокруг нескольких семантико-грамматических «узлов». Это прежде всего слова с разного рода модальным значением, соответствующие германским модальным глаголам типа нем. *können, müssen, sollen, mögen, dürfen*, англ. *I can, I must, I should, I may, I ought to* и т. п. По этому признаку в состав русских предикативов вошли новые слова типа *необходимо, должно*, а также формы слова *должен* (ср. *а вы тъмъ дължны есте молити за ны* в грамоте вел. князя Мстислава Володимировича, около 1300 г.). Другим семантико-грамматическим узлом, вокруг которого группируются предикативы и слова, переходящие в эту категорию, является отрицание. Поражает обилие предикативных слов и оборотов, употребляющихся только с отрицанием: др.-русск. *неволя*, русск. *нельзя* (при отсутствии в современном языке формы *льзя*), предикативные местоимения *ничего, некуда, незначем* и т. п., всякого рода выражения и обороты, еще не успевшие морфологически оформиться в предикативы, но выступающие только в функции сказуемого: (*мне*) *неведомъ, (мне) нестерпѣж, не след, мне не по себе, он не у дел, он не прочь, он тебе не чета,*

¹ См. В. И. Борковский, указ. соч., стр. 70.

он не в духе и т. п. Интересно, что некоторые модальные предикативы, являющиеся формально отрицательными формами, приобрели значение положительное; ср. *не-обходимо*, лат. *ne-cesse* от корня *ced-ere* «уступать», *неволя* «надо, необходимо» и др.

Следует подчеркнуть, что выражения разного рода дифференцированной модальности вообще появляются в языке сравнительно поздно. Только основные модальные глаголы *могу* и *хочу* имеют параллели в других индоевропейских языках. В ряде языков слова, обозначающие модальные оттенки необходимости, восходят к именам существительным, обозначавшим первоначально «отрезок времени, подходящий момент». Сюда можно отнести приведенные выше греч. *ὄρα*, *καιρός*, *ἔτι*, русское *надобе* (из **na dobe*), ст.-слав. *на годъ* (от существительного *годъ*), далее *верема*, *пора*, *досу*¹ и др. Следует сказать, что и немецкий модальный глагол *müssen*, *muß* «я должен» этимологически восходит к существительному др.-в.-нем. *muozza* «досу». Сравнительно поздним появлением в языке предикативных слов, обозначающих модальность долженствования, допущения, возможности и т. п., объясняется и тот факт, что этот круг слов представлен в славянских языках не всегда одинаковыми словами, отчасти даже заимствованиями; ср. чеш. *musím* «я должен», польск. *muszę* (то же), укр. *мушу*, лужицк. *dyrbime* «мы должны» (нем. *dürfen*) и др.

С точки зрения древнерусского языка предикативные слова типа *льзь*, *надобе*, *жалъ*, *верема*, а также *люб*, *рад*, *противен*, *недужь*; *любо*, *льпо*, *дigno*, *угодно*, *гобино* и т. п. безусловно относятся к основному словарному фонду. В этот своею численностью сравнительно незначительный круг слов постепенно втягивались, как мы видели, все новые и новые слова. Организуясь в первую очередь по признаку своей синтаксической функции, а также на основании специфических оттенков лексического значения, эти слова со временем оформляются в особый лексико-грамматический класс, в особую часть речи, приобретают свои специфические морфологические показатели. В русском языке для этого существовали более благоприятные условия, чем в языках, сохранивших в качестве основного неглагольного предложения связочный тип предикации. На фоне отсутствия связи в настоящем времени (типа *мнѣ надобе*, *мнѣ жалъ* и т. п.) сочетания типа *бѣ надобе*, *бѣ жалъ* и т. п. стали ощущаться как описательные, аналитические формы соответствующих слов. Естественно, что такой переоценке в первую очередь и легче всего подвергались слова, уже оторвавшиеся от именной парадигмы (например, *льзь*, *надобе*, *жалъ*), а также краткие формы прилагательных, не имеющие вовсе атрибутивных форм (*рад*, *горазд*, *противен*) или семантически от них более или менее оторванные (*любо*, *льпо*, *угодно*, *нужен*, *должен* и др.). После утраты русским языком простых прошедших времен единственным показателем времени в сочетаниях *жалъ было*, *я должен буду*, *ему надо будет* и т. п. стали слова *был*, *была*, *было...* и *буду*, *будешь*, *будет...* Эти слова в системе русского языка являются уже не связкой, а лишь формальными показателями времени, своеобразными аналитическими морфемами. Точно так же старая глагольная форма *бы* становится в соединении с предикативами лишь морфемой сослагательного наклонения (*надо бы*, *пора бы*). Характерно, что в польском языке, где имеем формы типа *byłem*, *byliśmy*, *niostem*, *niostes*, *niostbym*, *niostby*, имеются также формы *trzebaby*, *moznaby* и т. п.

В современном русском языке некоторые разряды предикативов охарактеризованы энклитичностью (т. е. неполноударностью, акцентологической несамостоятельностью) аналитических показателей времени и со-

¹ Ср. Б. М. Ляпунов, «Из семасиологических этюдов в области русского языка: «досу» и пр., ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 1.

слагательного наклонения; ср. «Пора было накрывать на стол» (Кочетов, Журбины), «Но вставать было надо» (там же), «Больного было не слышно» (Л. Н. Толстой, Три смерти), «Радостно, молодо было и на небе, и на земле» (там же), «И не смешно ли было жаловаться начальству» (Лермонтов, Тамань), «По обе стороны видны были только плетни огорода» (Чехов, Почта), «Таким образом, налицо было стихийное пробуждение народных масс» (Ленин, Что делать?). В ряде других случаев наблюдается только тенденция к энклизе временных показателей — морфем. Это и не удивительно: в круг предикативов втягиваются новые слова, только постепенно оформляющиеся морфологически; ср. *там было холодно* (где было, по видимому, еще связка) и модально-возможностное *там холодно было сидеть*, (где было — энклитический временной показатель).

Получив аналитические формы времени и сослагательного наклонения, т. е. получив способность морфологического выражения категорий, свойственных всякой предикации, предикативы в русском языке структурно приближаются к глаголу. В некоторых случаях эта близость была настолько значительна, что возникла потребность наделить предикативное слово и другими глагольными показателями, в частности видом. Так, к отдельным предикативам появляются образования от глаголов совершенного вида; ср. *мне понадобилось*, соотнесенное с *мне надо было* (при отсутствии несовершенного вида «мне надобилось»). На протяжении истории русского языка предикативы неоднократно подвергались воздействию глагола и его форм. Еще Ф. Буславев указывал, что русские диалектные формы *надобе-ть, надо-ть* следует объяснять влиянием глагольного окончания 3-го лица единственного числа *-ть*¹. Трудно сомневаться в том, что и форма *итту-ть*, встречающаяся, например, в «Русской Правде», является попыткой вернуть в систему глагола предикатив *итт*, *итту*, еще в доисторическое время оторвавшийся от парадигмы глагола *быть*.

Приблизившись по своей функции и по своей структуре к глаголу, предикативы получили возможность выражать и «грамматическое лицо». Безоговорочное отнесение слов типа *надо, нужно, жаль* и т. п., а также *холодно, смешно, удивительно* к «безличным» основано, на наш взгляд, на недоразумении. В предложении *здесь можно курить* действительно имеется безличное употребление предикатива *можно*. Но в предложении *мне можно курить* грамматическое лицо указано. Эти вопросы требуют, однако, более тщательной разработки в связи с переоценкой основных синтаксических понятий.

Трудно согласиться с Н. С. Поспеловым, ограничивающим состав слов «категории состояния» лишь «безлично-предикативными словами»². Правда, Н. С. Поспелов придерживается более узкого и чисто семантического признака категории — именно «состояния», в то время как здесь имеется в виду более широкий разряд слов — «предикативов». Вот почему личные формы *я рад, я должен* и т. п. включаются нами, — в согласии с теоретическими взглядами акад. В. В. Виноградова, — в состав той части речи, которую мы называем предикативами.

Состав предикативов постоянно пополняется как раз такими исконными формами кратких прилагательных, которые уже не соотнесены с этимологически соответствующими полными формами: ср. «Не волён ты один решать, Василий Кузьмич!» (Николаева, Жатва), «Он смешить здоров» (Кочетов, Журбины), «Не молодецкий сердце трепать» (там же). Последний пример показывает, что и полные формы прилагательных, семантически

¹ См. Ф. Буславев, Историческая грамматика русского языка, 3-е изд., М., 1868, § 200, 6 (примеч.).

² Н. С. Поспелов, В защиту категории состояния, ВЯ, 1955, № 2, стр. 57.

расщепляющиеся на несколько значений, могут оказаться под влиянием предикативов.

Важно отметить, что неизменяемость вовсе не является необходимым признаком предикативов. Показатели рода и числа, присущие формам типа *я волён, ты волына, мы волыны* и т. п., возможность образования степеней сравнения [например, «Да мне эту раму жалче всего» (Николаева, Жатва)] являются наследием тех категорий, из которых в русском языке сформировались и продолжают формироваться некоторые типы предикативов. Точно так же наречия *вечером* и *вечерком, утром* и *утречком, рядом* и *рядышком* остаются наречиями, хотя в них проявляется прием уменьшительности, свойственный именам существительным. Возникновение любой части речи — процесс весьма длительный. Элементы старого качества лишь постепенно отмирают, уступая место элементам нового качества. Материалы русского языка дают лингвистам исключительную возможность наблюдать за становлением новой части речи.

В результате всего сказанного можно определить предикативы в русском языке следующим образом. К предикативам мы относим слова, могущие выступать и с к л ю ч и т е л ь н о в функции сказуемого и этим самым отличающиеся от имени существительного и прилагательного. Эти последние, правда, тоже могут выступать в функции сказуемого, но их основной функцией является выражение других членов предложения. От наречий предикативы отличаются тем, что они не квалифицируют действия и не являются обстоятельствами. От глагола, наконец, они отличаются отсутствием некоторых категорий, в частности, отсутствием категории вида и залога. Предикативы, в отличие от глагольных форм, не «спрягаются» и не имеют неличных форм (инфинитивов, причастий, деепричастий). Предикативы выражают категории времени и сослагательного наклонения посредством аналитических показателей-морфем. У целого ряда предикативов эти морфемы употребляются энклитически. С точки зрения своего значения предикативы группируются вокруг нескольких семантических «узлов», обозначая модальные отношения допущения, возможности, необходимости, долженствования, разные оценочные оттенки, некоторые разновидности предикативного выражения чувственных восприятий, наличия, состояния и др. Некоторые предикативы могут быть переходными, т. е. допускают при себе прямое дополнение; ср. «Очень больно ногу в бедре» (Шишков, Угрюм-река).

Класс предикативов является в русском языке, в своем ядре, вполне сложившейся частью речи. Аналитические показатели-морфемы, употребляющиеся у предикативов для выражения времени и наклонения, в достаточной мере характеризуют этот класс с точки зрения морфологической. Правда, А. Б. Шапиро не считает возможным признать сочетание форм глагола *быть* с предикативами типичным для этого разряда слов морфологическим признаком. Он полагает, что слова, относимые к «категории состояния» и сочетающиеся в прошедшем и будущем времени с формами глагола *быть*, «ничем не отличаются от имен существительных и полных прилагательных, когда эти последние выступают в функции сказуемого...»¹. Но дело в том, что предикативы в прошедшем и будущем времени сочетаются с неполноударными «формами глагола *быть*», употребляющимися энклитически. Это признает и А. Б. Шапиро, хотя добавляет, что «эпозитивность (точнее: энклитичность) форм глагола *быть* (автор называет их «связкой») характерна только для некоторых типов предикативов»². Но так как этот признак присущ «только некоторым группам, то причину

¹ А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 49.

² См. там же, стр. 52.

этого нужно искать не в особом употреблении аналитического способа выражения категорий времени и наклонения, а в чем-то другом — вернее всего, в особенном характере лексических значений слов, о которых идет речь¹. Но раз определенная группа слов выступает исключительно только в одной синтаксической функции (в данном случае в функции сказуемого), раз она характеризуется аналитизмом и энклитичностью выражения категорий времени и наклонения (т. е. в данном случае совершенно особым способом выражения своих грамматических форм) и вдобавок включает в себя слова с «особенным характером лексических значений», то этого, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы выделить такую группу слов в особую часть речи на основании целого комплекса признаков: синтаксических, морфологических и семантических. Спор может идти только о термине и о том, какие слова или группы слов в русском языке уже полностью вошли в эту новую часть речи, а какие лишь более или менее явно тяготеют к ней. Существование же особой части речи, включающей целый ряд предикативных слов, в русском языке нам кажется не вызывающим сомнения.

Класс предикативов в современном русском языке является именно «активно развивающимся» классом, как указывал акад. В. В. Виноградов, втягивающим в свою орбиту все новые и новые слова и разряды слов, а также и целые словосочетания. Вопрос о новой части речи, о «категории состояния», был не случайно выдвинут впервые именно русскими учеными и продемонстрирован именно на материале русского языка. В русском языке, в силу особенно благоприятных условий (утрата связочного типа предложения в настоящем времени), развился особый класс слов, не имеющих прямой параллели ни в классических языках, ни в языках романо-германских, т. е. именно в тех языках, на материале которых и создавалась в прошлом традиционная грамматика. Учение об этом новом классе слов имело серьезное влияние на грамматическую теорию родственных славянских языков. Плодотворная дискуссия о «категории состояния» или о «предикативах» в чешском, словацком и болгарском² языках продолжается. Советскими лингвистами выдвигается особая «категория состояния» в английском языке³. В свете учения о новом предикативном, но неглагольном классе слов требуют нового углубленного истолкования такие факты, как нем. *schade* «жаль», *es tut mir leid* «мне жаль», *es tut Not* «нужно», *er ist weg* «его нет» и т. п. В ряде индоевропейских языков имеются, повидимому, небольшие группы слов, подводимые под понятие категории состояния или предикативов, но нигде предикативы не составляют такого ярко очерченного класса слов, как в русском языке.

¹ Там же.

² Ср.: Fr. Kopečný, Význam krátkých tvarů adjektivních a zejména tvaru neutrálního v češtině, «Slavia», ročn. XXII, ses. 4, 1953, стр. 567—574; М. Котáчек, K otázce predikativy (kategorie stavu) v češtině, «Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci», Praha, 1954; L. Durovič, K otázce neobyčejných dialektů reči v Slovenčine, «Jazykovedný sborník», IV, Bratislava, 1950, стр. 125; А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Bratislava, 1954, стр. 358—382; Бл. Блажеви, За думите, които спадат към категорията на състоянието в руски и български език, «Български език», год. V, кн. 1, 1955.

³ См.: Б. А. Ильин, О категории состояния в английском языке, сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944)», [Л.], 1951; Л. О. Пипаест, К вопросу о категории состояния в английском языке, «Инд. яз. в шк.», 1951, № 5.

А. С. ЧИКОБАВА

О ДВУХ ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ
ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

На территории Кавказа представлены языки: 1) индоевропейские (русский, украинский, армянский, осетинский, курдский); 2) алтайские (азербайджанский, кумыкский); 3) так называемые «кавказские»: картвельские (или иберийские), абхазско-адыгские, вейнахские (бадбийско-кистинские) и дагестанские. Среди них — 10 письменных (древнеписьменный грузинский, младописьменные — абхазский, абазинский, адыгейский, кабардинский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский и табасаранский) и около двадцати бесписьменных (занский, сванский, бадбийский, кистинский, агульский, рутульский, цахурский, удинский, хиналугский, будухский, крызский, рчинский, андийский, бутлахский, каратинский, тидийский, багвальский, хваршинский, ахвахский, ди-дойский, каучино-гунизбский...).

Общее количество говорящих на индоевропейских и алтайских языках на Кавказе более 4 млн. чел. (в том числе на армянском языке только на территории Армянской ССР говорит около 1 млн. 200 тыс. чел., на осетинском языке — около 300 тыс. чел., на азербайджанском языке на территории Азербайджанской ССР — около 2 млн. 200 тыс. чел.). На «кавказских языках» говорит ныне на Кавказе около 3 млн. 300 тыс. чел. (в том числе на картвельских языках более 2 млн. 200 тыс. чел.).

Таким образом, далеко не все языки Кавказа являются «кавказскими»: на так называемых «кавказских языках» говорит меньше половины населения Кавказа. Термин «кавказские языки» не только не оправдан географически, но он неясен и лингвистически. В дальнейшем мы используем термин «иберийско-кавказские», обозначая им неиндоевропейские и неалтайские (несемитические) языки Кавказа (обоснование данного термина см. ниже).

Два вопроса являются основными, поскольку речь идет о лингвистическом изучении иберийско-кавказских языков. П е р в ы й — это вопрос об их историческом взаимоотношении: являются ли эти языки родственными, т. е. объединяются ли они общностью происхождения, или же то общее, что в них обнаруживается, представляет собою результат сближения совершенно различных по происхождению (и по строю) языков? Иными словами: «иберийско-кавказские языки» — это понятие генеалогической классификации или же понятие географическое? В т о р о й вопрос — это вопрос о взаимоотношении данных языков с другими семьями языков: следует ли считать иберийско-кавказские языки изолированной группой или же можно ставить вопрос об их родстве с другими группами языков, в частности с группой древних языков Передней Азии?

По этим вопросам (в основном — по второму) и высказывались участники дискуссии. В статье Е. А. Бокарева «Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков», которой журнал «Вопросы языкознания» (1954, № 3) открыл дискуссию, вопрос о родстве иберийско-кавказских языков получил — если можно так выразиться — «условно положительное» решение. К вопросу же о генетической связи иберийско-кавказских языков с другими генетическими группами, особенно с древними языками Передней Азии, Е. А. Бокарев относится резко отрицательно: он исключает даже постановку вопроса о возможной связи иберийско-кавказских с древними мертвыми языками Передней Азии, считая изучение таких связей «дезориентирующим специалистом по кавказским языкам». С. С. Какабадзе вполне солидарен с Е. А. Бокаревым. Что касается других участников дискуссии (акад. В. Георгиев, И. М. Дьяконов, И. М. Дунаевская), мнения их в большей или меньшей степени расходятся с мнением Е. А. Бокарева (особенно это нужно сказать о В. Георгиеве).

По обоим вопросам, естественно, придется анализировать в первую очередь положения статьи Е. А. Бокарева.

*

Географическое ли понятие «иберийско-кавказские языки»? Для Е. А. Бокарева очевидным является существование родственных групп: картвельской, абхазско-адыгской и вейнахской¹. Родство же дагестанских языков ставится под вопрос: «Обобщающее наименование „дагестанские языки“, — пишет Е. А. Бокарев, — основывалось на чисто географическом понятии, т. е. в большей степени на признаке территориального соседства языков, чем на признаке их материальной близости и родства по происхождению. Многочисленность дагестанских языков, малая изученность большинства из них, а порой даже и полная неизученность, значительные различия между ними как в области словарного состава, так и грамматики не давали полной уверенности в их генетическом единстве, хотя отдельные сопоставления слов и грамматических показателей в различных языках указывали на большую вероятность того, что и дагестанские языки представляют собой группу родственных языков»².

Указав на отдельные «попытки сравнительно-исторического истолкования фактов дагестанских языков», Е. А. Бокарев продолжает: «Однако в области изучения дагестанских языков нужна еще очень большая работа по описанию этих языков и их диалектов, по составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных подгрупп, прежде чем можно будет приступить к обобщающему исследованию вопроса о генетическом единстве всей совокупности дагестанских языков и к решению проблемы об их отношении к другим кавказским языкам»³.

Итак, пока не составлены сравнительно-исторические грамматики отдельных подгрупп дагестанских языков, оказывается, даже нельзя приступить «к обобщающему исследованию вопроса о генетическом единстве всей совокупности дагестанских языков» и тем более «к решению проблемы об их отношении к другим кавказским языкам», например к вейнахским или к абхазско-адыгским.

Если дагестанские языки — понятие «чисто географическое», каким же образом можно составлять их сравнительно-исторические грамматики?

¹ ВЯ, 1954, № 3, стр. 42.

² Там же, стр. 43 (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Там же (разрядка наша. — А. Ч.).

Если без составления сравнительно-исторических грамматик нельзя «приступить к обобщающему исследованию вопроса о генетическом единстве» дагестанской группы языков, на чем же строится положение об «очевидном родстве» таких групп, как картвельская, абхазско-адыгская, вейнахская? Ведь до сих пор не разработана сравнительно-историческая грамматика ни картвельских языков, ни вейнахских, ни, строго говоря, абхазско-адыгской группы языков.

Говоря об «очевидности родства» этих языков, Е. А. Бокарев полагается на мнение других авторов (а отнюдь не на доказательную силу сравнительно-исторической грамматики)¹. Но те авторы, которые признавали наличие родственных групп (картвельской, абхазско-адыгской, вейнахской), никогда — за все время существования историко-сравнительного языкознания — не сомневались в том, что и дагестанские языки, несмотря на существенные расхождения в грамматическом строе и словарном составе, являются родственными. Кавказоведы никогда не сомневались в том, что «дагестанская группа родственных языков» — понятие такое же реальное, как и понятие абхазско-адыгских, вейнахских или картвельских языков².

Ставя под сомнение родство дагестанских языков (со ссылкой на авторитет сравнительно-исторической грамматики), Е. А. Бокарев делает, по имя якобы строгости метода, шаг назад и вступает в противоречие со своим же положением о наличии трех родственных групп (картвельской, абхазско-адыгской, вейнахской).

Раз родство дагестанских языков оказалось у Е. А. Бокарева под сомнением, для него не может быть и речи о родстве различных групп иберийско-кавказских языков между собою. В самом деле, было бы более чем странно ставить под вопрос родство аварского языка с лакским, даргинским, лезгинским и в то же время считать аварский язык родственным бабдбийскому и тем более адыгским языкам или абхазскому, не говоря уже о грузинском языке (это, примерно, то же самое, что считать проблематичным родство болгарского языка с сербским, но признавать родство болгарского с польским языком).

Таким образом, по Е. А. Бокареву, «кавказские языки» оказываются лишь понятием географическим: если дагестанские языки нельзя рассматривать как понятие генеалогической классификации, то «кавказские языки» — и подавно. Этого требует последовательность. Но вопрос о последовательности в суждениях Е. А. Бокарева осложняется. Он пишет: «Еще большую трудность представляет собой выяснение генетического родства кавказских языков в целом. Эти языки так сильно различаются по своему грамматическому строю и словарному составу, что и непосредственные сближения их без предварительных сравнительно-исторических реконструкций почти невозможны. Сомнения в родстве северокавказских языков с картвельскими не раз высказывались в литературе (Н. С. Трубецкой, А. Мейе, Г. Фогт, В. Поляк и др.). «Однако, — читаем далее, — большинство кавказоведов стоит на точ-

¹ Е. А. Бокарев сам отмечает, что «ни по одной из этих групп мы все еще не имеем сравнительно-исторических грамматик, в которых было бы систематически и последовательно показано генетическое родство языков, входящих в указанные группы» (там же, стр. 42).

² Кстати, и сам Е. А. Бокарев придерживался раньше такой же точки зрения. В 1949 г. он писал: «Яфетические языки Дагестана все родственны между собою, и много у них общего, в смысле словарного запаса и грамматического порядка» (Е. А. Бокарев, Краткие сведения о языках Дагестана, Махач-Кала, 1949, стр. 4; разрядка наша. — А. Ч.).

Если в 1949 г. эти языки были родственными, когда же они перестали быть таковыми? Куда исчезло то общее (много общего), что в них тогда имелось?

ке зрения генетического единства кавказских языков, так как отдельные сопоставления между этими языками, приводившиеся в литературе, сообщают этой точке зрения значительную степень вероятности¹.

«Значительная степень вероятности», о которой здесь говорится, конечно, не может заменить научного убеждения, опирающегося на твердое знание материалов живой действительности изучаемых языков. Если «большинство кавказоведов стоит на точке зрения генетического единства кавказских языков», то это обусловлено не наличием «отдельных сопоставлений между этими языками», как пишет Е. А. Бокарев, а тем обстоятельством, что «чем больше исследователи кавказских языков углубляются в их изучение, тем более возрастает число таких сопоставлений, усиливая уверенность в исконом родстве кавказских языков»².

Никто из кавказоведов, «стоящих на точке зрения генетического единства кавказских языков», не считал и не считает спорным, что «нужна еще большая работа по составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных языковых групп с тем, чтобы завершить сравнительно-историческое исследование кавказских языков и подойти к составлению сравнительно-исторической грамматики всей семьи кавказских языков в целом. Только это и смогло бы придать учению о генетическом единстве кавказских языков полную убедительность и превратило бы имеющиеся предположения в научно обоснованные утверждения»³.

Но вряд ли кто согласится с тем выводом, который делает отсюда Е. А. Бокарев: пока сравнительно-исторической грамматики не имеется, преждевременно говорить о родстве не только всех кавказских языков, но даже дагестанских языков; не имеется сравнительно-исторической грамматики дагестанских языков, значит, родство их проблематично (тем более это касается кавказской семьи языков в целом).

Языковед, непосредственно не занимающийся иберийско-кавказскими языками (например, специалист по индоевропейским, семитическим или финно-угорским языкам), конечно, вправе обуславливать свое отношение к положению о родстве иберийско-кавказских языков наличием сравнительной грамматики и сравнительного словаря исследуемых языков. У специалиста же, владеющего материалами исследуемых языков (в данном случае, иберийско-кавказских), определенное убеждение может (и должно) сложиться в процессе исследовательской работы еще до составления сравнительно-исторической грамматики: и а ч и я е т с я исследование генетических связей языков, составлением такой грамматики оно п о д ы т о ж и в а е т с я (а родство языков тем самым становится очевидным и для неспециалистов по данным языкам).

В самом деле, родство индоевропейских языков считается установленным с 1816 г., когда вышло исследование Ф. Боппа «О системе спряжения санскрита в сравнении с системой спряжения греческого, латинского, персидского и германского языков», но сравнительной грамматики индоевропейских языков еще не имелось. Первая «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» Ф. Боппа в трех томах начала выходить в 1833 г. и была закончена в 1852 г., первая же «Сравнительная грамматика славянских языков» Ф. Миклошича в четырех томах выходила с 1852 г., причем последний (четвертый) ее том появился в 1874 г.

¹ ВЯ, 1954, № 3, стр. 43—44 (разрядка наша. — А. Ч.).

² Там же, стр. 44. Ср. Арн. Ч и к о б а в а, Исследование горских кавказских языков и наши задачи, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры [АН Груз. ССР]», т. XII, Тбилиси, 1942, стр. 287.

³ ВЯ, 1954, № 3, стр. 44.

Значит ли это, что установление родства индоевропейских языков датируется 1852 г. или что родство славянских языков стало фактом науки лишь тогда, когда вышел последний том «Сравнительной грамматики славянских языков?» По Е. А. Бокареву, получается именно так: до этого ведь не было «сравнительной грамматики» означенных языков. Однако вряд ли кто из исследователей индоевропейских (или славянских) языков согласится с такими датировками и с формальным требованием составления «сравнительной грамматики» как необходимой предпосылки установления родства языков.

Родство языков может стать научно достоверным фактом в процессе исследования до составления сравнительной грамматики. И, наоборот, может случиться и так, что сравнительную грамматику составят, но родство не станет фактом, научно значимым. (Ср., например, попытку Мёллера доказать родство индоевропейских языков с семитическими¹.)

На этом не стоило бы задерживаться, если бы не одно обстоятельство: формально-механическая трактовка наличия «сравнительной грамматики» как критерия родства после языковедческой дискуссии получила определенное распространение среди части тех языковедов, которые до дискуссии, мягко говоря, отнюдь не являлись ревностными сторонниками сравнительно-исторического метода, да и после дискуссии применяют сравнительно-исторический метод весьма своеобразно, во всяком случае не так, чтобы его применение помогло восстановить подлинную историю происшедших в языке изменений или же поднять авторитет историко-сравнительного метода.

Такая формально-механическая трактовка роли сравнительно-исторического изучения языков и сравнительно-исторической грамматики, когда лишь на словах ратуют за строгость метода, не только не исключает произвольности суждений, но и свободно совмещается с ней. Так, например, как мы видели, родство дагестанских языков у Е. А. Бокарева стоит под вопросом, «дагестанские языки» остаются географическим понятием, но родство картвельских, абхазско-адыгских, вейнахских языков считается очевидным, хотя Е. А. Бокарев тут же замечает: «Однако ни по одной из этих групп мы все еще не имеем сравнительно-исторических грамматик, в которых было бы систематически и последовательно показано генетическое родство языков, входящих в указанные группы»².

Очевидность родства абхазского языка с адыгским, о которой говорит здесь Е. А. Бокарев, не мотивирована. Вопрос о родстве, например, аварского, лакского и даргинского языков остается у Е. А. Бокарева открытым, хотя эти языки ближе друг к другу и по грамматическому строю, и по лексическому составу, чем абхазский и адыгский.

В действительности родство аварского, лакского и даргинского языков, да и вообще всех дагестанских языков так же бесспорно, как и родство абхазского с адыгскими языками. Если бы Е. А. Бокареву были доступны реалии лакского и даргинского языков хотя бы в той степени, в какой ему известны факты дидойских языков, родство их также оказалось бы очевидным.

Считая очевидным родство картвельских, абхазско-адыгских, вейнахских языков и одновременно объявляя родство дагестанских языков проблематичным, нельзя ссылаться ни на имеющиеся в этих языках расхождения, ни на отсутствие сравнительно-исторической грамматики: существенные расхождения есть и среди языков абхазско-адыгской группы и среди даге-

¹ См. Н. Мёллер, *Semitisch und Indogermanisch*, Kopenhagen, 1906 [обл.: (1907)].

² ВЯ, 1954, № 3, стр. 42.

станских языков; сравнительно-исторической грамматики не имеется ни для абхазско-адыгской группы¹, ни по дагестанским языкам.

Следовательно, ссылка на необходимость составления сравнительно-исторической грамматики не может скрыть ни путаницы в понимании взаимоотношений между иберийско-кавказскими языками, ни произвольности в квалификации генетической связи языков различных групп, ни формально-механической трактовки сравнительно-исторического языковедения, наблюдаемых в статье Е. А. Бокарева.

*

Нельзя сомневаться в том, что генетическая общность объединяет каждую из следующих групп: картвельскую (или иберийскую), абхазско-адыгскую, вейнахскую и дагестанскую. Не считается спорным и то, что три последние группы (абхазско-адыгская, или западная, вейнахская и дагестанская, или восточная) являются родственными, несмотря на то, что абхазско-адыгская группа значительно отличается от вейнахской и дагестанской групп, близких друг к другу; генетическая общность северокавказских языков признана в специальной литературе.

Оспаривается родство северокавказских языков с южнокавказскими. В той или иной редакции до сих пор повторяют мнение Н. С. Трубецкого, сформулированное им еще в 1924 г. следующим образом. Кавказские языки «образуют две большие семьи: северокавказские языки и южнокавказские. Часто предполагают родство между этими семьями, но поскольку родство это далеко не очевидно и так как никогда еще не было доказано подлинно научным способом, было бы лучше употреблять термин «кавказские языки» только лишь в географическом смысле и не объединять эти две семьи в генеалогическую таблицу»².

Автор ряда исследований по северокавказским языкам Н. С. Трубецкой не занимался картвельскими языками и, повидимому, лишен был возможности иметь собственные суждения по вопросам их истории, хотя бы в той степени, в какой ему были доступны материалы северокавказских языков. К сожалению, у Н. С. Трубецкого ничего не говорится о том, что считал он «подлинно научным способом доказательства родства языков», не сказано ничего и про то, каким способом доказано родство северокавказских языков. Во всяком случае, давая в своей статье общую характеристику северокавказских языков, он ограничивается указанием на следующие черты:

1) богатство согласными, в особенности лабиализованными, так же как спирантами и аффрикатизованными латералами, неизвестными другим западнокавказским языкам;

2) в морфологии — различие активного падежа (*casus agens*: это субъект переходных глаголов) и пассивного (*casus patiens*: это субъект непереходных глаголов) и прямое дополнение переходных глаголов);

3) глагольные корни состоят из одного согласного; там же, где это правило нарушено, налицо сращение окаменелого префикса с корневым элементом;

4) много общих элементов и в словарном составе данных языков³.

И это — все! Родство же — на основании данных общих черт — признано, хотя Н. С. Трубецкой специально отмечает, что не имеется срав-

¹ Опыт сравнительной морфологии языков данной группы дан Ж. Дюмезилем.

² N. Trubetzkoy, *Langues caucasiennes septentrionales*, сб. «Les langues du monde», [под ред.] A. Meillet et M. Cohen, Paris, 1924, стр. 327. Статья о южнокавказских (картвельских) языках в этом издании написана А. Мейе.

³ См. там же, стр. 328 и сл.

нительной грамматики северокавказских языков¹. Что касается вышеперечисленных общих черт северокавказских языков, то они характерны и для южнокавказских языков: если их достаточно для обоснования родства, то южнокавказские языки, согласно Н. С. Трубецкому, следовало бы признать родственными с языками северокавказскими, чего Н. Трубецкой не делает.

В новом, втором, издании труда «Языки мира» (1952 г.) как северокавказские, так и южнокавказские языки рассматриваются в одной статье, автор которой Ж. Дюмезиль, известный исследователь кавказских языков, повторяет формулу Трубецкого в несколько измененной редакции: «Если родство всех северокавказских языков достоверно, то родство их с южнокавказскими языками является лишь вероятным»².

*

Расхождения между различными группами иберийско-кавказских языков могут поразить при первом знакомстве. Обозревая описательные грамматики таких языков, как абхазский, адыгейско-черкесский, грузинский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский, удинский, нельзя не удивляться разнообразию, которое обнаруживается в фонетической системе, морфологическом строе и лексике данных языков: казалось бы, между ними нет ничего общего.

Так, например, если общее количество фонем в грузинском языке не превышает 33, то в бацбийском одних согласных фонем не меньше 32, в аварском — 42, в абхазском — 50 (в тапантском диалекте абхазского языка число согласных достигает 80).

В вейнахских, дагестанских и картвельских языках налицо разная система склонения, в абхазском же языке склонения нет: там отсутствуют формы таких падежей, как родительный и дательный (значение родительного падежа выражается местоименными префиксами, наращиваемыми на соотносительное слово: сын *Инала* = *Инал его-сын*). Зато в абхазском глаголе находят выражение лицо и грамматический класс, а также число как субъекта, так и объекта; отношения, выражаемые падежами; значения, выражаемые обстоятельством места, времени, образа действия. Если же взять глагол лезгинского языка, в нем не найти никакого морфологического выражения ни лица, ни грамматического класса, ни числа субъекта (не говоря уж об объекте).

В адыгейском или грузинском полиперсональном глаголе обозначается лицо субъекта и объекта. Аварский же глагол не знает категории лица: глагол может изменяться по классам³, причем непереходный глагол спрягается по классам субъекта («субъектное классное спряжение»), переходный же глагол — по классам объекта («объектное классное спряжение»). Вообще категории грамматических классов ярко выражены в вейнахских и дагестанских языках, а также в абхазском языке, но их не имеется в действующей грамматической системе языков адыгских и картвельских, а из дагестанских языков — в лезгинском и удинском. Эргативная конструкция налична при переходных глаголах всех времен в дагестанских, вейнахских, адыгских языках, а также в чанском диалекте занского язы-

¹ См. Н. Troubetzkoу, указ. соч., стр. 339.

² G. Dumézil, *Langues caucasiennes*, сб. «Les langues du monde» [под. ред.] A. Meillet et M. Cohen, nouvelle éd., Paris, 1952, стр. 228.

³ Можно было сказать по «родам», но грамматические категории «рода» и «класса» существенно различаются: названия животных (или предметов) никогда не входят в первый класс («мужской род»), а только во второй и третий.

ка, в грузинском же и сванском языках эта конструкция характерна для переходных глаголов лишь в прошедшем времени (во временных образованиях второй серии).

О словарном составе иберийско-кавказских языков, казалось бы, и говорить не приходится: даже по внешней структуре они представляют собою несводимые величины: в аварском слове стечение двух согласных встречается редко, в картвельских языках (в грузинском, в большей мере — в сванском), в абхазском, адыгских языках обычно наблюдается стечение согласных, к тому же порой «совершенно немаслимо».

Отдельные общие явления мелькают и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе, но они не меняют впечатления крайнего разнообразия грамматической системы этих языков. Поэтому вполне естественно, что, когда знакомятся с иберийско-кавказскими языками по описательным грамматикам, обычно исторически первичными считают имеющиеся расхождения, что же касается общих явлений, то их рассматривают как результат контакта (сближения) различных по происхождению (и по строю!) языков¹.

Что является исторически первичным в иберийско-кавказских языках: то, что объединяет их, или же то, что разъединяет? Дифференцировалось ли исторически общее, расходясь до полного различия, или совершенно различное по началу — в процессе многовекового контакта — привело к выработке отдельных общих черт? Для научного решения данного вопроса существует один-единственный путь: проследить ретроспективно развитие данных языков и документально проверить, как выглядят отношения между языками: убывает ли общее или уменьшаются расхождения? Если иберийско-кавказские языки объединены общностью происхождения, то чем глубже проникнем в историю, тем ближе окажутся языки, и наоборот.

В результате работы, которая велась над языками картвельскими (в особенности над древнегрузинским, занским и сванским), над абхазским, адыгейским и кабардинским, над всеми вейнахскими языками и большинством языков дагестанской группы², стало возможным глубже понять грамматический строй иберийско-кавказских языков, уяснить принципы, лежащие в их основе, точно установить не только фонематический состав, но и фонетические процессы и, что существенно важно, направление этих процессов, выявить определенные звукосоответствия как внутригрупповые, так и межгрупповые. Новое освещение получил принцип, определяющий строение слова. По-новому стала пониматься эргативная конструкция, в которой находят выражение особенности и спряжения глаголов и склонения имен.

Пока еще нет историко-сравнительной грамматики иберийско-кавказских языков³, но имеется обоснованное решение узловых моментов фонетики и грамматического строя, а также корнеслова в историческом аспекте. Принципиально важными мы считаем следующие положения, добытые в процессе работы.

¹ К такому пониманию исторического взаимоотношения, видимо, склонялся впоследствии И. С. Трубецкой. Поразительная глубина лингвистического анализа, характерная для Г. Шухарда, позволила ему на основании изучения одних только письменных источников проследить ряд общих явлений в иберийско-кавказских языках там, где казалось очень мало внешних проявлений этого.

² У нас в Тбилиси исследовались 4 письменных и 11 бесписьменных дагестанских языков. Результаты опубликованы, к сожалению, лишь частично. Только теперь удается дать публикацию основных работ.

³ Разрабатывается «Введение в историко-сравнительную грамматику иберийско-кавказских языков».

В фонетике — древнее состояние системы согласных лучше сохранено в вейнахских и картвельских языках; ларингальная и фарингальная группы упростились; система палатальных, дентальных и лабиальных исторически усложнилась (о процессах, имевших здесь место, можно получить представление по диалектным данным адыгских, а также андийско-дидойских и даргинских наречий)¹. Стечение согласных, как правило, — результат выпадения гласных (под влиянием ударения). Конец слова подвергся усечению (в абхазском, картвельских, вейнахских языках) под влиянием фонетических процессов.

Именная и глагольная основы вначале не дифференцированы (глагольная основа имела именной характер). Основа в ее простейшем виде исторически односложна; состоит из согласного и детерминативного суффикса. Детерминативные суффиксы выявлены в картвельских языках, в адыгских языках, в ряде дагестанских языков (эти суффиксы в картвельских языках Н. Я. Марр выделял как суффиксы женского рода в сопоставлении с суффиксами женского рода семитических языков, причем все имена оказывались по этим суффиксам одного рода — женского).

Категория рода чужда всем иберийско-кавказским языкам; даже там, где язык морфологически различает три группы имен (мужчин, женщин и все остальное), например в аварском, налицо категории грамматических классов (I, II, III) со специфическим оценочным критерием их различения, но нет мужского и женского родов (ни одно животное или предмет не может включаться в I класс, не может быть «мужского рода»).

Одни и те же семасиологические классы различаются во всех языках: категория личности (человека) и вещи (вопрос *кто?* относится только к человеку; всем животным соответствует вопрос *что?*). Эти две основные категории исторически были характерны для всех иберийско-кавказских языков (в единственном числе), дифференцируясь порой до четырех классов (два — для человека, два — для всего остального).

Категории грамматических классов обозначались префиксами в именах существительных, в глаголах, в отглагольных именах (в числительных классные экспоненты могли суффиксировать). В таких языках, как картвельские, адыгские, где теперь м о р ф о л о г и ч е с к и не различаются категории человека и вещи², они последовательно различались, причем общими были не только морфологические категории, но и соответствующие префиксы. О б щ и е м о р ф о л о г и ч е с к о е и н в е н т а р я — классных экспонентов (*v-, b-, d-, r-*) — в дагестанских, картвельских, а также адыгских языках может быть объяснена лишь при допущении генетической общности, в противном случае система формантов этой основной грамматической категории, *наличной* и в именах, и в глаголах, не могла бы быть общей у таких языков, как андийский и древнегрузинский.

Новое понимание исторического состава именных и глагольных основ (классный экспонент + корневой согласный + детерминативный суффикс) в иберийско-кавказских языках дает возможность обнаружить исторически общие элементы в словарном составе там, где с первого взгляда нет ничего общего; широкое перспективы, открываемые таким пониманием строения основы, должны учитываться в процессе историко-сравнительного анализа означенных языков.

Префиксация, являясь ныне ведущим морфологическим принципом,

¹ Литература вопроса указана в статье К. В. Ломтатидзе «Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания» (ВЯ, 1955, № 4).

² Семасиологически категории человека и вещи в этих языках, как указано выше, различаются и поныне.

не исключает и суффиксации. Но всюду, где только можно проследить историю соответствующих образований, префиксация оказывается первичной, суффиксация — явлением позднейшим; эта формула, проверенная на фактах, становится основой при установлении релятивной хронологии конкретных фактов морфологии. В частности, суффиксация в склонении при преобладании префиксации в спряжении объясняется тем, что исторически в иберийско-кавказских языках глагол оформился раньше имени. Увеличение удельного веса суффиксации в более поздних образованиях, надо думать, происходило не без влияния иносистемных языков.

Показания исторической морфологии грузинского глагола, в котором были прослежены остатки классного спряжения, внесли ясность в понимание исторического взаимоотношения трех различных принципов спряжения, представленных в иберийско-кавказских языках: классное спряжение (в аварском языке), классно-личное (в лакском, даргинском, баббийском, абхазском языках) и личное (адыгские, картвельские языки) образуют три последовательные ступени развития классного спряжения, являющегося исходным. Классное спряжение (объектное у переходных глаголов, субъектное — у непереходных) в дальнейшем усложняется обозначением личных форм и ведет — по отпадении категории грамматических классов — к полиперсональному спряжению.

Эргативная конструкция предложения, как теперь установлено, была единственной конструкцией при переходных глаголах в тот период, когда в спряжении грузинского глагола различались аспекты, а не времена: номинативная конструкция возникла впоследствии.

Абхазский язык выражает эргативную конструкцию средствами инкорпорации (при отсутствии падежных флексий), путем своеобразного использования глагольных префиксов, по-разному инкорпорируя субъектные и объектные форманты в спряжении глагола. Эргативная конструкция одинаково характеризует все живые иберийско-кавказские языки (номинативная конструкция при переходных глаголах — явление позднейшей формации).

Эргативная конструкция внутренне связана с начальной залоговой индифференциальностью основы переходного глагола, неразличением действительного и страдательного залогов. Действительный залог формируется в переходных глаголах средствами каузатива. Страдательный залог образовался в дальнейшем из действительного. Различные ступени соответствующего процесса представлены в различных группах иберийско-кавказских языков.

Таковы основные пункты, по которым различные иберийско-кавказские языки в настоящее время сильно расходятся друг с другом, а с учетом истории соответствующих процессов обнаруживают исковую общность — не только структурную, но и материальную. Общее в них первично. Чем глубже вскрывается история, тем больше оказывается общего: историческое изучение подтверждает генетическую общность.

Конечно, различные группы иберийско-кавказских языков обнаруживают различную степень близости. Но генетическая общность всех этих групп настолько дает себя знать, что нельзя должным образом изучать научную историю какой-либо одной группы без учета данных других групп: нельзя решать основные вопросы древнейшей истории грузинского языка без учета показаний бесписьменных картвельских языков, без привлечения фактов вейнахских, дагестанских, абхазско-адыгских языков, и наоборот: нельзя правильно понять основные принципы грамматического строя языков абхазско-адыгской, вейнахской и дагестанской групп, если игнорировать данные истории картвельских языков.

*

Пояснения требует термин «иберийско-кавказские языки». Вплоть до 1948 г. нами употреблялся термин «кавказские языки»¹, причем приходилось оговаривать, что это — языки собственно кавказские, что не все языки Кавказа являются кавказскими. Условность термина «кавказские языки» (он не оправдан географически, не ясен лингвистически) давала себя знать тем сильнее, чем больше фактов выявлялось в пользу генетической общности языков — северокавказских с южнокавказскими. Дать полный перечень состава языков («картвельско-абхазско-адыгско-ивейнахско-дагестанские») в термине невозможно. Термин «иберийско-кавказские языки» значит «картвельско-кавказские языки». Почему же в термине выделено название одной группы (иберийской)?

1. Термин «иберийский» акцентирует историчность понятия «иберийско-кавказские языки» как понятия генеалогической классификации: под названием Иберии известна Восточная Грузия документально со времен Страбона (I в. до н. э.). «Греки называли иберами население страны, где говорили на этих [=картвельских] языках, и армяне называли это население Вир-к, что является тем же словом [ибер]: арм. *v* может представлять древний интервокальный *b*, а *i* — древний *es*»².

Акцентируя историческое, термин «иберийский» имеет преимущество перед термином «грузинский».

2. На иберийских (картвельских) языках говорит более $\frac{2}{3}$ всего количества лиц, говорящих на иберийско-кавказских языках (2 млн. 200 тыс. чел. из общего количества 3 млн. 200 тыс. чел.). При таком положении вещей игнорировать в наименовании наших языков термин «иберийский» было бы неверно.

3. Необходимость термина «иберийский» (в названии «иберийско-кавказские языки») подчеркивается и тем обстоятельством, что под вопрос ставят отношение именно южнокавказских (т. е. иберийских) языков к северокавказским (Трубедкой, Дюмезиль). Поскольку мы считаем научно бесспорным генетическое единство северокавказских языков с южнокавказскими, термин «иберийско-кавказские языки» выражает данное понимание более ясно, чем термин «кавказские языки»³.

Термин «иберийские языки» для нас является синонимом «картвельских языков» (и его употребление не обусловлено тем, что собою представляли древние иберийские языки Пиренейского полуострова).

Быть может, следует отметить и то, что термин «иберийские языки» как синоним «картвельских языков» мы встречаем еще у Ф. Боппа. «Грузинский язык вместе с мингрельским, сванским и лазским, — писал он в 1842 г., — образует более тесный круг языков, иберийский или грузинский (*den iberischen oder grusischen Sprachkreis*), из которого нам до сих пор был известен грамматически лишь собственно грузинский»⁴.

¹ См., например, А. Чиковава, Общее языковедение, I, Тбилиси, 1935; 2-е изд.— 1939; 3-е изд.— 1946 [не изд.— на груз. яз.].

² A. Meillet, *Langues caucasiennes méridionales*, сб. «Les langues du monde», 1924, стр. 343.

³ Отставая термин «кавказские языки», проводит иногда следующую аналогию: «...термин «индоевропейские языки» имеет в виду определенную семью языков — никто не смешивает с ними венгерский, чувашский, дагестанские или дравидские языки и все относят к ним персидский и хеттский» (С. С. Кабадзе, ВЯ, 1955, № 4, стр. 68). Аналогия эта несостоятельна: в Европе на индоевропейских языках говорит по меньшей мере $\frac{4}{5}$ населения, на Индийском полуострове $\frac{2}{3}$ населения говорит на индийских языках, на Кавказе же на «кавказских языках» говорит меньше половины (около 3 млн. 300 тыс., на других же «некавказских», — более 4 млн.).

⁴ F. В о р р. *Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes*, Berlin, 1847, стр. 3.

Термин «иверийские (= иберийские) языки» использовал для обозначения картвельских языков профессор Петербургского университета А. Цагарели: «Факт, что относительно генетической связи и в е р и й с к и х или к а р т в е л ь с к и х языков (грузинского, мингрельского, лаского и сванетского) с установленными семьями языков мнения расходятся, не подлежит сомнению»¹.

Термин «иберийские языки» был вытеснен из употребления марровским термином «яфетические языки» (вначале «яфетическими языками» у Н. Я. Марра назывались именно картвельские языки). Предметом нападок понятие и термин «иберийские языки» стали в годы господства марристов. Объявляя «нелепыми» представления о происхождении и дальнейшем развитии языка у представителей сравнительно-исторической школы младограмматиков, апологеты четырехэлементной палеонтологии Н. Я. Марра писали: «В связи с этим можно вспомнить наблюдаемые еще у нас, в советском языкознании, псевдонаучные термины: иверийский „общий язык“ проф. Чикобава, „прародина армян“ проф. Капанцян, „славянская общность“ проф. Кузнецова, теория угро-финского... „контакта“ проф. Бубриха...»².

В настоящее время один из авторов, участвовавших в дискуссии, произвольно приписал мне мысль, будто кавказские языки произошли от языка-основы картвельских языков³. Преемственность в охаивании термина («иберийские языки») здесь, возможно, не только логическая, но и историческая.

*

Каково отношение иберийско-кавказских языков к другим семьям языков? Изолированная ли это группа или же генетически они связаны с другими языками, и если — да, то с какими? Таков второй основной вопрос, с естественной необходимостью встающий в связи с историей иберийско-кавказских языков. Вопрос этот не новый, ставился он не раз и решался по-разному.

Иберийско-кавказские языки издревле находились в контакте с индоевропейскими, семитическими языками, позднее с алтайскими. Вполне естественно исследователи обращались именно к этим языкам. Акад. М. Броссе считал грузинский язык индоевропейским (1834). Один из основателей сравнительного языкознания Ф. Бопп посвятил специальное исследование обоснованию родства иберийских языков с индоевропейскими, в частности с санскритом⁴. В 1855 г. английский филолог М. Мюллер высказывался за отдаленное родство кавказских языков с алтайскими (тюрко-татарскими) языками. Н. Я. Марр пытался доказать родство картвельских (а затем и всех кавказских) языков с семитическими языками, но в дальнейшем сам отказался от таких попыток. Все эти теории

¹ А. Цагарели, Мингрельские этюды, вып. II — Опыт фонетики мингрельского языка, СПб., 1880, стр. 1. См. его же: «Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков» (СПб., 1872, литогр. изд.) и «О грамматической литературе грузинского языка» (СПб., 1873).

² В. К. Никольский в Н. Ф. Яковлев, Основные положения материалистического учения Н. Я. Марра о языке, ИФ, 1949, № 1, стр. 278.

³ «... положение, как будто вытекающее из терминов „хетско-иберийские“ и „иберийско-кавказские“ языки» (С. С. Какабадзе, указ. соч., стр. 69). Впрочем автор не дает себе труда доказать, каким образом это вытекает. Из термина «иберийско-кавказские языки» так же не вытекает, что все эти языки произошли от картвельских, как из термина «индоевропейские языки» не вытекает, что они произошли из индийских.

⁴ См. Ф. В о р р, указ. соч.

ныне представляют лишь исторический интерес: никто их уже не защищает¹.

Иначе стоит вопрос о генетической связи иберийско-кавказских языков с древними, ныне мертвыми языками Передней Азии. Объективному положению вещей, на наш взгляд, отвечает мнение, согласно которому иберийско-кавказские языки исторически связаны с указанными языками, которые не являются ни индоевропейскими, ни семитическими, ни алтайскими: таковыми призваны протохеттский (т. е. собственно хеттский), урартский, хурритский, эламский. Живые неиндоевропейские, несемитические языки современного Кавказа и древние неиндоевропейские, несемитические языки Передней Азии естественно включать в один круг родственных языков, которые могут называться по-разному (например, алародийскими, азиано-кавказскими) и которые мы считали возможным обозначать термином «хеттско-иберийские языки» (точнее: «прото хеттско-урартско-иберийско-кавказские», если бы такой термин был возможен). При этом мы оговаривали те трудности, которые возникают при исследовании исторических взаимоотношений живых языков (Кавказа) с мертвыми языками (Передней Азии и Средиземноморья).

«Эти языки изучены далеко не достаточно. Они ныне не употребляются. Материал по этим языкам, которым располагают исследователи, скуден. Расшифровка писем клинописных (и тем более иероглифических) наталкивается на большие трудности: нелегко установить, как произносилось написанное и что оно значило в точности; как отмечают специалисты: идеограммы понятны, но неизвестно, как звучало соответствующее слово; клинопись же читается относительно легко, но значение понять в точности не удается...

Пережиток языков этого круга мы имеем в современных иберийско-кавказских языках, которые тоже не являются ни индоевропейскими, ни семитическими, ни алтайскими. Этим объясняется исключительный интерес к изучению живых иберийско-кавказских языков, в которых думают обрести ключ к разгадке древних мертвых языков Передней Азии.

Следует, однако, отметить, что попытки сближения с иберийско-кавказскими языками азиатических языков (Хюзинг, Борк, Тромбетти, Вайднер, Форрер, Контево и др.) пока что лишены, к сожалению, должного методического обоснования, поскольку привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в наличной системе родственных языков².

Таким образом, здесь разделяется мнение о генетической связи древних языков Передней Азии (неиндоевропейских, несемитических) с такими же (неиндоевропейскими, несемитическими) языками Кавказа, причем мнение это рассматривается как гипотеза, требующая обоснования, отмечается, в чем трудность обоснования данной гипотезы, и указывается, чего не достает наличным попыткам сближения с иберийско-кавказскими языками азиатических языков.

Как видно, нами должным образом учитывается большая разница, которая существует между положением о генетической общности иберийско-кавказских языков и положением о генетической общности хеттско-иберийских языков. Научная актуальность проблемы (и, соответственно,

¹ Однако, не принимая этих теорий, никто из ученых не считал научно недопустимой, «дезорентирующей» постановку вопроса о родственных связях иберийско-кавказских языков с языками других семей.

² А. С. Чикобава, Введение в языковедение, ч. I, М., 1952, стр. 226—227.

необходимость обоснования данного гипотетического положения) признает-ся нами бесспорной и в других наших работах.

Резко отрицательны высказывания Е. А. Бокарева о проблеме возможной связи иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии. По мнению Е. А. Бокарева, «утверждение о существовании хеттско-иберийской языковой семьи лишено какого бы то ни было реального обоснования, не может быть проверено научными методами, а потому и не может выдвигаться в настоящее время даже как рабочая гипотеза»; оказывается, что это «чисто декларативное утверждение, не вытекающее из фактического материала»; что «наличие подобных априорных утверждений о существовании хеттско-иберийской языковой семьи и постановка задач, не соответствующих уровню изучения кавказских языков, не может положительно влиять на дальнейшее развитие советского кавказоведения»; оказывается, наконец, что «постановка вопроса об исторической общности хеттско-иберийских языков дезориентирует специалистов по кавказским языкам, отвлекает их от очередных насущных задач, имеющих решающее значение для развития современного кавказоведения»¹.

Таким образом, согласно категорическим утверждениям Е. А. Бокарева, изучать взаимоотношения этих языков и невозможно фактически и вообще недопустимо. Словом, не только положение о родственной хеттско-иберийской (т. е. протохеттско-кавказской) семье неприемлемо, — сама постановка вопроса о генетической связи означенных языков не научна и по сути дела вредна («дезориентирует специалистов по кавказским языкам»²). Не заниматься указанной проблемой, а отбросить ее как несоместимую с советским кавказоведением — таково заключение Е. А. Бокарева.

Согласиться с этим мнением Е. А. Бокарева нельзя: проблема связи древних неиндоевропейских и несемитических языков Передней Азии с иберийско-кавказскими языками — проблема научная, притом большей актуальности. Проблему эту можно решать и нужно решать, сосредоточив усилия на том, как сделать, чтобы решение было научно обоснованным, убедительным. Если советские кавказоведы устроятся от решения этого вопроса, он из-за этого не будет снят, разработка его будет продолжаться, но уже без нашего участия.

Проблема эта поставлена отнюдь не тбилискими специалистами, не кавказоведами и даже не языковедами, а ориенталистами, специалистами по истории древней Передней Азии. Прошло около 70 лет с тех пор, как ориенталист Ф. Гоммель выдвинул положение об алародийской семье языков; в эту семью он включал древние языки Передней Азии и Средиземноморья и генетически связывал с ними кавказские языки, в которых он видел живых представителей алародийской семьи. С тех пор не один ориенталист ставил вопросы об отношении упомянутых древних языков к кавказским.

К кавказским языкам ориенталисты обратились не потому, что хотели обоить молчанием связи этих древних языков с языками семитическими, индоевропейскими, а по той простой причине, что с индоевропейскими и семитическими языками эти языки не увязывались, индоевропейские и семитические языки не помогали ориенталистам в расшифровке мертвых языков. Исследователи обратились к живым кавказским языкам.

¹ ВЯ, 1954, № 3, стр. 53.

² Поскольку термин «хеттско-иберийские языки» употребляется тбилискими кавказоведами, подумается, что эта гипотеза — дело тбилиских специалистов. Ср. высказывания С. С. Какабадзе (указ. соч., стр. 66—67). Но, конечно, это не так.

надеясь в них найти ключ к разгадке письменных памятников мертвых языков.

«Язык урартийский, — писал лет 50 назад известный исследователь осетинского языка профессор Московского университета В. Ф. Миллер, — еще Франсуа Ленорман и Сейс сближали с языками кавказскими, главным образом иверийской группы. Гоммель находит в нем большое родство с языками северокавказскими, чем заикавказскими, и указывает на его родство также с языком митани... Вообще открытие и дешифровка ванских надписей, язык которых обнаружил в своем строении сходство с языками кавказскими, всего раньше обратило внимание европейских ученых на кавказское языкознание и внушило им мысль о возможности найти на Кавказе ключ к открытию генетических отношений древних переднеазиатских и особенно малоазиатских языков, не принадлежащих ни семитской, ни арийской семье»¹.

«Нет сомнения, — читаем далее в той же статье, — что некоторые из кавказских народностей представляют собой потомков древних переселенцев с юга, из Малой Азии, искавших себе убежище в кавказских горах, и потому нет ничего невероятного в том, что в языке древнего Ванского царства оказываются сходства с языками картвельской семьи, а в этрусском языке, по преданию, родственном с лидийским, могут найтись аналогии с языками Дагестана.

В обзоре несемитских народностей передней Азии нам остается еще коснуться древнего населения Элама (или Сузианы)...

Ассириолог Гоммель еще в 1884 г. высказал предположение о его (эламского языка. — А. Ч.) родстве с южнокавказскими языками, особенно с грузинским. К такому же мнению склонился в 1896 г. Гейнрих Винклер и, повидимому, это мнение разделяется Гюзингом и Гофманом Кучке. В одном частном письме ко мне последний указывает на родство эламского с цахурским наречием Дагестана. Можно надеяться, что дальнейшие исследования точнее выяснят этот вопрос, как и вообще отношение кавказских языков к древним вымершим переднеазиатским»².

Как видно из приведенных мест, «априорные», «чисто декларативные» (по терминологии Е. А. Бокарева) утверждения о генетической связи древних языков Передней Азии с иберийско-кавказскими высказывались В. Ф. Миллером полвека тому назад, задолго до тбилисских специалистов, в частности они были высказаны за тридцать лет до появления статьи И. А. Джавахишвили, опубликованной в 1937 г., — статьи, на которую указывает С. Какабадзе³.

Характерно и такое место в статье В. Ф. Миллера: «Царь Тиглатпилесар I подчинил страну Кумух, но должен был охранять ее от вторжений новых хеттских племен — мусков, вслед за которыми туда же продвигаются из Малой Армении другие орды — каску и табаль. Ассирийцы причисляют их также к хаттийцам, почему следует предположить, что эти племена находились в тесных отношениях с властителями страны Хатти. Ассирийским царям удалось отразить от пределов государства напор и этих хаттийских народов. Остатки племени мусков в VIII веке и позже живут в восточной части Малой Азии (Малой Армении, Понте), а имя их сохранилось доселе в названии месхов, народа картвельского (грузинского) племени, живущего в Ахалцхском уезде

¹ В. Ф. Миллер, *Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии Передней Азии*, «Этнограф. обозрение», 1906, № 3—4, стр. 8.

² Там же, стр. 13—14.

³ Кстати, те же мысли И. А. Джавахишвили высказывал еще в своей «Истории грузинского народа» (изд. I, Тифлис, 1913 [на груз. яз.]).

Тифлисской губернии. Что касается табалов (табаль), то название это сохранилось в Тибаренах классических писателей, а племя каску цекоторые ученые склонны отождествлять с кавказскими колхами»¹.

Гоммель, пишет В. Ф. Миллер, «...обозначая все несемитские народности, которые другие ученые условно называют хаттийскими, термином „алло-родичицы“...», выставляет гипотезу, что вся огромная полоса народов, простирающаяся от Кавказа через Армению, горную Мидию к Эламу, принадлежала одной лингвистической семье, представители которой сохранились в современных „кавказских“ языках (картвельских, лезгинских).

Будущие успехи в кавказоведении и в изучении древних культурных языков Передней Азии могут и не подтвердить этой гипотезы в целом, но несомненно уяснят многие вопросы древней этнографии Азии и откроют новые перспективы во взаимные отношения лингвистических семей нашего материка»².

Это писал В. Ф. Миллер в 1906 г. С тех пор многое изменилось: в архиве Богаз-кея был обнаружен такой индоевропейский язык, как неситский, обычно называемый хеттским. Ряд других языков древней Передней Азии (лувийский, лидийский, карийский...) многие ориенталисты склонны считать также индоевропейскими. Однако и теперь никто не считает индоевропейскими языки протохеттский³ (хаттский), хурритский, урартский. Вопрос о генетических связях этих языков с иберийско-кавказскими в науке стоит попрежнему: его никто не снимал. Попрежнему ориенталисты, в связи с анализом текстов мертвых неиндоевропейских, несемитических языков, апеллируют к живым иберийско-кавказским языкам.

Показательно в этом отношении исследование венгерским ученым Ю. Месарошем убыхского языка, незначительного по распространению языка абхазско-адыгской группы, представленного ныне лишь в Анатолии. Этому языку посвящена большая монография (402 стр.). Ю. Месароша с обстоятельным изложением вопросов фонетики и морфологии, а также лексики убыхского языка. Работа вышла в 1934 г.

К исследованию убыхского языка Ю. Месароша привели его занятия протохеттским языком: «В процессе моих аналитических и сравнительных исследований, — пишет Месарош, — которые я вел в области переднеазиатских протонисторических языков, мое внимание было направлено особенно на один до сих пор неразъясненный язык древнего хеттского государства (Chatti-Reich), который по клинописным источникам из Богаз-Кея называется „хаттским“ („chattisch“) и в научной литературе некоторыми исследователями называется „протохаттским“. Этот загадочный язык, характеризующийся богатством префиксных элементов, по своему грамматическому строю противостоит другим известным языкам хеттского государства»⁴.

Чтобы «вникнуть в древний хаттский язык, культуру и историю», Месарош взялся за изучение живой убыхской речи. К какому же он пришел выводу?

«Если сравнить вымирающий ныне убыхский язык с древнеанатолийским хаттским языком (Chatti-Sprache), получим заслуживающие внимания доказательства теснейшей генетической связи обоих языков. В особенности грамматический строй обоих языков так близок (а ныне

¹ В. Ф. Миллер, указ. соч., стр. 9—10.

² Там же, стр. 15.

³ См., например, E. H. Sturtevant and E. A. Hahn, A comparative grammar of the little language, vol. I, rev. ed., New Haven — London, 1951, стр. 4.

⁴ J. von Mészáros, Die Päkhy-Sprache, Chicago, 1934, стр. 4.

общепризнано, что грамматический строй — основа родства языков), что вряд ли можно сомневаться в теснейшей связи обоих языков.

Исконный древний хаттский язык был распространен во втором тысячелетии до н. э. в пределах того государства, которым владели хеттские великие цари. Хаттский язык, очевидно, принадлежал древнейшему из известных нам теперь этническому слою. Древнейшую родину убыхского языка, следовательно, можно искать в этой области¹.

Далее Ю. Месарош указывает на близость не только грамматического строя, но и всей системы обоих языков и, что особенно важно, — на идентичность формантов («грамматических элементов»):

«... Дело идет не только о сходстве отдельных элементов языка, сходство простирается на всю систему языка.

Таковы: детерминация имен при помощи префиксов и суффиксов, элементы отдаления, как местоимения, средства выражения элементов склонения при помощи суффиксов, латентные формы множественного числа, элементы предложения (объект, обстоятельство, атрибут...), префигурованные или инфигурованные в глаголе, образование переходных глаголов при помощи префиксов, предикативные элементы в сочетании с именами, именной характер [основы] глагола. Эти соответствия обнаруживаются не только в определенных органических уподоблениях, но также и в морфологическом тождестве...»².

Затем следует перечень сопоставляемых родственных грамматических элементов, как они установлены в большинстве своем в двуязычных хаттских текстах, где «значение отдельных грамматических форм установлено на основе одновременных (синхронных) и буквальных хеттских переводов; сопоставляются: детерминативы (-r, -m), форманты имен (-l, -ol, -ls, lā-, -x, -n-ε), местоименные элементы (всего семь элементов), одно числительное (zε), один союз (ma «и»), более тридцати глагольных элементов (формантов) и около двадцати корней (именных, глагольных)³ «Такие явления, — пишет Ю. Месарош, — ... говорят о прямом родстве о б о и х я з ы к о в. Несмотря на прошедшие тысячелетия, основные грамматические элементы обоих языков обнаруживают поразительные соответствия»⁴.

Как видим, Ю. Месарош выдвигает положение о родстве протохеттского языка с убыхским языком в категорической форме и обосновывает это свое положение изученными протохеттскими текстами и большой монографией об убыхском языке: реалии обоих сравниваемых языков ему доступны, причем материалами убыхского языка он владеет лучше, чем кто-либо другой (с такой полнотой убыхский язык изучен впервые).

Правильно ли положение о родстве протохеттского языка с убыхским, выдвигаемое Месарошем? Чтобы ответить на это, надо проверить сравнимые материалы (насколько они точны фактически, насколько правильно анализированы) и, следовательно, изучить соответствующие языки, учесть все аналогичные попытки, привлечь к сравнению, помимо убыхского языка, и другие иберийско-кавказские языки, в первую очередь абхазский и адыгские языки, ближайше родственные убыхскому.

Словом, чтобы иметь свое суждение, надо изучать эти языки, сравнивать их. Но кто же возьмется за это, если сама постановка вопроса о генетической связи протохеттского языка с убыхским (или другими иберийско-кавказскими языками) будет объявлена ненаучной, будет квалифицирована «дезорентирующей» специалистом по кавказским языкам?

¹ J. von Mészáros, указ. соч., стр. 5.

² См. там же, стр. 27—28.

³ См. там же, стр. 28—31, 32—33.

⁴ Там же, стр. 28.

Не то же ли самое происходило в советском языкознании, когда вообще историко-сравнительное языкознание было объявлено Н. Я. Марром и его последователями «буржуазной компаративистикой»? От этого историко-сравнительное языкознание не перестало быть научным, мы же, советские языковеды, в деле историко-сравнительного изучения языков порядком-таки отстали.

В подтверждение своего положения о генетической общности протохеттского с убухским Ю. Месарош ссылается и на данные археологии¹. Интересны его соображения о некоторых древних народах, в частности о м у ш к а х. «После распада великого хеттского государства (Chatti-Reich) могущественный народ, наследовавший великим хеттским народам, у ассирийцев от времен Тиглат-пилесара I до Саргона II (1200—700 до н. э.) называется *Мушки*. Недавно расшифрованные хеттские иероглифы упоминают о них под именем *Миска*... В греческих надписях Лидии название этого народа выступает в форме *Мосхос*, *Мосхбс*, *Мосхион*, *Мосхиамос*»². После персидских походов, когда старые государственные образования были разрушены, «остатки многих народов двинулись в разных направлениях. Столетие спустя (в VI в. до н. э.) мосхов мы находим далеко от их прежней южной родины на севере, на берегу Черного моря, где они упоминаются у Гекатея и Геродота среди к о л х с к и х народов»³. Мосхи, таким образом, рассматриваются Ю. Месарошем как один из колхских, а не индоевропейских народов.

Быть может, после появления труда Месароша обнаружались новые обстоятельства, быть может, теперь протохеттский, хурритский, урартский языки определяются как индоевропейские и, следовательно, уже невозможно ставить вопрос о генетической общности означенных древних языков с иберийско-кавказскими языками?

Такой вопрос вполне уместен, если учесть, что за последние 20 лет усилилась критика воззрений медитерранистов, все настойчивее выдвигаются положения о том, что далеко не всюду в Средиземноморье и Передней Азии следует предполагать наличие неиндоевропейского субстрата, что индоевропейскими являются такие языки, как палайский, лидийский, ликийский, что догреческое население Балканского полуострова говорило на индоевропейском же языке, что вырисовывается группа древних «балкано-азиатических индоевропейских языков» (В. Георгиев).

Исключается ли тем самым постановка вопроса о генетической общности каких бы то ни было древних языков Передней Азии с иберийско-кавказскими языками? Не исключается. Даже с точки зрения принципиальных противников медитерранизма протохеттский, хурритский, урартский не могут быть отнесены к индоевропейским языкам; попрежнему стоит вопрос об их взаимоотношении с кавказскими языками; без сомнения, существует неиндоевропейский субстрат в восточной части Малой Азии, где индоевропейский хеттский соприкасался с реликтовыми неиндоевропейскими языками. Таковы положения, которые выдвигал в 1949 г. в специальной статье один из принципиальных противников медитерранизма известный болгарский языковед акад. В. Георгиев, призывавший к сотрудничеству с кавказоведами для решения вопросов, связанных с изучением древних балкано-азиатических языков⁴.

¹ См. там же, стр. 6—7.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 7—8 (разрядка наша.— А. Ч.).

⁴ V. G e o r g i e v, État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques, «Archiv Orientalní», vol. XVII, pars I, 1949.

Быть может, после лингвистической дискуссии 1950 г. этот вопрос, выдвинутый в науке 70 лет тому назад, оказался научно не актуальным и, как потерявший значение, должен быть снят? В 1952 г. Издательство иностранной литературы выпустило перевод книги И. Фридриха «Краткая грамматика хеттского языка», изданной в 1940 г. (перевод с немецкого со вступ. статьей А. В. Десницкой под ред. В. В. Струве).

Во вступительной статье между прочим, рассматривается вопрос о взаимоотношении хеттского (индоевропейского) языка с хаттским (протохеттским). Здесь читаем: «...Собственно „хеттским“ (или „хаттским“) языком исторически являлся не тот язык, за которым закрепила это название сложившаяся научная традиция, а неиндоевропейский язык древнейшего населения страны Хатти, от которого сохранились немногочисленные и до сих пор еще слабо изученные памятники... Для обозначения же языка древних хаттов используются термины „хаттский“ или „протохаттский“ язык. В лингвистическом отношении „протохаттский“ язык обнаруживает своеобразную структуру, напоминающую структуру языков Кавказа...»

Изучение „протохаттского“ языка представляет значительные трудности и сравнительно мало продвинулось вперед. В языкознании уже не раз выдвигалось предположение о возможности существования генетического родства между этим древним языком и языками Кавказа. Такое предположение является исторически весьма вероятным. Но для того чтобы оно превратилось в твердо установленное научное положение, конечно, недостаточно внешнего сопоставления типов грамматического строения, а необходимо тщательное и углубленное сравнительно-историческое исследование на основе конкретных лингвистических фактов. Это может быть достигнуто лишь тогда, когда изучением этой проблемы непосредственно займется специалист по иберийско-кавказским языкам¹.

А. В. Десницкая здесь ничего не говорит о хурритском, урартском и других языках Передней Азии: это вызвано темой. Но сказанное о протохаттском языке имеет отношение и к этим языкам. Что это так, можно судить по ее статье, с которой она выступила в том же году на страницах журнала «Вопросы языкознания».

«В настоящее время, — писала А. В. Десницкая в указанной статье, — наряду с древними семитическими языками (аккадским, ассирийским, финикийским) реально засвидетельствован ряд действительно неиндоевропейских и несемитических древних языков Передней Азии — шумерский, эламский, близко родственные друг другу хурритский и урартский, а также язык древнейшего населения Малой Азии — хаттский, или „протохаттский“. Все эти языки благодаря наличию письменных памятников могут быть предметом конкретного лингвистического изучения. Вопрос о генетических связях этих древних языков с индоевропейскими и семитическими уже решен отрицательно. Что касается сравнительно-исторического изучения их связей между собой, а также с языками иберийско-кавказской группы, то эта проблема несомненно стоит в порядке дня. В этом отношении применение сравнительно-исторического метода может дать самые положительные результаты. Особенный интерес представляет,

¹ А. В. Десницкая, О хеттском языке [вступ. статья в кн.: И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952], стр. 8—9 (разрядка наша — А. Ч.).

как нам кажется, сопоставление данных протохаттского языка с фактами кавказских языков. Весьма вероятно, что своеобразный грамматический строй протохаттского, с характерной для него префиксацией при глаголе, а также, повидимому, префиксацией так называемых классных показателей, может быть глубже понят, если конкретным исследованием его займутся в первую очередь специалисты по кавказским языкам¹.

Касаясь вопроса о том, что словарный состав неситского (т. е. индоевропейского хеттского) «...содержит в себе много таких слов, которые явно не имеют индоевропейских этимологий и, видимо, были заимствованы из неиндоевропейских языков Малой Азии» (хаттского и хурритского), А. В. Десницкая пишет: «Неиндоевропейские элементы в словаре составе хеттского языка изучены очень слабо. Большое значение в этом изучении может иметь привлечение материалов и берийско-кавказских языков. Вообще для плодотворного исследования древних малоазийских языков, как индоевропейских, так и неиндоевропейских, координация работы кавказоведов со специалистами в области сравнительной грамматики индоевропейских языков является одним из необходимых условий»². (О необходимости такой координации писал еще в 1949 г. В. Георгиев в цитированной нами статье.)

Так обстояло дело до дискуссии по данному вопросу на страницах журнала «Вопросы языкознания». Приведенные выдержки с достаточной наглядностью показывают, что этот вопрос — не праздная затея тбилисских кавказоведов, он имеет большую историю и научно весьма актуален.

Что сказали специалисты по древним или кавказским языкам во время дискуссии? Считают ли они, что данный вопрос ненаучный, что его «поставка дезориентирует специалистов по кавказским языкам»? Нет, не считают; научную правомерность вопроса признают; связи тех или иных древних языков с иберийско-кавказскими не отрицают, но оспаривают (И. М. Дьяконов, И. М. Дунаевская) положение о том, что можно говорить о семье хеттско-иберийских языков³.

И. М. Дунаевская подчеркивает связь хаттского (протохеттского) с иберийско-кавказскими языками, но отмечает, что хаттский (протохеттский) язык не является родственным хурритскому и урартскому, а поскольку «хаттский среди языков Малой и Передней Азии стоит особняком, то вряд ли имеются какие-либо основания говорить о хеттско-иберийской семье языков»⁴.

Автор, следовательно, исходит из положения, что о семье языков нельзя говорить, если, с одной стороны, имеется группа языков (кавказские языки), а с другой стороны — лишь один язык (хаттский). Такое толкование необходимого состава семьи языков нельзя не признать произвольным (ср., например, «угро-финские языки»), но оно понадобилось автору, иначе пришлось бы признать наличие семьи: ведь И. М. Дунаевская связи хаттского языка с кавказскими отнюдь не отрицает.

В этом отношении наиболее характерны следующие ее утверждения: «Сказанного выше вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что хаттский язык является языком неиндоевропейским. Вполне возможно, что в Ма-

¹ А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительной грамматики индоевропейских языков, ВЯ, 1952, № 4, стр. 43 (разрядка наша. — А. Ч.).

² Там же, стр. 53 (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Термин «хеттско-иберийские языки» оспаривается и другими участниками дискуссии.

⁴ И. М. Дунаевская, О характере и связях языков древней Малой Азии, ВЯ, 1954, № 6, стр. 78.

лой Азии существовали и другие языки, близкие к хаттскому, но они не засвидетельствованы письменными памятниками¹.

«Хаттский язык, несомненно, оказал (как субстрат, или как адстрат, или как то и другое) глубочайшее воздействие на неситский, лувийский, а может быть, и на другие языки древней Малой Азии. Не только множество культурных терминов, но вообще более половины неситских слов надо считать хаттскими по происхождению»².

«Основа глагола в хаттском содержит два согласных. Глагольная система имеет, повидимому, большое сходство с грузинской. Различается субъектное и субъектно-объектное спряжение... Часть префиксов..., вероятно, может быть связана с аналогичными грузинскими префиксами; другие префиксы аналогий в грузинском не имеют... Имеется ли связь между хаттским и грузинским в области лексики, пока сказать трудно»³.

«Возражая против объединения кавказских и индоевропейских (? — А. Ч.) языков древней Малой Азии по генетическому признаку, следует всячески подчеркивать необходимость сравнительного изучения лексики кавказских языков и количественно преобладающей в древнеанатолийских языках неиндоевропейской лексики. Последняя, весьма вероятно, восходит в известной части если не к индоевропейскому, то все-таки к общему (возможно, хаттскому или даже дохаттскому) источнику, установление которого очень важно для решения этногенетических проблем и проблем кавказского языкознания»⁴.

В этих высказываниях И. М. Дунаевской очень интересной представляется характеристика лексики протохеттского языка. Спорным следует считать утверждение об отсутствии генетической связи урартского и хурритского с протохеттским: расхождение между этими языками специалисту по иберийско-кавказским языкам не кажется большим, чем расхождение между такими двумя иберийско-кавказскими языками, как абхазский и лезгинский, родство которых общепризнано (абхазско-адыгские и дагестанские языки включаются в семью северокавказских языков). О толковании понятия состава семьи сказано выше.

Вызывает возражения сопоставление протохеттского материала (глагольных формантов) с грузинским: здесь суждениям И. М. Дунаевской не достаёт исторической перспективы в части, касающейся грузинского языка (образчик сравнения без учета истории сравниваемого).

Непонятно, почему И. М. Дунаевская находит нужным возражать «против объединения кавказских и индоевропейских языков древней Малой Азии по генетическому признаку»: ведь кавказские языки с и н д о е в р о п е й с к и м и языками древней Малой Азии мы и не объединяем, наоборот, всюду подчеркиваем, что вопрос может ставиться о связи неиндоевропейских языков.

И. М. Дьяконов считает важной и интересной задачей изучение взаимоотношения между древними и иберийско-кавказскими языками. Он пишет: «Вся масса исторического, археологического, этнографического и антропологического материала указывает на г е н е т и ч е с к и е связи большинства современных народов Ближнего Востока, в особенности народов Закавказья, с народами Древнего Востока»⁵. Несомненно.

¹ И. М. Дунаевская, указ. соч., стр. 77.

² Там же (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ О связях по линии материальной культуры см. А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1954, стр. 96.

что выявление тех или иных связей лингвистического характера между несемитскими и неиндоевропейскими языками Древнего Востока, с одной стороны, и кавказскими языками, с другой, представляет важную и интересную задачу¹.

Это бесспорно; упомянутый вопрос о генетической связи касается не только живых иберийско-кавказских языков, но и таких мертвых, как албанский язык (точнее: албанские языки), имевший в древности распространение на территории современного Азербайджана, а также тот неиндоевропейский язык, из скрещения которого с индоевропейским образовался древнеармянский язык, язык индоевропейский.

Работа по выявлению неиндоевропейских (иберийско-кавказских, урартских, хурритских, протохеттских и т. д.) элементов в армянском языке, проводимая ныне проф. Г. А. Калацяном, исторически правомерна и по результатам ценна (как это было нами отмечено в свое время), несмотря на спорность толкования отдельных языковых фактов. Аналогичная работа в плане выявления албанского субстрата в современном азербайджанском языке, языке алтайской (тюркской) группы, так же оправдана, как выявление неиндоевропейского материала в индоевропейском армянском языке. К сожалению, изучение албанизмов в азербайджанском языке (дело весьма трудное) пока не ведется ни специалистами по алтайским (тюркским) языкам, ни специалистами по иберийско-кавказским языкам.

Существенно важные вопросы родства языков вообще и трудности его прослеживания затронуты И. М. Дьяконовым (в связи с вопросом о различных общественных формациях), однако соответствующим его высказываниям недостает ясности². В частности, невозможно согласиться со словами автора: «Если учесть историческую сторону дела, то станет ясно, что даже трудно ожидать образования в древней Передней Азии больших, широко распространенных языковых семей с четкими генеалогическими соотношениями»³.

«Резкое различие в грамматическом строе, в частности, между хаттским и хуррито-урартской группой», подчеркиваемое И. М. Дьяконовым⁴, находит аналогию в соотношении живых иберийско-кавказских языков (абхазский — лезгинский!) и само по себе не может предпринять вопроса о родстве: требует учет истории (см. выше стр. 72 и сл.).

Наличие эргативной конструкции и в хурритском, и в урартском — факт существенно важный, в особенности если учесть, что соответствующие форманты — хуррит. *š*, урарт. *še* — материально идентичны с формантом эргатива в вейнахских языках, а также в аварском⁵. Значение этого факта трудно переоценить: в эргативной конструкции находят выражение особенности спряжения (переходного глагола) и склонения имен. Вряд ли специалисты по индоевропейским языкам при определении их взаимоотношений с каким-либо новым языком оставили бы без внимания эргативную конструкцию, если бы она имела в латинском и древнегреческом.

И. М. Дьяконов пишет: «...хаттский язык... все же являет, повидимому, известные черты схождения с иберо-картвельскими и, возможно, с абхазо-

¹ И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, ВЯ, 1954, № 5, стр. 63—64.

² См. там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 62 (разрядка наша. — А. Ч.).

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Это отмечено, в частности, П. Я. Брауном и Г. А. Климовым в специальном докладе «Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков», прочитанном на V (XI) научной сессии Ин-та языкознания АН Груз. ССР в июне 1954 г. [см. «Научная работа и тезисы докладов», (Тбилиси, 1954, стр. 49)].

черкесскими языками»¹, но тут же оговаривает: «На этом основании, если бы родство хаттского с указанными языками подтвердилось, его можно было бы включить прямо в число кавказских, но это не дает повода для постулирования особой „хетто-иберийской семьи“»². Родственные языки образуют семью (или ветвь семьи). Почему в данном случае это невозможно?

Признав важной и интересной задачей «выявление тех или иных связей лингвистического характера между несемитскими и неиндоевропейским языками Древнего Востока, с одной стороны, и кавказскими языками, с другой», — И. М. Дьяконов оговаривает: «Но тем не менее нам кажется бесспорным вывод, что при существующем уровне развития науки положение о единстве всех этих языков носит априорно декларативный характер»³. Далее следует: «И уже во всяком случае, рано давать название „кругу“ или семье, языков, само единство которых весьма и весьма сомнительно. Это — опять-таки предвосхищение результата исследования»⁴.

Итак: проблема не только не дезориентирующая, но важная и интересная. Может даже родство обнаружиться, но при существующем уровне знаний о единстве всех этих языков⁵ говорить нельзя — это носило бы априорно-декларативный характер. Уместно спросить: разве семьдесят лет назад, когда Ф. Гоммель говорил об алародийских языках, лучше, чем теперь, были изучены древние языки или кавказские языки, единство которых признан был обозначить данный термин? Каким же образом Гоммель говорил о единстве алародийских языков? Почему положение об их единстве не носило априорно-декларативного характера?

В 1864 г. П. Услар писал о единстве кавказских языков: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитическому, кушитскому... и урало-алтайскому должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков *кавказских*, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты»⁶. Но в 1864 г., когда писались эти строки, П. Усларом были исследованы лишь абхазский, чеченский и аварский языки. Следовательно, положение о единстве кавказских языков при существовавшем тогда уровне знаний, согласно И. М. Дьяконову, носило априорно-декларативный характер. Давать название гипотетической семье, как замечает И. М. Дьяконов, рано: это было бы предвосхищением результатов исследования». Но разве бывает гипотеза, которая не предвосхищала бы результатов?

В оценке самой постановки вопроса И. М. Дьяконов определенно расходится с Е. А. Бокаревым («важная», «интересная» задача — по И. М. Дьяконову; «дезориентирующая» — по Е. А. Бокареву), однако выводы он стремится получить те же, — последовательность от того не выигрывает.

Как известно, имеются серьезные попытки выявления генетических связей между протохеттским и убыхским, между урартским и картвельскими, вейнахскими и дагестанскими языками: в них связь прослежи-

¹ ВЯ, 1954, № 5, стр. 47.

² Там же, сноска 11 (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, сноска 55.

⁵ Речь, разумеется, идет не о всех языках.

⁶ П. К. Услар, Этнография Кавказа. Языкознание, II, Тифлис, 1888, стр. 35.

ваются не на материале отдельных слов, а по ряду грамматических фактов. Проф. Г. В. Церетели в специальном, подробно аргументированном докладе «К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской семье языков»¹ показал, что многие особенности спряжения урартского глагола могут быть поняты лишь при учете принципов спряжения иберийско-кавказских языков. Сдержанный в обобщениях докладчик концентрировал внимание на анализе конкретного материала.

Убедителен ли этот анализ? И если нет, почему? Ответа нет. И. М. Дьяконов ни об этом докладе, ни о других попытках анализа конкретного материала ничего не говорит. Не утруждает себя их разбором и Е. А. Бокарев². Оценка же «априорный», «чисто декларативный» используется без каких-либо ограничений. Не показывает ли это, что сама оценка носит а п р и о р н ы й характер?

Несмотря на подобный характер оценки, даваемой И. М. Дьяконовым положению о генетической связи древних языков с иберийско-кавказскими, саму постановку вопроса И. М. Дьяконов отнюдь не отклоняет; наоборот, вопрос признан важным. В этом существенное отличие установок И. М. Дьяконова, а также И. М. Дунаевской от установок Е. А. Бокарева по данному вопросу.

Наиболее интересна дискуссионная статья В. Георгиева, автора оригинальной (балкано-азиатической) концепции, базирующейся на большой исследовательской работе. Отклоняя медитерранистские установки, В. Георгиев обосновывает новое понимание лингвистических и этнических проблем древней Малой Азии и Балканского полуострова, где он предполагает наличие древнейших индоевропейских языков. Основы данной концепции, естественно, усиливают критическое отношение к вопросу об удельном весе индоевропейских языков в бассейне Средиземного моря и в Передней Азии. Поэтому воззрения В. Георгиева по спорному вопросу являются особенно ценными.

В северной части Средиземноморья В. Георгиев выделяет три отдельные языковые зоны, существовавшие еще в глубокой древности: 1) п и р е н е й с к и е языки (баскский, иберийский, тартесский); 2) ю ж н о и н д о е в р о п е й с к и е языки (догреческие, ликийский, лидийский, трояно-этрусский, карийский, хеттский, лувийский, палайский и иероглифический «хеттский» как языки коренного древнего населения Эгейской области и западной Малой Азии); 3) к а в к а з с к и е языки: х а т т с к и й, х у р р и т с к и й и у р а р т с к и й. «Хаттский был языком основного древнего населения восточной, точнее северо-восточной Малой Азии», — пишет он³.

Таким образом, генетическая общность хаттского (т. е. протохеттского), хурритского и урартского для В. Георгиева не является спорной. «Х а т т с к и й язык, — по его мнению, — без всякого сомнения, родствен кавказским языкам. Характерная черта хаттского языка — префиксация как средство словоизменения — встречается как раз в этих языках, а хаттское слово *washab* „бог“ явно родственно адыгейскому (черкесскому) *washo* „бог“...»

¹ Доклад был прочитан в Москве на расширенном заседании Ученого совета Ин-та языковедения АН СССР в июне 1953 г. (см. ВЯ, 1953, № 5, стр. 116).

² Е. А. Бокарев пишет, что Г. В. Церетели «поставил вопрос о генетических связях урартского языка с кавказскими, привел некоторый материал в подтверждение своей мысли...» (ВЯ, 1954, № 3, стр. 46; рядка ваша. — А. Ч.), но что это за материал и как он анализирован — об этом не говорится ни слова.

³ В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 71.

Урартский и хурритский также можно считать родственными современным кавказским языкам. Важной задачей для кавказоведов является подробное изучение этих языков, а также и вышеупомянутого хаттского, в целях более точного установления их родственных отношений¹.

В. Георгиев считает задачей кавказоведов и «проверку наличия кавказских элементов в этрусском языке»². Далее он пишет о том, что важной задачей кавказоведения является исследование хаттско-кавказского субстрата в хеттском языке³.

«А. С. Чиковава, — замечает В. Георгиев, — вполне обоснованно оспаривает обычно употребляемое название „хеттский“ для обозначения индоевропейского языка. Без сомнения, „хаттский“ является названием неиндоевропейского языка, а „хеттский“ представляет позднейшую (еврейскую) форму того же названия. Но название „хеттский“ уже стало господствующим для обозначения именно индоевропейского языка из северо-восточной Малой Азии, точное название которого нам, к сожалению, неизвестно»⁴.

По существу термин «хеттский» нам представлялся подходящим для обозначения именно неиндоевропейского языка: не существует никаких оснований научного порядка, в силу которых «протехеттский» (т. е. первохеттский, древнехеттский) нельзя называть «хеттским», а другой язык и у него называть хеттским. Поэтому мы следовали тем авторам, которые для индоевропейского хеттского пользуются термином «неситский»: называют же «лувийским» (а не хеттским) другой индоевропейский язык Хеттского государства.

В то же время во избежание недоразумений целесообразно неиндоевропейский хеттский называть «протехеттским», а не «хаттским» (термины «хеттский» и «хаттский» трудно различимы).

Справедливо замечание В. Георгиева по поводу формулировки: «неситский и лувийский по морфологии сближаются с индоевропейскими...»⁵. Формулировка здесь неточная: неситский, несмотря на наличие в нем неиндоевропейских элементов, в тексте учебника фигурирует среди индоевропейских языков⁶.

Медитерранизм не является необходимой предпосылкой генетической общности протехеттско-кавказских языков, как они нам представляются: их родство можно защищать, отвергая медитерранизм⁷ (пример тому — воззрения В. Георгиева). Однако вопрос о связях баскского языка с иберийско-кавказскими, на наш взгляд, безусловно имеет положительное решение (на чем здесь невозможно останавливаться). Мысль о необходимости координирования работы по разработке обсуждаемой проблемы, о чем В. Георгиев говорил еще в 1949 г., следует приветствовать.

¹ В. Георгиев, указ. соч., стр. 70 (разрядка наша. — А. Ч.).

² Там же, стр. 56.

³ См. там же, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 69—70.

⁵ См. там же, стр. 67.

⁶ См. А. С. Чиковава, Введение в языковедение, ч. I, М., 1952, стр. 214.

⁷ Так, совершенно фантастичны у проф. И. Карста произвольные сопоставления по внешнему созвучию несводимых фактов древних и новых, в том числе иберийско-кавказских языков. Например, этнические термины *Suani*, *Sabini* и *Suomi* [картельское племя *сааны*, др.-итал. *сабини* и *суоми* (финны) «от моря и до моря!» «устанавливаются» друг с другом. См. J. K a r s t, *Origines mediterraneae* Heidelberg, 1931, стр. 373. Тот же автор употребляет термин «иберио-кавказский», «ибериийским» обозначает ирландских иберов (но отнюдь не картвелов). Критика воззрений И. Карста нами будет дана отдельно.

Несколько слов о статье С. С. Какабадзе, повторяющей негативные установки Е. А. Бокарева, разбор которых дан выше. Обоснования этих негативных установок С. С. Какабадзе также не дает. Не имеется в статье и конкретного языкового материала по иберийско-кавказским или по древним языкам. Новым является своеобразное освещение истории вопроса, который якобы был выдвинут лишь в 1937 г. тбилискими специалистами. Фактическая несостоятельность этого утверждения ясна из обзора истории вопроса, представленного выше.

Много места в статье уделено полемике с грузинскими историками (например, о взаимоотношении терминов «Иберия» и «Спер»). Но от того или иного решения данного вопроса не зависят ни понятия, ни термины иберийско-кавказского языкознания. Что же касается собственно исторической стороны вопроса (и разногласий с историками) — это не раз служило предметом обсуждения (в последний раз — широкого обсуждения в конце 1954 г.) специалистов по истории, которые, видимо, не разделяют мнений С. С. Какабадзе (иначе С. С. Какабадзе на них сослался бы).

Таким образом, дискуссия показала, что вопрос о генетической общности древних неиндоевропейских языков Передней Азии с иберийско-кавказскими научно актуален. Гипотеза о родственных связях этих языков, как их ни называть, все равно, требует обоснования. Задача эта исключительно сложна. Нам не раз приходилось указывать на то, что она должна решаться с научной убедительностью.

Приходится преодолевать трудности двойного рода: одни — фактические (они связаны с установлением фактов мертвых языков), другие — методологического порядка: это — трудности, связанные со сравнительным анализом живых языков с мертвыми.

В процессе дискуссии вопрос этот остался вне поля зрения. Он требует специального рассмотрения. Ошибки, допущенные в прошлом при сравнении древних мертвых языков с живыми языками Кавказа, будучи проанализированы надлежащим образом, могут привести к ценным выводам методологического порядка. К этому в дальнейшем придется вернуться заинтересованным специалистам, конечно, при условии, что проблема не будет дискредитирована и снята как «дезорентирующая». Защите данной проблемы как проблемы большой научной актуальности поэтому, естественно, нами уделялось основное внимание.

В заключение можно сказать:

1. Генетическое единство иберийско-кавказских языков научно обосновано в результате уже проведенной работы по изучению всех четырех групп данных языков.

Опубликование имеющихся результатов и сводных историко-сравнительных работ, которое уже производится, сделает осязательным факт генетического единства и для специалистов по другим языкам.

2. В термине «иберийско-кавказские языки», в нашем понимании, «иберийские», — синоним «картвельских» (с древними пиренейскими «иберами» он не связан). В термине «иберийско-кавказские языки» акцентируется положительное решение вопроса о связи так называемых «северокавказских» языков с южнокавказскими, связи, которая часто считается спорной.!

3. Вопрос о генетических взаимоотношениях живых иберийско-кавказских языков с древними неиндоевропейскими, несемитическими языками Передней Азии (урартским, хурритским, протохеттским, адамским) возник по меньшей мере семьдесят лет назад.

4. Научная актуальность вопроса бесспорна: об этом свидетельствуют

как высказывания старых авторов, так и новейшие работы советских и зарубежных специалистов.

5. Несовместима с интересами развития советского кавказоведения мнение Е. А. Бокарева, будто постановка вопроса об исторической общности древних неиндоевропейских и несемитических языков Передней Азии и иберийско-кавказских языков «дезориентирует специалистов по кавказским языкам».

Кавказоведов не может дезориентировать задача, для научного решения которой требуется всестороннее (и описательное, и историко-сравнительное) изучение иберийско-кавказских языков. Отказ от работы над этим научно-актуальным вопросом может повести лишь к тому, что советская наука будет лишена возможности иметь свою позицию по данному вопросу и, следовательно, будет отставать (так же, как отстало советское историко-сравнительное языкознание в годы господства марксизма из-за того, что историко-сравнительный метод был объявлен «буржуазной компаративистикой»).

6. С иберийско-кавказскими языками могут быть увязываемы лишь неиндоевропейские и несемитические древние языки Передней Азии. Это не обусловлено медитерранистской установкой: за общность этих языков могут стоять как сторонники, так и противники медитерранизма.

7. Из неиндоевропейских и несемитических древних языков в первую очередь речь здесь может идти о протохеттском, хурритском, урартском (далее об эламском и, по новейшим данным, — шумерском). Вопрос о связи баскского с иберийско-кавказскими языками имеет положительное решение.

8. Для большей ясности эти древние языки целесообразно обозначать термином «протохеттско-урартские» или, сокращенно, «протохеттские», а более широкий круг языков соответственно — «протохеттско-иберийские» (в значении «протохеттско-иберийско-кавказские»).

9. Индоевропейский неситский (или хеттский) язык нами сюда, конечно, не относился и не относится.

10. Из вопросов, которые в первую очередь должны быть поставлены, следует особо выделить вопрос о специфике историко-сравнительного анализа при изучении генетических взаимоотношений живых языков с мертвыми.

Естественно это сделать сначала на материале сравнения урартского с вейнахскими и дагестанскими языками, далее протохеттского с абхазско-адыгскими языками.

11. При изучении иберийско-кавказских языков возникает много вопросов, как конкретно-исторических, так и общелингвистических, которые требуют широкого обсуждения специалистами (т. е. лицами, владеющими материалами).

Несравненно больше таких вопросов возникает в связи с изучением древних мертвых языков. Нужно со всей остротой ставить реальные, научно значимые вопросы, а не уходить от их постановки и решения.

12. Самое главное — позитивная исследовательская работа, без которой никакие дискуссии вперед не поведут. Плодотворная работа в данной области, как справедливо указывали В. Георгиев и другие специалисты, настоятельно требует объединения усилий кавказоведов, индоевропеистов, ориенталистов, а также привлечения историков, археологов, этнографов, чтобы должным образом учесть собственно исторический, археологический, этнографический аспекты проблемы.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ ДАГЕСТАНА

Зачатки письменности, существовавшие до Великой Октябрьской социалистической революции у некоторых из дагестанских народов, не могли создать сколько-нибудь заметной литературной традиции. Литературные языки народов Дагестана как младописьменные языки советской эпохи стали формироваться на основе тех диалектов, которые определялись в процессе развития как ведущие. Нормализация этих литературных языков представляет собой выявление особенностей общенародного употребления. У русских существует выражение, касающееся погрешностей против языковой нормы: «на литературном языке так не говорят»; у дагестанцев в таком случае употребительно другое выражение: «в народе так не говорят». Иначе говоря, у русских языковые нормы опираются на сложившиеся традиции литературного языка, а у дагестанцев, при отсутствии сложившихся литературных традиций, они непосредственно вытекают из фактов общенародного употребления. Литературный язык младописьменных народов в советскую эпоху характеризуется тем, что он возникает как орудие общения, всецело связанное с задачами социалистического преобразования и культурного подъема широких народных масс.

В Дагестане в качестве «официального языка письменности» в течение долгого времени употреблялся арабский язык, остававшийся чуждым народам Дагестана. На нем велась официально-канцелярская переписка, на нем был написан шариат — свод мусульманских религиозно-бытовых, уголовных и гражданских законов, основанных на догмах корана, он же был языком религии. Эти функции арабского языка породили, как необходимое следствие, его употребление и в литературе.

Литература Дагестана возникла и развивалась как идеологическая база укрепления основ ислама и шариата, а впоследствии и мюридизма. Иногда говорят о том, что арабы в Дагестане развивали не только религиозную литературу, но и светскую. Но это не совсем так. Средневековая, схоластическая в своей сущности, дагестанская арабистика главным образом занималась объяснением и толкованием основ ислама и арабского права. Это требовало хорошего знания арабского языка и, следовательно, необходимости изучения каких-то элементов филологической науки. Встречались и трактаты по математике, необходимые для решения вопросов, касающихся наследственного права, трактаты по астрономии, которая помогала вычислять точное время молитв и постов¹. Встречались здесь также поэтические и прозаические произведения арабских авторов. Впоследствии стали появляться и оригинальные произведения на арабском языке, большей частью мемуарного характера, освещавшие исторические события в Дагестане.

Проникновение арабского языка в Дагестан в XVI—XIX вв. совпадает с периодом развития захватнической политики Ирана и Турции, с одной стороны, и России, с другой. Если передовые люди Дагестана, не скрывая своей симпатии к России, искали в ней поддержки против воцелений таких деспотических, отсталых государств, как Иран и Турция, то реакционное духовенство, распространяя арабскую религиозно-мистическую, аскетическую литературу, боролось против влияния передовой русской культуры.

Совершенно понятно, что, в связи с вовлечением Дагестана в сферу капиталистического развития после присоединения к России, арабский «официальный язык письменности» должен был оказаться отнесенным русским языком. Однако арабский язык,

¹ См. И. Ю. Крачковский, «Арабская литература на Северном Кавказе», ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 4, стр. 18.

всаждавшийся в течение столетий, стал настолько употребительным в официальной письменности, что русские власти временно вынуждены были признать за ним роль официально-канцелярского языка.

П. К. Услар, занимавшийся не только научным исследованием языков, но и вопросами распространения грамотности среди горцев, правильно оценивал тлетворное влияние арабского языка на горцев. «Арабский язык,— писал он,— объединяет собою все враждебные нам элементы в Дагестане... Длинный ряд детских и юношеских годов проводят они в мусульманской школе, — гнездилище мрачного изуверства, — где по методу, придуманной с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на исповитном для них языке читать коран...»¹

П. К. Услар почти для всех кавказских языков, которые он исследовал, в том числе и для дагестанских, составил специальные алфавиты на основе русской графики.

Инициатива П. К. Услара вначале получила некоторую поддержку. Открывались пробные школы для обучения на родных языках, в некоторых местах обучали представителей местного мелкого чиновничества, чтобы перевести делопроизводство с арабского на местные языки. Составлялись и выпускались азбуки, книги для чтения, сборники фольклорных произведений и т. д.

Если бы письменность, созданная П. К. Усларом, в свое время распространилась, это, несомненно, оказало бы прогрессивное влияние на дагестанские языки, хотя бы даже тем, что на них стали бы печатать и светскую литературу познавательного характера. Но усларовские алфавиты вследствие противодействия мусульманского реакционного духовенства не привились и поэтому в развитии литературных языков Дагестана не сыграли почти никакой роли.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала возможности для расцвета национальных культур и литературных языков народов Дагестана. Письменность кумыков, лакцев, аварцев, даргинцев, лезгин, которая до революции находилась в зачаточном состоянии, начала интенсивно развиваться, что в свою очередь способствовало развитию их литературных языков. Носители этих языков еще в досоветскую эпоху представляли собой народности. Многие же близко родственные между собой племенные группы, такие, как цезы (дидойцы), андийцы, бектиятицы, бутлихцы, годоберинцы, гуниухцы, гузибицы, тиндины, багулалы, чамаланы, ахвахцы, хваршаны, каратинцы (относящиеся к аваро-андо-цезской подгруппе), а также табасаранцы, агулы, цахуры, рутульцы (входящие в состав лезгинской подгруппы), не успели пройти этого пути развития.

Младоязычные языки Дагестана сохранили и в настоящее время весьма заметные следы былого племенного деления. Одни из них делятся на множество мелких и крупных наречий и говоров, которые отличаются друг от друга очень резко, другие же успели до некоторой степени инвентироваться и уменьшить число диалектов. В доревольционном Дагестане в высокогорной части продолжали еще сохраняться племенные диалекты и названные выше «самостоятельные» языки, в то время как в среднем и плоскостном Дагестане стали появляться территориальные диалекты, на основе инвентировки племенных диалектов. Эти территориальные диалекты продолжали развиваться, концентрируя и поглощая окружающие их мелкие говоры и вместе с тем углубляя свои специфические особенности.

Современные литературные языки Дагестана различны по уровню развития, а в какой-то, хотя и небольшой степени — и по времени возникновения письменности. Каждый из них имеет свои специфические особенности. Приведем данные по отдельным дагестанским языкам.

Значительная диалектная раздробленность аварского языка вызвала к жизни своеобразную устную общеварскую норму, известную под названием «болмац», т. е. общественный язык. Болмац, возникший на основе северных диалектов аварского языка, издавна используется аварцами для общения с представителями иных диалектов этого языка. Задолго до революции на болмаце стали издаваться многочисленные произведения религиозного характера, которые определенным образом воздействовали на последующее развитие аварского литературного языка. На этом языке после Октябрьской революции появились и первые произведения молодой аварской художественной литературы. Существование у аварцев языка междиалектного общения во многом облегчило процесс формирования и развития аварского литературного языка.

С аварским языком, как говорилось выше, тесно связана родственная с ним группа андо-цезских языков. В разные этапы исторического развития связь эта выражалась по-разному. В настоящее время все взрослые андо-цезы являются фактически двуязычными. В ряду с родным языком, на котором они говорят дома, в семье, каждый пародель цез, тиндинец, андиец повседневно пользуется аварским языком на собраниях, при

¹ П. У [с л а р], "О распространении грамотности между горцами, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, [год.] IV, Тифлис, 1870, стр. 4.

встрече с жителем другого селения. На аварском языке он читает книги, газеты, пишет письма, поет песни. На аварском же языке идет и преподавание в школе до пятого класса. С пятого класса оно ведется на русском языке, как и во всех дагестанских сельских школах. Таким образом, аварский литературный язык стал средством приобщения к социалистической культуре тринадцати мелких племенных групп¹.

Не было особых трудностей в вопросе о выборе диалектной базы и для лакского литературного языка. В основу его естественно лег кумухский диалект, вокруг которого концентрировались все остальные диалекты лакского языка (селение Кумух, которое в исторических источниках часто именуется городом, представляло собой крупный торговый центр не только для лаков, но и для других окружающих дагестанских и недагестанских народов).

Гораздо сложнее проходил процесс формирования даргинского литературного языка. Даргинский язык представляет собой совокупность довольно большого числа диалектов, во многих отношениях сильно отличающихся друг от друга². Концентрация даргинских диалектов происходила по таким относительно крупным основным центрам, как Акуша, Урахи, Пудахар, при весьма слабых связях между носителями этих диалектов. Среди указанных центров лишь до некоторой степени выделялся Акуша, диалект которого в конечном счете и лег в основу даргинского литературного языка.

Кумыкская плоскость — территория распространения кумыкского языка, — так же как и другие плоскостные части Дагестана, в которых русское управление, подкрепленное вооруженными силами, утвердилось прочно, в период Кавказской войны подверглось очень незначительному влиянию мюридизма и поэтому весь длительный период, когда в горах не существовал имамат, кумыки жили сравнительно спокойно, занимаясь своими мирными делами, развивая свою культуру.

По всей вероятности, здесь письменность возникла и развивалась раньше, чем в других районах; стали появляться литературные произведения, которые были непосредственным продолжением сильно развитого у кумыков устного поэтического творчества. С первых же дней существования кумыкской литературы преобладающее значение приобрел северный, или аксайский, диалект; он и лег в основу кумыкского литературного языка.

Сравнительно легким оказался процесс создания лезгинского литературного языка. Диалектные различия в лезгинском языке незначительны и так называемый гюлейский говор, говор кюринского предгорья, довольно рано определялся как основа литературного языка.

По-разному решался вопрос о литературном языке у близко родственных лезгинам табасаранцев, рутульцев, цахурцев и агулов.

На табасаранском языке письменность была введена в 1932 г. До этого у табасаранцев письменности не было и преподавание в школах шло на азербайджанском языке. Отсутствие литературной традиции и диалектная раздробленность табасаранского языка осложнили его развитие. Многие вопросы в табасаранском литературном языке еще не нашли своего окончательного разрешения. Но тем не менее и молодой табасаранский литературный язык успешно развивается в условиях социалистического строительства и культурной революции.

Рутульцы, цахурцы и агулы, языки которых относятся к лезгинской группе, не имели своей письменности и преподавание в рутульских и цахурских школах шло на азербайджанском языке, а у агулов — на лезгинском. В 1953 г. все три народности отказались от азербайджанского и лезгинского языков и выразили желание обучать своих детей на русском. Таким образом, с 1954—1955 учебного года обучение в названных выше школах началось на русском языке.

Языковой вопрос стал одним из центральных вопросов политической борьбы в многонациональном Дагестане сразу же после революции. На одном из первых заседаний Временного исполнительного комитета, организованного после Февральской революции из представителей помещичье-буржуазно-идеологических верхов Дагестана, куда входили и представители социалистических групп, стоял вопрос о языке преподавания в Дагестане. Группа, возглавляемая крупным помещиком И. Годинским и во главе которой стоял М. Дибировым, настаивала на том, что языком преподавания во всем Дагестане должен быть турецкий язык; мало того, они открыто делали ставку на Турцию. Группа, во главе которой стоял Ибрагим Кадиев, требовала введения арабского языка. Революционер Махач Дахадаев в нескольких своих выступлениях пытался доказать

¹ См. об этом также Е. А. Бокарев, Краткие сведения о языках Дагестана, Махач-Кала, 1949, стр. 19.

² См. Ш. Г. Гаприндашвили, К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка, «III (IX) научная сессия Ин-та языковедения [АН Груз. ССР]... Плен работы и тезисы докладов», Тбилиси, 1952.

преимущества ориентации на русский язык, необходимость введения в начальной школе родных языков, а со старших классов и русского. Таким образом, сразу же после Февральской революции определились основные враждебные группировки вокруг языкового вопроса. После Великой Октябрьской социалистической революции в истории дагестанских языков наступает новый этап развития, коренным образом отличающийся от всех предыдущих. В результате победы ленинско-сталинской национальной политики как необходимого условия для развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры прежде всего был поднят вопрос о разработке письменности для ранее бесписьменных народностей, о создании у них литературных языков. Следовательно, наличие письменности и литературного языка — это первое условие, без которого немислимо социалистическое строительство. В речи на I съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. И. В. Сталин говорил: «Советская власть знает, что темнота — первый враг народа. Поэтому необходимо создать побольше школ и органы управления на местных языках».

Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины темноты и невежества, куда их бросила старая Россия¹.

Вот почему в Дагестане, так же как в других республиках Советского Союза, сейчас же после утверждения Советской власти на местах, наряду с другими основными вопросами укрепления и развития социалистического строя, так остро встал вопрос о письменности на родных языках. В прошлом зачатки письменности, основанной на арабской графике, у некоторых дагестанских народов уже были. Эта письменность первое время использовалась для наиболее распространенных языков, а на некоторых из них стали выходить газеты.

В 1928 г. в республике возникло массовое движение против арабского алфавита. Движение было вызвано недостатками арабской письменности. Арабский алфавит, не имевший гласных букв, являлся большим препятствием в деле нормализации произносительной системы языков. Огромная масса заимствуемых интернационализмов, советизмов и русизмов подвергалась двойному искажению: с одной стороны, в зависимости от фонетических особенностей каждого языка, а с другой — из-за неписемности арабского алфавита.

Развитие письменности на языках Дагестана встретило ожесточенное сопротивление со стороны буржуазных националистов и пантюркистов. В журнале «Маариф елы» и газете «Дагъыстан фукларысы», издававшихся в Дагестане в 20-х годах, печатались статьи, авторы которых высказывали «преимущества» турецкого языка над русским, стремились принизить роль дагестанских языков.

Однако аварцы, даргинцы и все другие народы Дагестана, вступив на путь социалистического строительства, использовали именно родные языки, а также помощь великого русского языка, который являлся и является средством приобщения дагестанских народов к достижениям науки и техники, к опыту борьбы за социализм. Дагестанские литературные языки в 1928 г. получили латинизированную письменность.

Пантюркисты пытались проводить свои взгляды и в области лексико-терминологической. Данный этап развития литературных языков характеризовался попытками засорения последних чуждыми дагестанским народностям арабо-тюркскими и персидскими словами. Подобная лексика шла в ущерб советизмам, русизмам; в совершенном забвении оставались потенциальные возможности для образования новых слов, расширения значений слов уже существовавших. Эти устремления в сторону арабо-персо-турецкой лексики были чужды широкому народным массам, которые стояли за развитие родного языка, за максимальное использование его внутренних ресурсов и обогащение за счет заимствований из русского языка.

В 1938 г. письменность дагестанских языков была переведена на новый алфавит, основанный на русской графике. Десятилетний опыт вскрыл недостатки латинизированного письма, которое препятствовало сближению народов Дагестана с русской культурой. Переход на новый, русский, алфавит является величайшим событием в истории развития литературных языков Дагестана, которое способствовало мощному подъему национальных культур в условиях бурного роста социалистического строительства на местах.

В настоящее время для развития дагестанских литературных языков особ о важное значение приобретают вопросы, связанные с обогащением их словарного состава. Расширение общественных функций литературных языков ведет к пополнению словаря новыми словами путем использования внутренних ресурсов самих языков, а также путем заимствования из других языков.

И. В. Сталин указывает, что «словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...»². При

¹ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 396.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 24.

этом И. В. Сталин, характеризуя изменения, происшедшие в словарном составе русского языка за советскую эпоху, отмечает, что он «...пополнился значительным количеством новых слов и выражений... изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов»¹.

Низкий уровень культурного развития дагестанских народов до Октябрьской революции соответственно определял и низкий уровень развития словарного состава их языков. Поэтому обогащение лексики дагестанских языков в советскую эпоху происходит особенно интенсивно. Таким образом, те процессы изменений в словарном составе русского языка, о которых говорит И. В. Сталин, в дагестанских языках происходят в несравненно больших масштабах; при этом одним из основных источников обогащения словарного состава дагестанских и других языков Советского Союза, как известно, явился великий русский язык.

Какие же категории слов отмирают в дагестанских языках? Отмирает лексика, связанная со старой культурой, со старым способом производства, со старой религиозной идеологией; отмирают также старые административно-управленческие слова и т. д. Например, из аварского языка исчезли такие слова, как *бевеца* и *старшина*, употреблявшиеся в одном и том же значении «старшина», *гелел* «глашатай», *мугуби* «старик», которые выбирались в аулах для решения общественных вопросов, *наэру* (араб.) «безвозмездное дарение», *сакьлу* (араб.) «вакуф», *мугагиллае* (араб.) «учащаясь при мечети», *цигеур* «младший учащийся». Из даргинского языка выпали слова *мангули* «чауш», *барруман* «сельский исполнитель при старшине», *нузрат* «прош»; отмирают также слова, обозначающие части кустарного ткацкого станка, *сохи*. Слова с аналогичным значением выпадают и из других дагестанских языков. При этом они исчезают не сразу: существуя в течение многих веков в словарном составе дагестанских языков, эти слова после Октябрьской революции сначала стали архаизмами, а затем постепенно стали отмирать.

Находили свое отражение в лексике дагестанских языков и отдельные этапы в развитии советского строительства. Так, например, в 20-х годах во всех дагестанских языках появились такие русские слова, как *кредком*, *культсанитурм*, *культхозод* и т. д. Однако вскоре из активной части лексики они перешли в пассивную и теперь употребляются лишь в исторической литературе.

Весьма широкие возможности пополнения словаря обнаруживаются в ресурсах самих дагестанских языков. Однако надо сказать, что эти ресурсы в каждом языке представлены по-разному, своеобразно как в качественном, так и в количественном отношении. Анад. В. В. Виноградов, характеризуя способы образования новых слов, пишет, что «если они создаются из материальных ресурсов данного языка, определяются уже внутренними законами развития языка»².

Наиболее распространенным способом обогащения словарного состава дагестанских языков является заимствование корней слов, сочетающихся с аффиксами заимствующего языка. Примером могут служить такие аварские слова, как *колхозчи* «колхозник», *складчи* «складом», *электриклагибизе* «электрифицировать», *коллективлагибизе* «коллективизировать», *ремонт лагибизе* «ремонтировать» (*ремонт* + глагол *лагибизе* «делать»). В лезгинском языке им соответствуют слова *колхозник*, *засклад* или *складчик*, *электрикстолуа цалла бан*, *колхозру дан* (буквально: «колхозы делать»), *ремонт дан* (буквально: «ремонт делать»); в лезгинском языке — *колхозчи* или *колхозник*, *складчи* или *засклад*, *электриклагимшун* или *электрифициростун* («электрифицировать» + вспомогательный глагол *аеун* «делать»), *коллективлагимшун* или *колхоз аеун* (*колхоз* + вспомогательный глагол *аеун* «делать»), *ремонт аеун*; в даргинском — *колхозник*, *засклад* (суффикс *чи* в даргинском языке малопродуктивен), *электрифициростун барес*, *коллективизиростун барес* или *колхоз барес* («барес «делать»); в кумыкском — *колхозчу*, *складчи*, *электриклагидирмакъ*, *коллективлагидирмакъ*, *ремонт стмакъ*.

Широкое распространение в дагестанских языках получило оформление заимствованных относительных прилагательных при помощи особых суффиксов, например в кумыкском языке: *амурлу партизанлар* «амурские партизаны». В аварском языке множеству прилагательных образуется посредством *-аб*, присоединяемого к родительному падежу имен существительных: *колхозвалла улаб*, *шуровсанааб* и т. д.

Значительный вклад в языки делается путем расширения значений исконных слов. Например, слово *товарищ* во всех дагестанских языках имело свое местное соответствие, оно употреблялось только по отношению к близкому человеку, теперь же значение его расширилось, так же как и в русском языке. В лезгинском языке, как свидетельствует М. М. Гаджиев, слово *юдаш* за последние годы стало употребляться как синоним слова *сунру* (или *сунруа*).

Широко распространено в языках калькирование русских слов и словосочетаний;

¹ Там же, стр. 6.

² В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951, стр. 15.

например, в значении русского слова «международный» в аварском языке употребляется *халкъалда гьоркъосеб*, в кумыкском — *халкъара*; слово «предисловие» в кумыкском языке передается посредством *башеъа (баш «голова, начало» + сев «слово»)*, в даргинском — *гьалагъай (гьала «вперед» + гъай «слово»)*, в лезгинском — *сифтегаф (сифте «начало» + гаф «слово»)*, в аварском — *цеберагъи (цебе «вперед» + рагъи «слово»)* и т. д.

Следует отметить, что борьба со злоупотреблением в использовании арабо-турецкой и персидской лексики в Дагестане велась неорганизованно. Поскольку не было систематической работы над составлением терминологических словарей, нельзя было говорить и о кодификации терминов. Игнорирование терминологической работы привело к большому разнообразию в употреблении заимствованных слов и терминов не только в различных дагестанских языках, но и внутри каждого из них. В таком же положении и орфографическое оформление терминов. Нельзя было ограничиться установлением принципов отбора слов. Нужно было установить грамматические и орфографические нормы заимствованных слов. Чтобы показать существующий разброд в терминологии, приведем несколько примеров, взятых из одного номера газеты «Дагестанская правда» (от 20 октября 1951 г.), выходящей на русском, даргинском, лезгинском, кумыкском и аварском языках.

Одна из заметок в русском номере газеты названа «Памятники древнего зодчества»; на кумыкский язык заголовков переведен следующим образом: *Бырынгы кьуручюкьну памятниклери*, на лезгинский — *Архитектурадин кьуеъе памятникар*, на даргинский — *Жьаламанала зодчествола памятникуни*, на аварский — *Цереосеъа архитекторлаъа памятникала*. На наш взгляд, наиболее удачен перевод на лезгинский язык, так как переводчик вместо термина «зодчество» взял общераспространенный термин «архитектура», а у аварского переводчика получилось «памятники прошлых архитекторов».

Чрезмерное увлечение созданием новых терминов средствами родного языка нередко приводит к курьезам. Так, термин *птицеводческая ферма* на лезгинский, кумыкский и даргинский языки переведен правильно, так как в них имеются слова, выражающие общее понятие «птица». В аварском же языке нет слова с таким обобщенным значением. Поэтому переводчик создал термин *гъандиъхъангъагъагъу ферма*, что значит в буквальном переводе на русский язык «воробьеводецкая ферма», переводчик, повидимому, надеялся, что у читателя возникнет представление о домашних птицах. Но этого, конечно, не получилось. Для выражения понятия «домашняя птица» у аварцев преимущественно употребляется сочетание *гъанку-лъелего* (что буквально означает «курица-петух»), которым в данном случае и следовало бы воспользоваться.

Русское выражение *дворец культуры* на кумыкском, даргинском и лезгинском языках принято как термин. Аварский же переводчик, чтобы передать понятие «дворец», воскресил архаизм *къалгъа*. Но понятие, связанное с этим словом, давно отжило свой век, а термин *дворец* с несколькими новыми значениями проник из русского языка уже в советскую эпоху и распространился во всех языках Дагестана, в то время как аварское слово *къалгъа* почти забыто и новое содержание, вложенное в него, не доходит до читателя.

Аналогичных примеров из дагестанской печати можно привести очень много. Язык печати пестрит смысловыми искажениями, ошибками, малоизвестными, устаревшими словами. Все это свидетельствует о том, что терминология дагестанских языков очень неустойчива, переводчики совершенно недостаточно используют внутренние ресурсы своего языка. Литературные языки Дагестана не упорядочены, что снижает в значительной степени эффективность их влияния на массы.

Разработка норм литературных языков должна прежде всего опираться на грамматический строй, основной словарный фонд и словарный состав того диалекта, вокруг которого концентрируются другие диалекты и говоры. Однако в процессе обогащения словарного состава не следует игнорировать словарное богатство и других диалектов.

В условиях развития современных дагестанских литературных языков особо важное значение имеет унификация терминов. При этом возникает вопрос, проводить ли общую унификацию с единой установкой для всех литературных языков Дагестана или же выработать для каждого из них свои особые термины. То или иное решение этого вопроса определенным образом будет влиять на дальнейшее развитие языков, поэтому выбор должен быть всесторонне обдуманным.

На наш взгляд, наиболее приемлемым является первый вариант: унифицировать терминологию по всем литературным языкам Дагестана. Однако при этом не должны быть ущемлены внутренние ресурсы отдельных языков, которые в ряде случаев могут быть использованы очень удачно.

Переводчик русской литературы имеет дело с многообразной системой синтаксических форм и конструкций. Если соответствующих оборотов в дагестанских языках нет, они создаются заново. Таким образом, специфические обороты и конструкции русского языка, имеющие за собой длительный путь исторического становления и развития, в дагестанские языки проникают как готовые образцы в виде калек.

Необычайно широкое и глубокое развитие потенциальных возможностей дагестанских языков вызвано прежде всего влиянием русской художественной литературы. Наиболее передовые из дагестанских поэтов, не довольствуясь устаревшими, почти застывшими в своем развитии фольклорными образными средствами, шаблонными метафорами, успешно применяют новые средства литературного языка, опираясь на лучшие образцы русской художественной литературы. В результате этого обогащается и стилистическая система литературных языков Дагестана. Именно поэтому перевод произведений русской литературы на языки Дагестана оказывается одним из самых могучих и действенных средств их развития.

Таким образом, развитие литературных языков Дагестана идет, во-первых, путем выявления и использования потенциальных ресурсов дагестанских языков и, во-вторых, путем освоения и творческой переработки всего ценного и передового, что проникает в дагестанские литературные языки из великого русского языка.

Ш. И. Микаилов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

На страницах журнала «Вопросы языкознания» были опубликованы статьи Л. С. Карума и Г. В. Шнитке относительно передачи русских имен собственных средствами латинского алфавита¹. Сопоставляя обе эти статьи, хочется прежде всего отметить несомненно правильную точку зрения Г. В. Шнитке относительно того, что при введении какой-то системы передачи надо иметь в виду цель, назначение этой системы: рассчитываем ли мы на массового читателя, которому надо дать транскрипцию, более или менее соответствующую действительному произношению слова, но без знаков, отсутствующих в его национальном алфавите, или же мы имеем в виду библиографа, работника паспортного стола, служащего в банке, для которых важно единство графики, чтобы правильно расставить каталожные карточки, оформить документы или денежные бумаги. Академическая система Л. В. Щербы применима только во втором случае². В первом случае необходима транскрипция по правилам английской, немецкой, французской и т. д. орфографии, и это вовсе не приспособленчество (как считает Л. С. Карум), а наоборот, большое преимущество, позволяющее людям зарубежных стран по возможности правильно произносить русские имена собственные, а не коверкать их так, как это делается с именами других латинопопущих языков. Так, *Нью-Йорк*, *Ньютон* и *Байрон* (*New York*, *Newton*, *Byron*) произносятся во Франции *Нёйорк*, *Нётон*, *Бирон*. По ложной аналогии с английскими *Браун* и *Кейпмаун* (*Brown*, *Cape Town*), которые во Франции произносятся *Брун* и *Каптуэ*, французы произносят *у* и в славянских окончаниях *-овский*: *Домбруски*, *Понятуски* (*Dombrowski*, *Poniatowski*)³. Французский фонетический словарь⁴ дает произношение польской фамилии *Лещинский* (*Leszczyński*) — *Лесенски*. Аналогичным изменением подвергаются все иностранные имена собственные во всех странах, если они переходят в том же написании из одного языка в другой. Кроме того, иностранные имена подчиняются ритмическим законам принимающего языка, о чем свидетельствует перенесение в них ударения на последний слог во французском языке, на первый — в германских языках и т. п. Большие того, диакритические знаки, которым Л. В. Щерба придает такое значение, нередко отбрасываются во французских, английских и т. д. изданиях. Их по возможности «сохраняют» в Германии, да и то не всегда. При таких условиях лучше было бы ввести буквенную диакритику, но Л. В. Щерба восстает против нее, требуя изображения каждого звука одной буквой.

Отметим, однако, что Л. В. Щерба, а вслед за ним и Л. С. Карум не правы, говоря, что все латинопопущие языки оставят без изменения графику имен собственных других латинопопущих языков. Так, например, в латышском языке издавна существует традиция именять написание иностранных имен в соответствии с их произношением: *Schepers*, *Sermanis* и т. п.

¹ См.: Л. С. Карум, О транслитерации латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ВЯ, 1953, № 6; Г. В. Шнитке, О транслитерации собственных имен, ВЯ, 1954, № 5.

² См. Л. В. Щерба, Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ИАН ОЛЯ, 1940, вып. 3.

³ См. P. H. Martinon, Comment on prononce le français, Paris, 1913, стр. 343.

⁴ A. Varbeau et E. Rodhe, Dictionnaire phonétique de la langue française, Stockholm, 1930.

В ряде зарубежных стран имеются инструкции по передаче славянских имен собственными средствами латинского алфавита¹. Правила этих инструкций в основном совпадают с передачей русских имен собственными Издательством литературы на иностранных языках. Значит, и за границей стремятся правильно произносить наши имена, и мы не должны пропагандировать транслитерационную схему, непонятную для целого ряда народов. В наше время, когда растет и развивается непосредственное устное общение между народами, транслитерация должна уступить место транскрипции. Сравните несколько изданий карт или атласов на русском языке. В каждом последующем издании имеются коррективы транскрипции зарубежных географических названий в сторону приближения к произношению: так, *Гуль* (*Hull*) стал *Халла*, а *Кадикс* (*Cadix*) — *Кадис*. То же самое наблюдается и в фамилиях: *Кичлео* (*Kichlew*) стал *Кичлу*.

Оригинальный способ разрешения этой проблемы нашли редакторы журнала «Le maître phonétique». Вот как они передают фамилию Д. Н. Ушакова: [de ɛn u] a'kof]². Такая передача удобна тем, что она едина для всех языков и сохраняет произношение. Но журнал этот целиком печатается транскрипционными знаками, понятными лишь людям со специальной подготовкой. Применение же такой транскрипции в массовом масштабе невозможно по тем же соображениям, что и применение академической системы Л. В. Щербы.

Интернациональность латинского алфавита очень условна. Он не применяется во многих странах. Да и может ли существовать вообще единый алфавит с единообразным чтением букв? Вряд ли, ибо и древняя латынь читается в разных странах по-разному, подчиняясь орфоэпическим нормам живых языков. Так, *Юлий Цезарь* (*Julius Caesar*) по-английски *Джулиус Цезарь*. Французы часто наизуляют латинские гласные перед л. Это лишний раз подтверждает тот факт, что многие знаки латинского алфавита имеют разночтения в национальных языках и плохо понятны в международном масштабе.

Не останавливаясь на ряде непоследовательностей в системе Л. В. Щербы, обратим внимание на проблему, связанную с вышеназванным, но не затронутую ни в одной из трех статей, — на проблему транскрипции, передачи иностранных имен собственными алфавитными средствами русского языка. Этот вопрос в настоящее время является не менее актуальным, чем тот, о котором шла речь выше; разработан он пока недостаточно³, а практические возможности его решения значительно больше, поскольку здесь внедрение в практику на всей территории нашей страны может быть достигнуто законодательным путем.

В русских печатных изданиях транскрипция поддежат все элементы иностранной лексики, которые нельзя перевести на русский язык. Под транскрипцией мы понимаем в данном случае передачу иностранных слов и имен собственными средствами русского алфавита без каких-либо добавлений к нему и с тем значением букв, которое свойственно ему в обычном употреблении. Такая транскрипция, употребляющая лишь тридцать три знака для передачи всего многообразия звуков всех языков, не может быть достаточно точной. В этом ее отличие от транскрипций, принятых в учебниках и словарях. Но это ничуть не умаляет ее значения, поскольку цель ее совершенно иная: на научной основе дать иностранные слова в форме, удобной для русского читателя, ввести их в русский язык, сделать их элементами словарного состава русского языка. Такую транскрипцию можно назвать практической.

У нас в стране с практической транскрипцией соприкасаются все учреждения, имеющие отношение к иностранной литературе: Главное управление по делам геодезии и картографии (ГУГК) «Большая Советская Энциклопедия», ТАСС, редакции газет и журналов и т. п. Все эти учреждения как-то решают для себя транскрипционный вопрос, но, к сожалению, до сих пор в даваемых ими транскрипциях нет единства. Не говоря уже о стихийности транскрипций Издательства иностранной литературы, где на страницах одной монографии можно встретить разные транскрипции одних и тех же авторов, отметим, что «Правда» и «Известия» по-разному транскрибируют некоторые имена собственные. Такое положение объясняется, во-первых, отсутствием координации в работе поименованных учреждений и, во-вторых, самим характером транскрипции, ее условностью, возможностью по-разному передавать на русском языке одни и те же иностранные слова.

Условный характер транскрипции и неразработанность ее теоретических положений

¹ См.: «Cirilbetűs címek átírása könyvtári és dokumentációs célokra», [Budapest], 1951; «Regeln für die alphabetische Katalogisierung in wissenschaftlichen Bibliotheken», Leipzig, 1952, содержащие правила транскрибирования, и т. п.

² «Le maître phonétique», 3-е série, London, 1954, № 102, стр. 28.

³ Значительный опыт транскрибирования, накопленный редакциями «Большого советского атласа мира» и «Морского атласа», слабо используется другими организациями, да и то лишь постольку, поскольку это касается топонимики; на ономастику он почти не распространяется.

ний приводят к тому, что все занимающиеся транскрипцией испытывают трудности, разрешить которые невозможно в одиночку, без обмена мнениями. С этой целью в Москве в октябре 1953 г. было проведено совещание по вопросам транскрипции фамилий, а в марте 1955 г. в Ленинграде состоялось совещание по вопросам транскрипции географических названий. Но совещания эти касались только отдельных областей примененной транскрипции. Еще не было всеобщего совещания, которое выработало бы транскрипционное единство для всех учреждений.

Остановимся на некоторых вопросах практической транскрипции. Прежде всего надо отметить, что при транскрибировании не следует увлекаться фонетизмом, допуская большой разрыв между русской транскрипцией и иностранной графикой, потому что в практической работе очень часто возникает необходимость обратной транскрипции. Это касается, в частности, передачи редуцированных гласных. В ряде языков гласные полного образования в безударном положении могут редуцироваться в нейтральный звук [ə]. Но если передавать все безударные гласные через русское *э* (после согласных — *е*), то по этой транскрипции будет невозможно восстановить подлинное написание иностранного слова и, таким образом, она потеряет свою практическую ценность. Так, например, английские фамилии *Селман* и *Риммон* (*Selman, Rimmon*) получат одно и то же окончание *-мен*. Затруднительным будет здесь и фонематический принцип передачи: единое буквенное обозначение в русском языке для каждой иностранной фонемы. Такая передача была бы идеальной, но она невозможна, потому что нет междуродных фонем и каждому языку присущ свой собственный фонемный состав, не совпадающий с составом фонем других языков.

Следовательно, не может быть достигнуто такое положение, чтобы каждая фонема иностранных слов находила себе в русском языке единое буквенное изображение. Так, например, три французские фонемы [è], [é], [ê] в русском языке могут передаваться только через *э* в начале слова и после гласной и через *е* в остальных положениях, и нельзя ввести, скажем, обозначение *э* для *è* и *е* для *ê*. В русском языке нет фонематического противопоставления *е/э*, и если мы его попытаемся ввести, это будет непонятно читателю, незнакомому с особенностями французского языка, т. е. мы получим условное, а не обычное употребление букв русского алфавита. Другой пример: фонема [j] получит в русском языке двойное выражение: 1) посредством букв *е, я, ю, ё* в начале слова и между гласными; 2) через *й* между гласной и согласной и на конце слова. А как быть при фонематической транскрипции с нейтральным гласным [ə], фонематическую самостоятельность которого (для английского языка) доказывает Г. П. Торсуев¹.

Итак, транскрипция не может быть ни чисто фонетической, ни чисто фонематической. Практическая транскрипция имеет непосредственное отношение к лексикологии, поскольку полученные с ее помощью «факты» служат для пополнения словарного состава языка. При этом определяющим является произношение слова с учетом его написания в родном языке, а также с учетом русских орфоэписко-орфографических норм. Исходить следует из полного литературного, а не безлого разговорного или диалектного произношения, а при наличии нескольких вариантов произношения выбирать наиболее близкий к орфографии и наиболее соответствующий правилам чтения. Так, в слове Джоуиза² имеются следующие варианты произношения фамилии *Howard: Хэйуорд, Хоард, Хорд*. Следует выбрать первый вариант.

Сам факт транскрипции собственных имен с латинизирующих языков на русский существует уже очень давно. Часто, особенно в дореволюционное время, перевод иностранных произведений и транскрипция имен собственных делались людьми, не знавшими живой иностранной речи, на один манер со всех языков, т. е. транскрипция подменялась голый транслитерацией. В результате этого для ряда собственных имен выработалась более или менее устойчивая традиционная форма русской транскрипции, хотя порой далекая от подлинного произношения. Игнорировать эти традиции нельзя. Они были признаны в 1934 г. отделом транскрипции Научно-издательского института «Большого советского атласа мира», чтобы не создавать большого разрыва между старой и новой транскрипцией, они признаются и теперь. Однако не стоит и увлекаться ими.

Все существующие традиции следует разделить на лингвистические и персональные. Лингвистические традиции касаются передачи некоторых отдельных фамилий, определенных морфем и букв. Эти традиции можно принять или не принять, но, приняв какую-нибудь из них, от нее не следует отступать. Как примеры лингвистических традиций можно привести следующие фамилии: англ. *Williams* — *Вильямс, Harry* — *Гарри, Howard* — *Гоуард, Stanley* — *Стэнли, Charles* — *Чарльз; нем. Hermann* — *Герман, Hofmann* — *Гофман, Oppenheim* — *Оппенгейм*. В качестве примеров традиционной передачи отдельных морфем можно отметить англ. *ham* — *ем* в окончаниях, *Ham* — в начале слова: *Ingham* — *Ингем, Hamstead* — *Хамстед*. К традициям в пе-

¹ См. Г. П. Торсуев, *Фонетика английского языка*, М., 1950, стр. 102—114.

² D. Jones, *An english pronouncing dictionary*, London — New York, 1954.

редаче отдельных букв можно отнести передачу английского конечного *z* через *s* и англ. *w* между гласными через *a*: *Lees* — *Лис*, *Halloway* — *Халловей*; голландск. *v* через *e* и *g* через *z*: *Van Vries* — *Ван-Врис*, *Groningen* — *Гронинген*.

Персональные традиции существуют только для данных конкретных лиц и не распространяются на их однофамильцев и даже родственников¹. Персональные традиции следует привить лишь для фамилий наиболее крупных ученых, вошедших в энциклопедии и учебники, именами которых названы формулы и законы. Так, польский физик — Мариан *Смолуховский*, его однофамильцы — *Смолуховские* (*Smoluchowski*); английский естествоиспытатель Томас *Гексли* (*Huxley*), его звуки — физики *Хаксли*; ср.: закон *Гей-Люссака* (*Gay-Lussac*), катализатор *Гудри* (*Houdry*). Если фамилия какого-нибудь ученого цитировалась в русских оригинальных статьях и монографиях — это еще не значит, что такую транскрипцию фамилии данного автора следует считать традиционной. Так, если советский химик Гринберг в своей монографии протранскрибировал фамилию французского химика *Сандерана* (*Senderens*) как *Сендеренс*, мы вовсе не должны следовать его примеру и рассматривать *Сендеренс* как традиционную транскрипцию. Транскрипцию в соответствии с определенными правилами следует давать и в том случае, когда в литературе принято одновременно несколько транскрипций одной и той же фамилии. Если какая-нибудь фамилия вошла в русский язык как составная часть имени нарицательного или географического названия, я не вошла в энциклопедии и учебники, традицию на нее распространять не следует: *сегнетова соль*, по *Сеньетт* (*Seignette*), *Гуданов залит*, по *Хадсон* (*Hudson*).

Исходным пунктом в транскрипционной работе должна быть национальная принадлежность лица и язык, на котором оно пишет, — при транскрибировании ономастики; местонахождение и государственный язык — при транскрибировании топонимики.

Рассмотрим ряд конкретных вопросов практической транскрипции на примере отдельных правил, установившихся в практике транскрибирования².

1. Звук [e] принято передавать через русское *э* в начале слова и после гласных и через *е* после согласных: франц. *Quervin* — *Кервен*, нем. *Ernst* — *Эрст*, англ. *Owen* — *Оун*.

Этот пункт встречает наибольшее число возражений. Так, например, Л. В. Щерба считает, что необходимо вести писать *э*, чтобы точнее показать иностранное произношение (отсутствие палатализации предшествующего согласного)³. При этом основным его доводом является отсутствие знакуемости у многих с иностранными языками. Он предлагает писать *э* даже в таком «обрубшем» слове, как *тема*. На это лучше всего ответить словами М. В. Сергиевского: «...принимая во внимание совершенно различную систему произношения русского языка от иностранных в отношении самих гласных и согласных (...редукция неударных гласных или мягкость согласных...), надо просто отказаться от пошлости во что бы то ни стало приближаться в транскрипции к тону иностранной речи и, например, писать *э* вместо *е* только потому, что перед последним согласным в русском языке произносится мягко. Все равно этим путем не достигается абсолютная точность воспроизведения, а между тем написание с *э* внутри слова противоречит всем приемам русской графики»⁴.

Вспомнив, что транскрипция служит прежде всего лексикологии, мы еще раз подчеркиваем необходимость создавать не абстрактные звуковые комплексы, а легко читаемые слова русского языка, которые должны войти в словарный состав его и соответствовать нормам русской орфографии.

2. Звуки типа [ɔ] передаются через *э* в начале слова и после гласных и через *ѐ* после согласных: нем. *Ödland* — *Эдланд*, норв. *Møller* — *Меллер*.

Писать *ѐ* в начале слова нельзя, потому что этой буквой передается сложение двух звуков: [j] + [ɔ], а звук [ɔ] никакой йотации не содержит и его можно передавать только буквой, соответствующей одному звуку. В русском языке есть два гласных звука, имеющих общие черты с [ɔ], — это [o] и [a]. Для [o] и [a] общей является огубленность, для [a] и [ɔ] — ряд и подъем, т. е. уклад всех органов речи, кроме губ. Поэтому для передачи [ɔ] в начале слова целесообразнее применять *э* (см., однако, сноску 1-ю на этой странице).

3. Звуки типа [ü] принято передавать через *у* после согласных: нем. *Würzler* — *Вюрцлер*. Вопрос о передаче [ü] в начале слова затруднителен. Так же, как и в случае

¹ То же самое относится и к «персональным» традициям на передачу географических названий: *Hamburg* — *Гамбург* (Германия), но *Hamburge* (Южная Африка); *Pittsburgh* — *Питсбург* (Пенсильвания, США), но *Pittsberge* в ряде других штатов США.

² См. инструкции ГУГК по транскрибированию английских, французских, немецких и т. д. географических названий.

³ См. Л. В. Щерба, Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий, «Труды Комиссии по русскому языку [АН СССР]», т. I, Л., 1931, стр. 192—194.

⁴ М. В. Сергиевский, О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке, «Сборник [Публ. Биб-ки СССР им. В. И. Ленина]», II, М., 1928, стр. 214.

с [ö], в русском языке есть два гласных, имеющих общие черты с [ü]: [y] — огубленность, [и] — ряд и подъем. Поэтому целый ряд специалистов складывается к тому, чтобы передавать [ü] в начале слова через *и*. Это верно теоретически и соответствует пути изменения этого звука в индоевропейских языках ($\ddot{u} > i$), но практически такая передача вызывает по крайней мере две трудности.

а) У людей, привыкших иметь дело с письменными текстами, и никак не может ассоциироваться с [ü]. Да и те, кто знает, что в русской транскрипции *и* заменяет [ü], не всегда при обратной транскрипции догадываются, какой должна быть первая буква подлинного написания данной фамилии. Так, не всякий за транскрипцией *Ибералл* узнает немецкое *Überall*.

б) Другая трудность возникает при передаче [ü] через *и* в тех случаях, когда за [ü] непосредственно следует [i]. Здесь уже никак нельзя передавать [ü] через *и*. В этом случае инструкции ГУГК предлагают передавать [ü] через *ю*, т. е. так же, как и в середине слова после согласной. Такая передача связана с двойного рода неудобствами, так как она нарушает цельность системы передачи [ü] в начале слова и вводит в русскую транскрипцию лишний звук — йот (поскольку русская буква *ю* изображает сложенные двух звуков: [j] + [u]). Чтобы найти практический выход из такого положения, необходимо жертвовать чем-то: или нарушить систему передачи, или, в целях ее сохранения, поступиться точностью передачи. ГУГК в своих инструкциях, как видно, пошел по первому пути. Мы, напротив, считаем возможным пожертвовать точностью передачи ради ее систематичности (ибо инструкции ГУГК все равно не дают полной точности и в результате транскрибирования у нас получаются не немецкие, не французские и т. д., а русские слова), и предлагаем писать *ю* в начале слова перед гласными, *и* в начале слова перед согласными и *ю* после согласных: франц. *Ussel* — *Иссель*, *Haar* — *Юар*, *Uine* — *Юин*, *Rue* — *Ро*.

И эта система обладает рядом неудобств. Передавать же [ü] через *у* — тоже не выход из положения, поскольку это не даст возможности отличать в русской транскрипции [ü] и [u]¹.

4. Долгота гласных, выражаемая надстрочными знаками, буквенной диакритикой, позиционно или удвоенным для всех языков, кроме финского и эстонского, не должна отражаться русской транскрипцией, потому что только в этих двух языках имеется единый регулярный способ выражения долготы гласных — долготы, имеющей фонематическое значение и являющейся органической частью системы языка. Да и сами эстонцы, давая в книгах и журналах русскую транскрипцию своих фамилий, настаивают на передаче своих долгих гласных удвоенными русскими буквами: эст. *Kuusik* — *Куусик*.

Составители инструкций ГУГК не правы в данном случае, подходи к эстонским и финским названиям с теми же критериями, что и к немецким и голландским, где долгота не служит к различению столь многочисленных омонимов и где удвоенное написание не является единственным средством различения долготы; так, немецкое долгое [a] в фамилии *Har* может быть выражено и удвоенным написанием этой буквы, и написанием *h* после *a*: *Haar*, *Nahr*.

В голландском языке долгота гласного может быть выражена позиционно, перед одним согласным, если за ним следует гласный, и удвоенным гласного перед двумя согласными или перед одним конечным согласным. Поэтому даже в словах одного корня могут быть разные написания. Так, в двух голландских названиях *Gaagi* имеем два разных способа выражения долгого [a]: *den Haag, s Gravenhage*. Иначе обстоит дело в эстонском и финском языках, поэтому нельзя согласиться с С. А. Тюрини, который отказался от передачи долгих гласных на картах Эстонии и Финляндии, приводя в качестве одного из доводов «экономно места»². Не должно нас смущать и то обстоятельство, что двойные русские гласные читаются в два слога, а эстонские и финские — в один. Ведь практическая транскрипция не может быть чисто фонетической и тем более она не является средством обучения произношению. Без удвоенного написания в русской транскрипции будет затруднительна обратная транскрипция, а также различение омонимов.

5. Удвоенные согласные передаются на русский язык удвоенно в интервокальном положении и на конце слова после гласных. Если рядом с удвоенной согласной есть еще хотя бы одна согласная, она удвоенно не передается: франц. *Carcassonne* — *Каркассонн*, нем. *Bonndorf* — *Бондорф*, англ. *Goggle* — *Гогл*. Если удвоенные согласные принадлежат к разным морфемам или одна из них является самостоятельной

¹ Все изложенное в пунктах 2 и 3 не относится к транскрипции тюркских языков, где ввиду гармонии гласных есть тенденция передавать [ö] и [ü] в начале слова через *о* и *у*: *Odemis* — *Одемис*, *Üsküdar* — *Ускудар*, *ürük* — *урук*; ср., однако, русск. *изюм* из *изит* при диалектном *изюм*.

² С. А. Т ю р и н. Некоторые принципы передачи географических названий на картах, «Известия АН СССР», Серия географическая, 5, 1953.

морфемой, обе они передаются: швед. *Berggren* — Берггрен, дат. *Anderssen* — Андерсен. В итальянском, эстонском и финском языках, где удвоенные согласные, как и гласные в эстонском и финском, составляют неотъемлемую часть системы языка, их следует передавать удвоенно, независимо от положения в слове: итал. *Curcci* — Курччи, фин. *Sinkkonen* — Синкконен. Таковы некоторые основные положения практической транскрипции. Скажем несколько слов о форме транскрибируемых имен собственных, в частности о передаче конечных морфем. Относительно передачи польских окончаний *-in-ski*, *-in-ska*, *-i*, *-a* и чешских окончаний *-y*, *-a* в России издавна существовало две тенденции: 1) передавать их в соответствии со звучанием (*Sierpiński* — Серпицкий); 2) передавать их формой русского прилагательного: *Serpinskiy*. Исходя из интересов практики, требующей точности смысла, мы придерживаемся второго способа передачи. Это способствует лучшему пониманию текста и позволяет склонять славянские фамилии, предотвращая их смешение с фамилиями неславянскими, многие из которых не склоняются в русском языке¹. Ср.: «Ответ Мали Новотни» и «Ответ Малого Новотному». Больше того, мы считаем необходимым передавать чешскую букву *y* (фонетически в настоящее время не отличающуюся от *i*) в тех морфемах, где она соответствует русскому *ы*, через *ы*: *Vyškožil* — Выскожил; *Hrozný* — Грозный.

Спорным является и вопрос о передаче польского окончания *-ów*. Многие считают, что его надо передавать по звучанию *уо*: *Głogów, Jasnow* — Глогую, Ясноу; но стоит обратиться к косвенным падежам этих же слов, как мы видим, что их конечный слог становится открытым, а вместе с этим происходит чередование и [y] превращается в [o]: *Kraków, Krakowa* — Кракую, Кракова и т. д. Кроме того, как будем мы склонять в русском языке имена, оканчивающиеся в именительном падеже на *уо*? *Ясноу, Ясноа, Ясноуму*? Но это было бы новым типом склонения для русского языка. Если же в склонении у нас будет *Ясноа* и *Ясноу*, то именительный падеж *Ясноу* теряет всякий смысл. Наконец, необходимо обратить внимание на то, что фамилии на [-уи] в женском роде имеют [-ова], как и в русском языке, и, если мы будем это окончание передавать по фонетическому принципу, то фамилии авторов мужа и жены или брата и сестры окажутся протранскрибированными по-разному и попадут в разные места картотек и алфавитных указателей. Так что, видимо, здесь нужна не фонетическая, а морфологическая передача.

В подтверждение можно провести параллель с украинскими именами собственными. *Харкое* по-украински *Харків, Києв* — *Київ*, однако на русский язык они передаются с суффиксами *-ов, -ев*, потому что суффиксы эти свойственны русскому языку, а вводимые нами в русский язык имена должны стать частью русской лексики и подчиняться законам словообразования русского, а не украинского или польского языка. Подтверждающим фактором к такой именно передаче является и склонение этих слов в украинском языке: *Харкова, Києва*, т. е. в косвенных падежах имеем соответствие склонению русских слов на *-ов, -ев*.

Вопрос о форме транскрибируемого слова еще важнее для языков, где имеются флексии именительного падежа, например для латинского языка. Так, в «Собрании постановлений и распоряжений Правительства Латвийской ССР» (№№ 28 и 31, декабрь 1945, Рига) даются правила по транскрибированию латинских фамилий на русский язык; в частности, там сказано, что флексии мужского рода *us* и женского рода *a* в русской транскрипции передаваться не должны: *Berziņš, Berziņa* — Бершинь. Однако на практике существует большая разноречивость: каждый автор транскрибирует фамилии по-своему и редакция не проводит в этом направлении никакой унификации.

Заканчивая, еще раз подчеркнем условный характер практической транскрипции и возможность передачи многих имен собственных двойким и даже тройким образом; тем не менее необходимо твердо встать на одну из возможных точек зрения и установить единство транскрипции во всех печатных изданиях нашей страны¹.

А. В. Суперанская

¹ Для читателей, интересующихся вопросами практической транскрипции, может представить интерес рецензия Н. С. Пилинского на «Украинско-русский и русско-украинский словарь собственных имен людей» (Киев, 1954; на укр. яз.). — См. журн. «Вісник», 1955, № 6. — Ред.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
В РАБОТАХ ЛИНГВИСТОВ КИТАЯ

Изучение китайского языка в специально лингвистическом плане в самом Китае началось в конце XIX в. В 1898 г. вышла в свет известная работа китайского лингвиста Ма Цзянь-чжуна «Ма ши ваньту»¹. До появления этой работы в Китае по сути дела грамматических учений не существовало, однако были весьма развиты фонетика, лексикология, стилистика и собственно филологическая наука, занимавшаяся изучением, комментированием и толкованием текстов и источников. Китайские ученые в процессе филологической работы сделали много наблюдений над употреблением слов и выражений, выработали ряд грамматических понятий и терминов.

Так, например, китайские филологи задолго до появления работы Ма Цзянь-чжуна провели разграничение слов знаменательных («полных») и служебных («пустых»), ввели понятия «сыца» («мертвые», неподвижные слова — слова с предметным значением) и «хоцзы» («живые», подвижные слова — слова со значением действия) и т. д. Термины «полные» (знаменательные) и «пустые» (служебные) слова, как известно, стали употребляться позднее в общелингвистических и специальных работах за пределами Китая. Такое разграничение слов фактически представляло собой своеобразную классификацию слов по частям речи.

В работе Ма Цзянь-чжуна, посвященной древнекитайскому языку, дается классификация слов по частям речи, которая положена им в основу построения и изложения грамматики. Ма Цзянь-чжун выделял 9 частей речи. Он полагал, что для определения принадлежности слова к части речи надо знать его значение. Считая, однако, что значения слов меняются в зависимости от контекста, т. е. от функции и места слова в предложении (в одной функции слово обозначает предмет, в другой — действие или свойство, связанное с этим предметом), Ма Цзянь-чжун пришел к выводу, что у слов нет постоянно закрепленных значений и, следовательно, слова не закреплены за определенными частями речи и могут переходить из одной категории в другую. Тем самым Ма Цзянь-чжун, классифицируя слова, фактически опирался прежде всего на функцию и место слова в предложении, благодаря которым определяется значение слова. Следует помнить, что Ма Цзянь-чжун занимался древнекитайским языком, во многих чертах отличным от современного.

Система Ма Цзянь-чжуна оказала большое влияние на последующих китайских грамматиков. После опубликования этой работы появились грамматики, авторы которых целиком следовали за Ма Цзянь-чжуном. Позднее стали выходить грамматики, расходившиеся по своим установкам с работой Ма Цзянь-чжуна, в частности по вопросу о частях речи. Китайских лингвистов не удовлетворяла формула Ма Цзянь-чжуна: «У слов нет постоянных значений и поэтому нет постоянной отнесенности к определенной части речи»². Например, китайский лингвист Чань Чэн-цзе в 20-х годах выступил против этой формулы и предложил классифицировать слова по их функциям в предложении. Исходя из значений и функций слов, он и другие китайские лингвисты ввели понятия «бэньсюнь» (основная функция), «бэньсин» (основная принадлежность слова, т. е. принадлежность его к части речи) и «хэсин» (временное использование слова в роли другой части речи)³.

¹ См. В. И., 1955, № 3, стр. 49, сноска 2, где дается краткая оценка указанной работы.

² Цит. по работе Хэ Жуна «Чжунго ваньфа лунь» («Китайская грамматика»), Шанхай, 1949, стр. 40 (первые книга издана в 1942 г.). В работе Хэ Жуна освещается развитие китайской грамматической мысли с 1898 г. по 30-е годы.

³ См. Хэ Жуна, указ. соч.

В 1924 г. первым изданием вышла книга проф. Ли Цзинь-си «Новая грамматика современного литературного языка». Ли Цзинь-си классифицировал слова по значениям и, главное, по синтаксическим функциям в предложении. Он считал, что «слова различаются по частям речи в предложении, вне предложения нет частей речи»¹. Этот вывод перекликается с приведенной выше формулой Ма Цзянь-чжуна.

В нашей литературе отмечалось, что китайские лингвисты в сущности не сомневались в наличии частей речи в своем языке². А. А. Драгунов, характеризую подход китайских лингвистов к проблеме частей речи, писал: «Однако для китайских ученых части речи — это все же не столько грамматические, сколько с м ы с л о в ы е категории, поэтому при отнесении слова к той ли иной части речи основным критерием для них всегда является содержание, значение слова, — а критерии грамматические, если они вообще приводятся, остаются на втором плане...»³.

Надо, однако, сказать, что китайские лингвисты отнюдь не забывали о грамматических свойствах слов. Наряду со смысловым критерием они всегда применяли критерий синтаксический. В ряде случаев они пользуются только грамматическими критериями. Даже когда они провозглашали значение единственным критерием, на деле ими учитывались и грамматические особенности слов. В этом отношении характерно замечание китайских лингвистов Вэнь Ляня и Ху Фу о подходе к частям речи известного китайского языковеда проф. Ван Ли в его работах 40-х годов: «Ван Ли решительно стоит на позициях семантической классификации слов. Он говорит: „В китайском языке разграничение слов по частям речи основывается почти исключительно на значении“ (Ван Ли, Чжунго юйфа ганъяо, стр. 43). Однако, разграничивая числительные и прилагательные, он пишет: „Мы не можем считать числительные видом прилагательных, поскольку прилагательные могут самостоятельно выступать в качестве сказуемого, а числительные не могут...“ (Ван Ли, Чжунго юйфа дилунь, т. 1, стр. 26—27)»⁴.

Более того, Ван Ли использовал различия между частями речи в качестве исходного момента для классификации предложений по типам сказуемого (глагольное, именное, именное)⁵. Так же, как Ван Ли, поступали и проф. Люй Шу-ян и многие другие авторы работ по китайской грамматике.

Наряду с классификацией слов по значениям и функциям в предложении в период до дискуссии о частях речи, развернувшейся в последнее время на страницах китайских лингвистических журналов, появились классификации на основе учета различных синтаксических свойств слов, реализующихся в их синтаксических связях в предложениях и словосочетаниях. Люй Шу-ян говорит: «Впервые синтаксические связи были систематически использованы для разграничения частей речи в работе проф. Лу Чжи-вэя «Односложные слова в пекинском диалекте». (Хотя эта работа была издана только в 1951 г., однако «Введение», или, как оно теперь называется, «Пояснение», было напечатано еще в 1937 г.)»⁶.

Исходя из того, что при сочетании слов между ними возникают определенные связи, отличающиеся друг от друга (глагол с последующим существительным вступает

¹ Ли Цзинь-си, Сяньжю гоюй вэньфа, Шанхай, 1933, стр. 29. Позднее проф. Ли Цзинь-си отказался от второй части своей формулировки [см. «Чжунго юйвэнь», 1953, сентябрь (№ 15), стр. 10]. В журнале «Чжунго юйвэнь» за май 1955 г. (№ 35) проф. Ли Цзинь-си опубликовал статью «Общая система частей речи, а также вопрос о „словосочетаниях“ и „морфологии частей речи“», в которой он решительно высказывается в пользу наличия частей речи в китайском языке. Проф. Ли Цзинь-си дает систему частей речи, основанную главным образом на учете синтаксических свойств слов (функции в предложении и различные синтаксические связи с другими словами). Внутри грамматических рядов он дает смысловую классификацию слов. Разбирая вопрос о морфологии и, в частности, о суффиксации, он подчеркивает отличие китайской суффиксации от суффиксации флетивных языков, отмечает, что прибавление к китайским словам суффиксов возможно, но не обязательно. Однако суффиксация в китайском языке развивается и имеет отношение к морфологии частей речи, т. е. может быть использована в известных пределах для разграничения частей речи как формальный признак.

² См. А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I, М.—Л., 1952, стр. 21.

³ Там же.

⁴ Вэнь Лянь и Ху Фу, Части речи в китайском языке [русск. перевод], ВЯ, 1955, № 3, стр. 70.

⁵ См., например, Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики (Чжунго юйфа ганъяо), перевод с китайского, М., 1954. Сам Ван Ли пользуется терминами *сй йшучаюй* «предложение-соединение», *мюэс-чаюй* «предложение-описание» и *паньдуан-чаюй* «предложение-суждение».

⁶ См. его дискуссионную статью «Некоторые принципиальные проблемы частей речи в китайском языке» в журн. «Чжунго юйвэнь» [1954, сентябрь (№ 27), стр. 10].

в глагольно-объектное отношение, прилагательное же с последующим существительным вступает в иное, а именно, в атрибутивное отношение и т. п.), Лу Чжи-эй выделил три основных типа слов: существительные, глаголы и прилагательные.

В работе Хэ Жуна «Чжунго вэньфа лунь» дается понимание частей речи как категорий слов, обладающих общими формальными признаками, по которым слова одной категории отличаются от слов другой категории (стр. 57—58). Иначе говоря, в работе Хэ Жуна дается трактовка частей речи как грамматических, а не как смысловых категорий. В целом можно сказать, что китайские лингвисты при классификации слов по частям речи опирались как на значение слова, так и на различные синтаксические свойства слова (включая сюда функцию в предложении, различные синтаксические связи слов). Некоторые же лингвисты опирались прежде всего именно на синтаксические (т. е. грамматические) свойства слов.

Подход китайских лингвистов к проблеме частей речи был обусловлен их пониманием строя китайского языка: никто из китайских авторов грамматических работ не выделял в качестве самостоятельного раздела грамматики морфологию как учение об изменении и строении отдельного слова. Это объединяло всех китайских языковедов. Особенности же их систем определялись различием их теоретических воззрений на грамматику, которые в свою очередь были обусловлены влиянием западноевропейской лингвистики и, в частности, влиянием О. Есперсена и Ж. Вандриеса.

Не выделяя морфологию как самостоятельный раздел грамматики, китайские языковеды тем не менее находили в китайском языке целый ряд морфологических явлений: аффиксацию, повтор корня, изменение музыкального ударения (тона). В ряде работ, в частности в работах Ван Ли¹, имеется весьма подробное описание системы глагольных видов. Однако в основном все признавали, что морфологические явления в системе строя китайского языка занимают сравнительно ограниченное место. О частях речи писали много. Лингвисты высказывали различное мнение о критериях выделения частей речи, о количестве последних, о возможности перехода слов из одной категории в другую, об «основной» и «временной» принадлежности слов и т. д. Общей точки зрения на части речи, однако, выработано не было.

Период после установления народной власти в Китае характеризуется заметной активизацией языковедческой работы. Большое значение для развития китайской грамматической мысли имела дискуссия по вопросам языкознания, происходившая в Советском Союзе в 1950 г., и появление работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С 1952 г. в Китае издается ежемесячный журнал «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), на страницах которого китайские ученые обсуждают наиболее острые и актуальные проблемы китайского языка и письменности. Много лингвистических статей публикуется также в ежемесячнике «Юйвэнь сюэси» («Языковая учеба»).

Проблема частей речи является узловой проблемой, решение которой связано с решением вопроса о характере грамматического строя языка, в частности с проблемой морфологии. Поэтому проблема частей речи в той или иной степени затрагивается почти во всех статьях, посвященных основному вопросу строя китайского языка. В этом смысле дискуссия о частях речи на страницах китайских лингвистических журналов идет все время. Особенно острый и оживленный характер дискуссия приобрела после появления в журнале «Чжунго юйвэнь» в октябре 1953 г. (№ 16) статьи проф. Гао Мин-кай «Проблема частей речи в китайском языке»², в которой автор решительно заявил, что китайские слова не различаются по частям речи.

Ко времени появления этой статьи китайские лингвисты успели основательно познакомиться с работами советских языковедов и в ходе дискуссии использовали высказывания различных советских лингвистов как по общим вопросам лингвистики, так и по вопросу китайского языка. Гао Мин-кай отмечает в своей статье, что на взгляды ряда китайских лингвистов известное влияние оказала статья проф. Н. И. Конрада «О китайском языке»³, опубликованная в конце 1952 года в переводе на китайский язык в журнале «Чжунго юйвэнь»⁴.

Остро полемическая постановка вопроса Гао Мин-каем вызвала появление ряда статей, направленных на обоснование того, что в китайском языке имеются части речи. В № 17 журнала (1953, ноябрь) была напечатана вторая часть статьи китайского лингвиста Цао Бо-хэя «Несколько замечаний относительно изучения китайской грамматики», в № 20 и 21 (1954, февраль, март) опубликована большая статья двух лингви-

¹ См., например, его «Чжунго сяндай юйфа» («Грамматика современного китайского языка»), Шанхай, 1947.

² См. перевод этой статьи: ВЯ, 1955, № 3.

³ См. ВЯ, 1952, № 3.

⁴ См. ВЯ, 1955, № 3, стр. 49—50.

стов—Вань Ляня и Ху Фу «О классификация слов по частям речи»¹, в № 24 (1954, июнь) редакция помещает статью Б. Г. Мудрова «В китайском языке имеются части речи». Далее, в № 26 (1954, август) опять появляется статья Гао Мин-кай «Еще раз о частях речи в китайском языке» (ответ т. Мудрову), в которой автор подтверждает и защищает свою точку зрения; в этом же номере печатаются статьи: «Границы, форма и функция слова» Вань Ляня и Ху Фу, «Действительно ли в китайском языке нет частей речи?» Чэнь Най-фаия, «Проблема частей речи в китайском языке» (авторы: Чжун Цинь, Чжао Шу-хуа, Цзинь Да-хоу, Ван Хуань). Затем в № 27 и 28 (1954, сентябрь, октябрь) публикуется большая работа Люй Шу-сяна «Некоторые принципиальные проблемы частей речи в китайском языке». Кроме того, в № 28 печатаются статьи проф. Цао Бо-хана «Вопрос о частях речи в китайском языке» и проф. Юй Мина «Изменение формы слова и грамматическая среда». В № 31 (1955, январь) Гао Мин-кай помещает статью «В третий раз о частях речи в китайском языке», в которой полемизирует со своими критиками, используя положения советских лингвистов П. С. Кузнецова, В. И. Яредевой и А. С. Чикобава. В № 32 (1955, февраль) печатается статья Бо Хуэй «Мой взгляд на разграничение частей речи в китайском языке». В № 33 (1955, март) публикуется статья Ху Мин-яна «Попытка критики буржуазных взглядов, бытующих среди китайских языковедов», в которой резко критикуются взгляды Гао Мин-кай, а также статья Лю Чжан-яня «Языковеды также должны широко развернуть свободную научную дискуссию»; в ней автор поддерживает взгляды Гао Мин-кай, называя себя одним из сторонников его точки зрения.

Таков далеко не полный перечень материалов последнего, наиболее оживленного этапа дискуссии о частях речи в китайском языке. (Здесь не упомянуты небольшие заметки и письма, в которых взгляды Гао Мин-кай также подвергаются критике и, в частности, подвергаются критике приводимые им примеры.) Как видно из этого перечня, точка зрения Гао Мин-кай не разделяется большинством участников дискуссии. По сути дела лишь один языковед высказался в поддержку его взглядов, все же остальные участники дискуссии выступили против его точки зрения.

Советские читатели уже знакомы с двумя различными взглядами на проблему частей речи в китайском языке по переводам статей Гао Мин-кай и двух китайских языковедов — Вань Ляня и Ху Фу. Каковы основные установки Гао Мин-кай? Надо отметить, что он не всегда отрицал наличие частей речи в китайском языке. В своей работе 40-х годов Гао Мин-кай, давая оценку строя китайского языка, писал: «В китайском языке [у слов] нет морфологических различий. В качестве существительного употребляется морфема *жень* „человек“, в качестве глагола также употребляется морфема *жень* „очеловечить“, в качестве прилагательного употребляется та же самая морфема *жень* „человеческий“»².

Что же касается частей речи, то он считал, что, вообще говоря, «при разграничении частей речи нужно исходить из двух моментов: 1) категория мысли, 2) форма слова»³. Далее, он констатировал: «Во всех языках различаются существительные и глаголы независимо от наличия или отсутствия в них флективного словоизменения»⁴.

Переходя к китайскому языку, он отмечал: «Китайский язык беден морфологически, однако различия между существительными и глаголами в китайском языке совершенно очевидны»⁵. Но эти различия видны лишь при употреблении слов в предложении. «Китайские слова», — писал он, — если брать их изолированно, вне предложения, не различаются по частям речи, если же исходить из функций слов в предложении, то различия налицо»⁶. Поэтому он считал возможным не пользоваться критерием формы и, исходя из категорий мысли и синтаксических функций, намечал три части речи: существительные, глаголы и «качественные слова» («квалификаторы» — qualitative). Последняя группа включает в себя прилагательные и наречия. Таким образом, в своей книге Гао Мин-кай, выделяя части речи, опирался не на форму слова и морфологию, а на значение слова (в категориальном смысле — «категория мысли»: предмет, процесс, свойство) и на синтаксические функции слов.

По мнению Люй Шу-сяна, высказанному им в дискуссионной статье, новейшая точка зрения Гао Мин-кай — это лишь дальнейшее развитие его прежних взглядов⁷.

¹ Перевод этой статьи см.: ВЯ, 1955, № 3.

² Гао Мин-кай, Ханьюй юйфа лунь (Теория китайской грамматики), Шанхай, 1948, стр. 44. (Следует отметить, что такое употребление морфемы *жень* характерно для древнелитературного языка «ваньянь». В современном языке глагольной функции морфема *жень* не имеет.)

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 50.

⁶ Там же.

⁷ См. Люй Шу-сян, Некоторые принципиальные проблемы частей речи в китайском языке, «Чжунго юйвэнь», 1954, сентябрь (№ 27), октябрь (№ 28).

Что же характеризует внешнюю точку зрения Гао Мин-кай? Судя по его трем дискуссионным статьям, его взгляд на китайский язык как на язык, бедный морфологически, остался прежним, взгляд же на части речи изменился. Гао Мин-кай считает теперь, что точка зрения, «согласно которой части речи могут быть установлены по значениям слов»¹, является ошибочной. В подтверждение он приводит слова И. В. Сталина о том, что «оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует». Признавая, что у людей, говорящих на китайском языке, имеются понятия о предметах, действиях и качествах, он не считает возможным рассматривать, например, слова, обозначающие предметы, как существительные, поскольку «...мы не можем обнаружить никакой части их звуковой формы, которая говорила бы нам, что эти слова относятся к категории существительных»². Он подчеркивает, что «для признания таких слов существительными к значениям „гора“, „вода“ и т. д. должно быть присоединено еще значение „существительного“, а чтобы ясно было, что эти слова суть существительные, нужна форма, которая специально указывала бы на их значение как существительных»³.

Иначе говоря, из положения И. В. Сталина о том, что оголенных мыслей, лишенных языковой «природной материи», не существует, Гао Мин-кай делает вывод, что у слова, принадлежащего к какой-либо части речи, должна иметься определенная часть звуковой оболочки, которая выражала бы значение «части речи» как дополнительного значения, присоединенного к конкретному лексическому значению слова. Отсюда, по его мнению, следует, что говорить о частях речи можно лишь тогда, когда у слов имеется материально выраженная в самом слове специальная форма, когда слово обладает изменением формы, в котором выражаются значения различных (частных) грамматических категорий. В подтверждение Гао Мин-кай приводит формулировку П. С. Кузнецова из его статьи «Грамматика» в БСЭ: «Под частями речи понимаются классы слов, характеризующиеся определенными морфологическими признаками, т. е. определенными, свойственными каждому данному классу (части речи) и отличающими его от других классов (частей речи) грамматическими категориями, выраженными в изменении слова»⁴.

Классифицировать слова по частям речи, исходя из их функций в предложении, а также на основе их сочетаемости, по его мнению, неправомерно, поскольку «части речи — это классификация слов, классификация отдельных слов; мы можем лишь исходить из наличия или отсутствия у самого слова специфических формальных показателей (специфической «материальной оболочки») и не можем классифицировать слова по тем функциям, которые возникают на основе связей слов друг с другом, так как одинаковые функции могут иметься у категориально различных слов»⁵.

Выводить части речи из значений слов и их функций — это значит, по мнению Гао Мин-кай, смыкаться с марксистской трактовкой частей речи⁶. Считаю, что единственным подлинным критерием для выделения частей речи является критерий морфологический. Гао Мин-кай ставит вопрос следующим образом: «Если мы можем обнаружить изменения формы у китайских слов, то в таком случае следует признать, что в китайском языке имеются части речи. Весь вопрос в том, существуют ли у китайских слов изменения формы...»⁷.

В этой связи он разбирает то, что другие исследователи признают за форму, за морфологические явления, и приходит к следующим выводам:

1. Изменение тонов (музыкальных ударений) всегда связано с изменением лексического значения слова. При изменении тона возникает новое слово, которое, если оно произведено от слова, обозначающего предмет, может либо попрежнему обозначать предмет, либо же обозначать действие. По изменению тона нельзя судить об отнесенности слова к части речи. Изменение тона в китайском языке — факт семасиологический, а не морфологический.

¹ Гао Мин-кай, Проблема частей речи в китайском языке, ВЯ, 1955, № 3, стр. 50.

² Там же.

³ Там же.

⁴ П. С. Кузнецов, Грамматика, БСЭ, 2-е изд., т. 12, стр. 426. [Следует заметить, что формулировка П. С. Кузнецова не является единственным определением частей речи, существующим в советском языкознании, как, повидимому, думает Гао Мин-кай. См., например, «Грамматику русского языка», т. I (М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 20)].

⁵ Гао Мин-кай, В третий раз о частях речи в китайском языке, «Чжунго юйвэнь», 1955, январь (№ 31), стр. 20.

⁶ См. там же. Гао Мин-кай ссылается на высказывания В. Н. Ярцевой в ее статье «Смещение лексикки с грамматикой в „теории Н. Я. Марра“» (сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. II, М., 1952).

⁷ Гао Мин-кай, Проблема частей речи в китайском языке, стр. 51.

2. Такие элементы языка, как *ла*, *чжо*, *мынь*¹, суть служебные слова, а не формообразующие элементы. «Корень» в китайском языке может существовать самостоятельно. Эти элементы не слиты воедино с корнем, можно обходиться без них, можно их заменять (вместо *жэньмынь* «люди» можно сказать *сийдо жэнь* «много людей»). В этом Гао Мин-кай видит кардинальное отличие китайского языка от языков индоевропейских, где корень и формальный элемент слиты воедино, где корень самостоятельно существовать не может, где корневое значение обязательно сопряжено со значением какой-либо грамматической категории.

3. Что касается явления повтора (который многими китайскими лингвистами рассматривается как один из видов изменения слов), то повторы могут быть разные: повтор предложений, словосочетаний, слов, корней. С морфологией связан лишь повтор корней. Природа повтора в китайском языке еще требует выяснения. Если даже окажется, что в китайском языке имеет место повтор корней, т. е. что повтор является средством изменения слов, то это еще не значит, что повтор может служить средством разграничения слов по частям речи, ибо не всякое изменение слов связано с разграничением частей речи. Гао Мин-кай далее приводит в качестве примера повтор однословных существительных, прилагательных и глаголов (*жэнь-жэнь* «человек-человек», *мань-мань* «медленный-медленный», *фэй-фэй* «лететь-лететь») и задает вопрос: чем отлична форма повтора у всех этих слов?²

4. В китайском языке имеются отдельные морфологические элементы. Таковым является словообразовательный суффикс *эр*. Посредством этого суффикса можно от одного слова с предметным значением образовать другое слово также с предметным значением. «...прибавление этого суффикса не относит слово к другой части речи. Для того чтобы изменения формы могли влиять на разграничение частей речи, требуются такие формы, которые вызвали бы изменения грамматических категорий (в узком смысле)»³.

В своей третьей дискуссионной статье Гао Мин-кай подчеркивает, что те «изменения слов, которые связаны со словообразованием, могут не иметь никакого отношения к частям речи»⁴. Не всякое изменение слов может служить средством разграничения частей речи.

5. «Аналитическая форма», о которой пишет П. С. Кузнецов в БСЭ и на которую ссылаются критики Гао Мин-кай, а также «морфология служебных слов»⁵ имеют право на существование, но не могут служить средством для разграничения частей речи, поскольку части речи связаны с изменением отдельных слов и само значение «частей речи» выражается в словоизменении. И «аналитическая форма», и «морфология служебных слов» имеют дело с языковыми формами и категориями в широком смысле, до этого морфологические категории в узком смысле слова, в которых выражается значение части речи.

Возражая своим критикам, Гао Мин-кай отмечает, что об «аналитической форме» П. С. Кузнецов говорит в разделе, посвященном синтаксису, а не морфологии и частям речи. П. С. Кузнецов, указывает Гао Мин-кай, говорит лишь о том, что сочетание двух слов может дать «единую в морфологическом отношении форму», но не рассматривает эту форму как изменение слова, служащее для разграничения частей речи, как отличительный признак части речи.

6. Что касается взгляда (в частности, проф. Цао Бо-хуаня) на сочетания знаменательных слов со служебными, а также между собой, как на морфологию, то такой взгляд ведет к смешению морфологии с синтаксисом и грешит марксистскими ошибками⁶. «Если считать, что сочетание слов может определять принадлежность слов к частям речи, то между языками, в которых имеется изменение слов, и языками, в которых не имеется изменения слов, не будет никакой разницы в грамматическом (по крайней мере в морфологическом) отношении»⁷.

Не находя в китайском языке морфологических категорий в узком смысле, Гао Мин-кай приходит к выводу, что в нем нет частей речи; это и является отличительной чертой китайского языка. Китайские слова лишь выполняют функции частей речи, но не являются таковыми сами по себе⁸. Слова могут выполнять функции разных частей

¹ *Ла* и *чжо*, по мнению многих китайских лингвистов, — глагольные видные суффиксы; *мынь* — суффикс множественного числа существительных, обозначающих лиц.

² Гао Мин-кай, В третий раз о частях речи..., стр. 24.

³ Гао Мин-кай, Проблема частей речи в китайском языке, стр. 51.

⁴ Гао Мин-кай, В третий раз о частях речи..., стр. 21.

⁵ См. В. Н. Ярцева, указ. соч., стр. 362.

⁶ См. Гао Мин-кай, В третий раз о частях речи..., стр. 22.

⁷ Там же, стр. 23.

⁸ Этой формулировкой Гао Мин-кай целиком солидаризируется с оценкой китайских слов, данной проф. А. С. Чикобава в его работе «Введение в языковедение», ч. I (М., 1952, стр. 183).

речи. Некоторые слова типа *mai* «муравей» могут выполнять лишь одну функцию (функцию существительного), но не являются частями речи, поскольку они не изменяются и в них никак не выражено значение «части речи».

Гао Мин-кай фактически представляет определенное, хотя, повидимому, не многочисленное направление в китайской лингвистике.

Каковы же взгляды и аргументы большинства лингвистов, считающих, что в китайском языке имеются части речи? Часть лингвистов согласна с тем, что вопрос о частях речи — это вопрос морфологический. Полемизируя с Гао Мин-каем, они стремятся обосновать наличие форм и морфологий в китайском языке и на этой основе доказать, что части речи в китайском языке существуют. Так поступают, например, два китайских языковеда Вэнь Лянь и Ху Фу — авторы дискуссионной статьи «Части речи в китайском языке».

Прежде всего они определяют понятие «форма». «Понятие „форма“, — указывают авторы, — имеет два значения — широкое и узкое. Форма в узком смысле слова означает суффиксы и префиксы отдельного слова... Форма в широком смысле, помимо изменений формы самого слова, включает в себя и взаимосвязи между словами, сочетания слов, порядок слов в словосочетаниях и т. д.»¹.

Так же, как и Гао Мин-кай, они считают, что форма в узком смысле в китайском языке представлена ограничено, что «у отдельно взятого слова изменений по формам не много...»², что «в китайском языке отдельно взятые слова, могущие измениться по формам составляют в конце концов меньшинство...»³. Однако, в отличие от Гао Мин-кай, они полагают, что эти ограниченно представленные формы имеют прямое отношение к разграничению слов по частям речи. Гао Мин-кай приводит в качестве примера словообразовательный суффикс *er*, при помощи которого от одного слова с предметным значением можно образовать другое слово также с предметным значением, и делает вывод, что прибавление этого суффикса к слову не относит слово к другой части речи.

Авторы Вэнь Лянь и Ху Фу также берут суффикс *er* (и, кроме того, суффиксы *zi* и *you*) и показывают на примерах, что имеются иные случаи: эти суффиксы, будучи прибавлены к словам, обозначающим действия или качества, создают слова с предметным значением, которые не только по смыслу, но и по грамматическим свойствам отличны от слов, не имеющих этих суффиксов (например: *lan* «толотый», *lanzi* «толотяк», *sia* «думать», *siantou* «мысль» и т. д.). Они пишут: «...нельзя отрицать, что эти формы могут оказать нам помощь при разграничении частей речи. В то же время мы также должны признать, что такая помощь недостаточна». Указанные формы (словообразовательные формы) авторы и признают формами в узком смысле слова⁴. Исходя из того, что в китайском языке таких форм мало, а слов, обладающих этими формами, немало, они считают необходимым расширить понятие морфологии и обратиться к форме в широком смысле. Они пишут: «В китайском языке, в котором у отдельно взятого слова изменений по формам немного, при разграничении частей речи необходимо исходить из конструкций, из взаимосвязи слов, из их сочетаний, т. е., иначе говоря, надо исходить из морфологии»⁵.

На большом фактическом материале авторы показывают, что на основе различной сочетаемости слов между собой и с различными служебными и полуслужебными словами в китайском языке возможно выделить определенные классы слов, отличающихся друг от друга, как указывают авторы, «формальными особенностями». Например, глаголы в китайском языке характеризуются следующими формальными особенностями: 1) они могут впереди себя принимать отрицание в модальных глаголах, 2) на конце могут иметь *le*, *chuo*, *so*, *chui* и т. д.⁶, 3) могут удваиваться, причем двусложные глаголы, в отличие от двусложных прилагательных, удваиваются целиком (у двусложных прилагательных удваивается каждый компонент).

Вывод авторов: основой для классификации китайских слов по частям речи является форма в широком смысле. Эта форма не может быть обнаружена у отдельно взятых слов. Следовательно, классифицировать вздоирванные слова невозможно. Их необходимо брать в конструкциях, во взаимосвязях, в отношении друг к другу.

¹ Вэнь Лянь и Ху Фу, указ. соч., стр. 62—63.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 63.

⁴ Авторы не разграничивают здесь понятий словообразования и формообразования.

⁵ Там же, стр. 62.

⁶ В списке авторы указывают, что *le* и *chuo* можно рассматривать как глагольные суффиксы, однако упоминают их, когда говорят о форме в широком смысле. В советской китайской литературе *le*, *chuo* и т. п. рассматриваются как видовые (или видо-временные) суффиксы.

«Части речи являются структурными категориями, вне структуры не приходится говорить ни о каких категориях»¹.

Проф. Цао Бо-хань в своей дискуссионной статье отмечает, что в китайском языке имеются и аффиксация, и ударение, и формы редупликации, т. е. различные формы, присущие отдельным словам. Однако изменения отдельных слов представлены ограниченно. Поэтому он также считает необходимым расширить объем морфологии. Цао Бо-хань пишет: «Если даже лингвисты будут ограничивать морфологию рамками флективного изменения формы слова, мы все же считаем, что в китайском языке возможно опираться не только на такие морфологические признаки для разграничения частей речи»².

Цао Бо-хань приводит ряд высказываний П. С. Кузнецова относительно морфологии и принципов выделения частей речи из статьи последнего «Грамматика» в БСЭ и замечает, что «аналитическая форма», о которой говорится в этой статье, образуется за счет сочетания двух слов — служебного и знаменательного. «Кузнецов признает, — пишет Цао Бо-хань, — что выражение за счет служебного слова определенной грамматической категории другого слова может образовывать морфологическую форму. Мы применим этот принцип шире. Если из отношений слов между собой выделить различные типы отношений, то это дает возможность установить целый ряд морфологических признаков у китайских слов»³. Цао Бо-хань далее приводит ряд примеров типовых отношений между словами и, в частности, отмечает, что в китайском языке прилагательные могут непосредственно определять существительные, а наречия не могут. [Рассматривая отрицание *бу* как наречие, Цао Бо-хань утверждает, что примеры типа *нань бу нань* «мужчина не мужчина», где *бу* непосредственно стоит перед именем, не могут характеризовать функционирование наречий и, в частности, отрицаний. То же самое отмечают и другие участники дискуссии, подчеркивая, что в китайском языке отрицание *бу* может оказаться непосредственно перед существительным лишь в специфических условиях, в особой конструкции (подобными примерами оперирует Гао Мин-кай, который, по мнению ряда участников дискуссии⁴, в данном случае берет специфическое, ограниченное условиями явление для опровержения общего правила, что неправомерно)].

Критикуя утверждение Гао Мин-кай о том, что на основе сочетаемости и взаимосвязи слов невозможно классифицировать и различать слова, Цао Бо-хань подчеркивает, что служебные слова в индоевропейских языках (союзы, предлоги) классифицируются и различаются лишь на основе их сочетаемости с другими словами, а также на основе их функций, поскольку им не присущи формальные изменения. Это же может относиться и к знаменательным словам. «Классификация слов по частям речи в грамматике проводится на основе их грамматических особенностей, а не на основе лексических, семантических особенностей»⁵, — пишет Цао Бо-хань. На фактическом материале он показывает, что словам действительно присущи грамматические особенности. Так, например, он берет предложение *тайн чулай* «солнце всходит и показывает, что морфема *ла*, выражающая завершение, может быть присоединена лишь к слову *чулай* «всходит» и совершенно не может быть присоединена к слову *тайн* «солнце» (*тайн чулайла* «солнце вошло»).

Цао Бо-хань считает, что китайское слово — как в предложении, так и вне его — всегда принадлежит к определенной части речи и обладает определенными, ей присущими функциями. Однако он считает, что иногда часть речи А может выполнять также и функцию части речи В. Например, глагол может быть употреблен в качестве подлежащего (постоянная функция существительного). В таком случае Цао Бо-хань предлагает употреблять двойное наименование для такого слова — *миндунци* «имя-глаголь».

Цао Бо-хань предлагает следующие критерии для разграничения слов по частям речи: 1) характер понятия, выражаемого словом, 2) позиция слова в предложении или словосочетании (роль или функция), 3) формы самого слова (словозменительные и словообразовательные).

Один из участников дискуссии — проф. Юй Мин полагает, что нет необходимости расширять рамки морфологии⁶. Он отмечает, что в китайском языке существует два

¹ Вэнь Лянь и Ху Фу, указ. соч., стр. 71.

² Цао Бо-хань, Вопрос о частях речи в китайском языке, «Чжунго юйвэнь», 1954, октябрь (№ 28), стр. 25.

³ Там же, стр. 24.

⁴ У Лу, Может ли *бу* сочетаться с существительными?, «Чжунго юйвэнь», 1954, ноябрь (№ 29), стр. 34—35.

⁵ Там же, стр. 25.

⁶ Юй Мин, Изменение формы слова и грамматическая среда, «Чжунго юйвэнь», 1954, октябрь (№ 28). Юй Мину принадлежит ряд работ по китайской морфологии, например, в журнале «Юйвэнь сюэси» (1954, апрель) была опубликована его работа «Формы китайского глагола».

вида изменений слов. Один вид изменений ведет к образованию новых слов (словообразование), этот вид изменений слов он называет изменением формы в «широком смысле». Другой вид изменений представляет собой образование различных форм одного и того же слова (словоизменение). Этот вид изменений он называет изменением формы в «узком смысле» слова. Изменение формы в «узком смысле» служит для выражения «грамматических категорий». Юй Мин указывает, что он, как и Гао Мин-кай, считает, что части речи выявляются за счет изменения формы («в узком смысле»), т. е. в морфологических признаках слов в узком смысле слова. В отличие от Гао Мин-кай, Юй Мин считает, что такие морфологические признаки у китайских слов имеются и служат главным основанием для разграничения слов по частям речи. Что же касается словопорядка, функций слов, их сочетаемости (Юй Мин подчеркивает, что речь идет о грамматической сочетаемости, а не о смысловой, о которой писал Гао Мин-кай: смысловая сочетаемость или несочетаемость не связана с грамматическими свойствами слов), то учет всего этого имеет несомненное (хотя и вспомогательное) значение для разграничения слов по частям речи¹. Юй Мин предлагает, однако, говорить здесь не о «форме в широком смысле», а о «грамматической среде» («грамматическом контексте»).

Критикуя Гао Мин-кай, «отказавшего» китайскому языку в морфологии (в «узком смысле»), Юй Мин утверждает, что такая морфология есть в китайском языке. Наиболее характерными в этом отношении являются формы повтора, различные для разных частей речи по внешнему выявлению и по характеру выражаемого значения. Так, повтор существительных дает значение «каждый», повтор прилагательных выражает интенсификацию качества («очень»), повтор глаголов выражает однократность совершения действия и т. д. Юй Мин приводит составленную им таблицу форм редупликации разных частей речи с указанием на особенности каждой формы и на характер выражаемой формой грамматического значения. Затем Юй Мин подробно показывает, как «грамматическая среда» («грамматический контекст») помогает выявить принадлежность слов к частям речи.

Юй Мин считает, что Гао Мин-кай держится ортодоксальной точки зрения индоевропейского языкознания и подходит к китайскому языку с индоевропейской меркой, а это неизбежно ведет к ошибкам. «В 19 веке индоевропейцы отказали китайскому языку в грамматике на том основании, что китайский язык не имеет т а к о й г р а м м а т и к и, какая имеется в языках индоевропейской с е м ь и н ь², — замечает он.

Юй Мин останавливается также на методах, которыми Гао Мин-кай пользуется при обосновании своих положений. Он отмечает, что Гао Мин-кай приводит примеры, не делая никакого различия между языком современным и древним и что перед таким материалом не устоит ни одно грамматическое правило.

Проф. Бо Хуэй в своей большой статье указывает, что морфология в узком смысле слова в китайском языке имеется. «И суффиксация, и повтор, — все это специфические формы, выражающие значение частей речи», — пишет он³. Однако вследствие того, что морфологические явления представлены все же ограниченно (большинство существительных не имеет именных суффиксов *эр, цзы, тоу, жэ*), а также вследствие того, что одни и те же форманты могут характеризовать не одну, а две части речи (*ла* и *чэо* соединямы и с глаголами, и с прилагательными), применение морфологического критерия имеет ограничения. Поэтому автор статьи предлагает пользоваться таким критерием, как сочетаемость и взаимосвязи слов, отмечая, что фактически все участники дискуссии, за исключением Гао Мин-кай, предлагают то же самое. Кроме того, он считает, что следует учитывать и характер значения слова. В заключение он перечисляет части речи и отмечает их основные грамматические отличия.

Несколько иначе ставит вопрос Люй Шу-син⁴. Прежде всего он сформулировал ход рассуждений Гао Мин-кай в виде такого силлогизма: части речи выделяются на основе форм слов (*большая посылка*), китайские слова не имеют форм (*малая посылка*), отсюда следует, что китайские слова не разграничиваются по частям речи (вывод). Основные возражения, указывает Люй Шу-син, концентрируются вокруг малой посылки, т. е. сторонники наличия частей речи стремятся доказать, что в китайском языке имеются морфологические основания для выделения частей речи. По мнению Люй Шу-синя, это весьма усложняет и запутывает проблему, поскольку вопрос о морфологии сам по себе не решен, под морфологическими явлениями разные лингвисты понимают различные вещи, по-разному пользуются соответствующими терминами и понятиями. В конце концов «форма», «морфология» — это лишь термины, которыми обозначают те или иные реально существующие явления. Целесообразнее, ввиду сложности и спорности вопроса о «форме» и «морфологии» в китайском языке, прямо обратиться

¹ Юй Мин. Изменение формы слова и грамматическая среда, стр. 15.

² Там же.

³ Бо Хуэй. Мой взгляд на разграничение частей речи в китайском языке, «Чжунго юйянь», 1955, февраль (№ 32), стр. 26.

⁴ См. Люй Шу-син, указ. соч.

к языковым фактам и посмотреть, имеются ли основания для грамматической классификации слов, т. е. имеются ли у слов объективно существующие грамматические особенности, по которым их можно было бы классифицировать в грамматических целях. Если такие основания имеются, то, следовательно, слова по частям речи классифицировать можно. Следует или не следует называть эти грамматические основания «формой» — особый вопрос.

Люй Шу-сян решительно высказывается за то, что китайские слова могут быть классифицированы по грамматическим признакам. Если проф. Гао Мин-кай, пишет он, признает различие между словами, которые он в своей работе «Ханьчэй юйфа дунь» называл «существительными», «глаголами» и т. д., но лишь отказывается называть соответствующие слова «частями речи», то это значит, что предметом спора является термин и спор приобретает схоластический характер. Если же он теперь более не признает таких различий, то возникает вопрос, каким образом проф. Гао Мин-кай думает излагать грамматику? ¹

В подтверждение своей мысли он приводит слова проф. Янь Цзин-чана: «Если устранить термины существительное, глагол и прилагательное и говорить лишь о знаменательных словах», то при разборе предложения: *Хао цзунци цзунцинь лаоши*, «Хороший ученик уважает учителя» придется сказать, что подлежащее, сказуемое, дополнение и определение выражены знаменательными словами. А это все равно, что ничего не сказать» ².

Люй Шу-сян считает, что классификация слов по частям речи, во-первых, должна максимально учитывать различные особенности слов, во-вторых, в результате классификации слова в основном должны быть закреплены за определенными частями речи (Люй Шу-сян допускает, что некоторое небольшое количество слов может входить в две или в три части речи) и, в-третьих, классификация должна быть четкой и определенной, с минимальным количеством двусмысленных случаев.

В свете этих требований он анализирует различные способы классификации слов, показывая достоинства и недостатки разных методов классификации. При этом Люй Шу-сян приводит большое количество фактического материала. Наименее удовлетворительной, по его мнению, является классификация, исходящая исключительно из функций слов в предложениях (выделение частей речи по членам предложения), поскольку этот путь классификации ведет к отрицанию закрепленности слов за определенными частями речи, к признанию, что части речи существуют лишь в предложении.

Наибольшую помощь при выделении частей речи, говорит он, может оказать учет всесторонних синтаксических связей слов, реализующихся при сочетании их между собой в словосочетаниях и предложениях. Характер синтаксических связей слов должен служить главным критерием. Здесь Люй Шу-сян особо подчеркивает заслугу Лу Чжи-вэя, еще в 1937 г. успешно пользовавшегося этим критерием (см. выше). Однако этот критерий имеет некоторые ограничения, поскольку иногда синтаксические свойства в связи слов разных категорий оказываются трудно различимыми. Одним из способов классификации слов, разбираемых Люй Шу-сяном, является классификация их на основе форм повтора. Однако формы повтора, являясь прекрасным средством различения глаголов и прилагательных, почти или совсем не присущи другим частям речи. Отсюда вытекает ограниченность применения этого средства.

Люй Шу-сян подробно разбирает вопрос о выделении частей речи на основе сочетаний знаменательных слов со служебными морфемами (*цзы, ар, ла, чжо, го* и т. д.), отрицанием *бу*, модальными глаголами и различными так называемыми «полузнаменательными» наречиями (типа: *зэн, сочень, тай* «весьма», *ген* «болше» и т. д.). Он называет все эти элементы «различителями» частей речи и сознательно не уточняет в своей работе, какова природа этих элементов — морфологическая или синтаксическая. Он констатирует, что по сочетаемости этих элементов со знаменательными словами безусловно можно судить о принадлежности слов к частям речи. Однако и здесь он отмечает известные ограничения в употреблении этих «различителей». Так, например, он отмечает, что суффиксы существительных (*эр, ую* и т. д.) не присущи всем существительным, что, например, морфемы *ла, чжо* и т. д. соединимы как с глаголами, так и с прилагательными, что модальные глаголы могут стоять и перед глаголами, и перед прилагательными и т. д. и т. п. Исходя из всего этого он предлагает считать разные критерии, брать совокупность разных признаков для определения принадлежности слов к части речи.

Касаясь вопроса об учете значения слов (характера понятий, выражаемых словом), Люй Шу-сян отмечает, что основываться на одном значении невозможно (исключение субъективизм). Даже те, кто на словах стоял за разграничение частей речи, исходя

¹ См. Люй Шу-сян, указ. соч., «Чжунго юйвэнь», 1954, сентябрь (№ 27), стр. 7.

² Янь Цзин-чан, Замечания и пожелания в связи с дискуссией по грамматике, «Чжунго юйвэнь», 1954, март (№ 21), стр. 16. Автор в этой статье также критикует взгляды Гао Мин-кай.

из значений (Люй Шу-сян имеет, в частности, в виду Ван Ыи и себя), на деле всегда пользовались грамматическими критериями. Тем не менее учет характера понятия, выражаемого словом, необходим.

«Если, — пишет Люй Шу-сян, — в результате какой-либо классификации слов будет много случаев столкновений классификации со значениями слов, то осмелюсь заверить, что такая классификация не встретит одобрения¹. Большое внимание он уделяет проблеме отнесенности одного и того же слова к разным частям речи, а также проблеме перехода слов из одной категории в другую (без изменения формы слова)².

Люй Шу-сян следующим образом решает этот вопрос. Он считает, что слов, совмещающих принадлежность к разным частям речи, в современном китайском языке незначительное меньшинство и они не определяют общей картины. Подавляющее большинство слов принадлежит к одной части речи. Он предлагает различать случаи, где действительно имеется это явление и где при наличии специфических условий в данном контексте слово, принадлежащее к части речи А, временно выполняет функции части речи В. Иногда все дело заключается в недостаточности, односторонности критерия: не учтена вся совокупность свойств слов. Так, например, обстоит дело с глаголами и прилагательными, которые могут (и те и другие) самостоятельно выступать в роли сказуемого, принимать впереди отрицание *бу*, а на конце морфемы *ла* и *чэо* и в которые резко различаются по другим свойствам. «Нужно лишь выработать другой критерий, и тогда исчезнет отнесенность одного слова к двум частям речи³.

Что касается теории перехода слов из одной категории в другую вследствие изменения функции слова, то она, по мнению Люй Шу-сяна, теоретически несостоятельна и возникла вследствие одновременного использования разных взаимно противоречащих критериев. Окончательный вывод Люй Шу-сяна таков: «Части речи выделяются на основе грамматических особенностей слов. В китайском языке не все слова (не все значительные слова) обладают одинаковыми грамматическими особенностями, следовательно, слова китайского языка, включая знаменательные слова, могут быть классифицированы по частям речи⁴.

В конце своей работы Люй Шу-сян отмечает, что одной из причин наличия больших разногласий среди китайских лингвистов является недостаточность привлекаемого фактического материала. «Мы с маленьким капиталом ведем большую торговлю, — замечает он⁵. Главное условие решения больших проблем и, в частности, проблемы частей речи — это овладение материалом.

*

Мы разобрали далеко не все статьи, в которых китайские лингвисты, критикуя Гао Мин-кай, обосновывают наличие в китайском языке морфологии и частей речи. В рамках нашего краткого обзора сделать это не представляется возможным. Упомянем еще лишь ряд писем в редакцию журнала «Чжунго юйвэнь». В своем письме в редакцию т. Шань Ши указывает, что Гао Мин-кай идет не от фактического материала, а от готовых формулировок, и именно поэтому в его статьях содержится много теоретических рассуждений и мало фактического материала. Даже тот материал, который привлечен Гао Мин-каем, — это разрозненные единичные факты, которые не могут служить основой для теоретических выводов⁶.

В другом письме т. Мо Му специально останавливается на разборе примеров, приводимых Гао Мин-каем, и констатирует, что очень многие примеры последнего ошибочны, не отражают общих правил и поэтому не могут быть использованы для доказательства⁷. Аналогичные высказывания содержатся и в других материалах дискуссии.

В 37-ом номере журнала «Чжунго юйвэнь» (1955, июль) опубликована редакционная статья «Относительно дискуссии о наличии частей речи в китайском языке».

¹ Люй Шу-сян, указ. соч., «Чжунго юйвэнь», 1954, сентябрь (№ 27), стр. 14.

² Эти явления имеют серьезное значение для классификации слов по частям речи. Именно исходя из этих явлений ряд исследователей (например, на Западе — А. Масперо, у нас — А. С. Чикобава, в Китае в настоящее время — Гао Мин-кай) считают, что у китайских слов нет постоянных функций и любое слово может выполнять функцию любой части речи, и, следовательно, нет смысла говорить о частях речи.

³ Люй Шу-сян, указ. соч., «Чжунго юйвэнь», 1954, октябрь (№ 28), стр. 17.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 22.

⁶ Шань Ши, «Лингвисты должны активно развивать критику и самокритику», «Чжунго юйвэнь», 1955, март (№ 33), стр. 41.

⁷ Мо Му, «Относительно примеров в статье «Еще раз о частях речи в китайском языке», «Чжунго юйвэнь», 1955, март (№ 33), стр. 42.

в которой подводятся итоги дискуссии о частях речи, проводившейся на страницах журнала с октября 1953 г. и освещенной нами выше.

В редакционной статье следующим образом излагается суть споров: те, кто отрицает наличие частей речи, считают, что части речи могут быть выделены лишь на основе формы в узком смысле (словоизменение); в китайском языке словоизменения нет (отдельные аффиксы и формы редуPLICATION имеют словообразовательный, а не словоизменительный характер) и, следовательно, в китайском языке невозможно выделить части речи. Противники этого взгляда считают, что при выделении частей речи надо опираться на ряд критериев, нельзя опираться лишь на форму в узком смысле (словоизменение) и, следовательно, в китайском языке возможно выделить части речи.

В статье отмечается, что хотя дискуссия и не решила еще проблемы частей речи в китайском языке, она, тем не менее, дала определенные результаты. Все пришли к тому, что, во-первых, нельзя выделять части речи, опираясь лишь на значение слов, и, во-вторых, что в китайском языке имеется морфология («интай»), хотя эта морфология отличается от морфологии индоевропейских языков. Странники наличия частей речи в китайском языке считают, что этот вопрос весьма сложен и нельзя пользоваться одним критерием для выделения частей речи; проблема частей речи может быть решена лишь при условии использования ряда критериев.

У сторонников наличия частей речи имеются расхождения по вопросу о критериях: одни предлагают два, другие — три, третьи — четыре критерия, причем сущность критериев раскрывается по-разному; нет ясности, какой из критериев считать главным и как пользоваться ими — одновременно использовать ряд критериев, либо же каждый раз использовать один какой-либо критерий как главный.

Помимо вопроса о самих частях речи, редакции считает необходимым вынести следующие три вопроса, которые еще не получили теоретического разрешения: 1) может ли существовать грамматика без частей речи? 2) необходимо ли при изложении грамматики различать явления общие и специфические? Могут ли специфические явления опровергнуть общие? 3) можно ли при обсуждении закономерностей современного китайского языка опираться на явления древнекитайского языка, а также на те явления, которые сохранились в устойчивых выражениях («чэньюй»)?

Редакция отмечает широкий интерес китайской научной общественности к дискуссии о частях речи.

Таково краткое изложение трактовок китайскими лингвистами проблемы частей речи в китайском языке.

Что касается взглядов советских китаеведов-лингвистов на проблему частей речи в китайском языке, то они в общих чертах были освещены в уже упоминавшейся статье Н. И. Конрада «О китайском языке».

Все советские китаеведы-лингвисты считают, что китайские слова могут быть распределены по большим группам, различающимся как своим обобщенным значением, так и грамматическими свойствами, т. е., что в китайском языке существует части речи. При этом одни из них делают больший упор на изучение синтаксических свойств слов, другие на морфологические особенности слов, по-разному используют семантический критерий и т. д.

Однако общее, что объединяет взгляды всех советских китаеведов-лингвистов, состоит в том, что они (как представители старшего поколения, так и молодые научные работники) в своих монографиях, учебниках, статьях и диссертациях¹ ведут исследования строя китайского языка именно в плане признания наличия частей речи в китайском языке.

В. М. Солнцева

«Gramatica limbii române». Red. resp. D. Macrea. — [București], 1954. (Acad. Republicii Populare Romîne.) Vol. I — Vocabularul, fonetica și morfologia. 447 стр. Vol. II — Sintaxa. 350 стр.

Выход в свет «Грамматики румынского языка» явился большим событием в культурной жизни Румынской Народной Республики. Потребность в такого рода труде издавна ощущалась в стране, но удовлетворение ее оказалось не под силу румынскому буржуазному языковедению.

¹ За последние несколько лет в Москве и Ленинграде было написано и защищено немало диссертаций, посвященных изучению строя китайского языка.

Новая «Грамматика», по замыслу ее составителей, должна служить авторитетным научным руководством, цель которого — помочь широким народным массам в овладении литературными нормами устной и письменной речи. Важную роль, несомненно, сыграет она и в повышении теоретического уровня преподавания родного языка в высших и средних учебных заведениях страны.

В рамках настоящей рецензии невозможно, конечно, охарактеризовать все особенности этого труда. Мы ограничимся поэтому лишь замечаниями об отдельных разделах и главах, представляющих, на наш взгляд, особый интерес с точки зрения достигнутых результатов и перспектив развития румынского языкознания.

Первый том «Грамматики» состоит из «Введения», «Словаря», «Фонетики» и «Морфологии». В конце тома — библиография (список источников, из которых берутся примеры), предметный указатель, указатель слов, тщательно разработанное оглавление.

Во «Введении» (написано проф. Д. Макря) изложены общие проблемы марксистского языкознания и сформулированы принципы составления описательной грамматики. Автор видит, в частности, основную цель «Грамматики» в том, чтобы в каждом случае (особенно в случаях колебания норм) «... указать соответствующую правильную форму или же наиболее рекомендуемое литературное употребление, отвечающее внутренним законам развития языка» (стр. 23). Большое внимание во «Введении» (и в специальных главах) уделено историческому объяснению явлений языка.

Но во «Введении» следовало, хотя бы кратко, сформулировать основные принципы учения о грамматической категории и способах ее выражения в языке. Тем более, что отсутствие достаточной последовательности в трактовке этих важнейших понятий приводит составителей, как это будет показано ниже, к нечеткости разъяснений ряда вопросов грамматики румынского языка.

За «Введением» следует раздел, посвященный словарю (§§ 1—30). Необходимость его мотивируется следующим образом: «Поскольку слова языка составляют строительный материал для грамматических форм и правил, раздел о принципах словаря по праву занимает место в начале всякой научной грамматики» (стр. 23). Составители следуют в данном случае давней традиции, воспринятой, в частности, и некоторыми советскими языковедами — авторами теоретических грамматик по западноевропейским языкам.

И все же включение этого раздела в «Грамматику румынского языка» не оправдано, на наш взгляд, ни принципиальными, ни практическими соображениями. В разделе рассмотрены следующие вопросы румынской лексикологии: анализ слова как лексической единицы (§ 1), характеристика понятий основного словарного фонда и словарного состава (§§ 5—6), замечания о семантике и звуковой форме слова (§§ 3—4), описание основных путей развития словаря (словообразование и заимствования, §§ 8—17).

Нетрудно, однако, увидеть, что изложение таких чисто лексикологических вопросов, как учение о семантике слова, об основном словарном фонде и словарном составе и т. п., ничего не может дать грамматике, поскольку последняя, как известно, строит свои правила и законы независимо от конкретного содержания слов. Что касается словообразования, которое тесно связано и с лексикой, и с грамматикой, то в указанной главе основные его процессы (суффиксация, префиксация, словосложение) рассматриваются лишь как пути обогащения словаря, т. е. также в чисто лексическом плане.

В §§ 3 и 4 форма слова определяется как «совокупность звуков слова», т. е. отождествляется со звуковой формой, хотя в «Морфологии» (§ 70) она рассматривается как изменение слова, имеющее грамматическое значение (см. об этом ниже).

В разделе «Словарь» разъясняются и принципиальные для данной работы вопросы — взаимоотношение между словообразованием (derivацией) и морфологией, между лексикой и морфологией, между словообразованием и синтаксисом. Словообразование (предмет морфологии в узком ее понимании) и словообразование относятся авторами к различным областям языка. Первое представляется как объект изучения грамматики, второе — лексикологии. «Вместе с тем, — говорится в главе, — факты, касающиеся derivации, часто переплетаются с фактами морфологии настолько, что их невозможно разделить» (§ 18).

Основным пунктом, сближающим морфологию и словообразование, новая «Грамматика» считает то обстоятельство, что процессы в той и другой области протекают по правилам, имеющим в виду «не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности». Подобно тому как окончания *-m*, *-ți* образуют 1-е и 2-е лицо множественного числа всех глаголов I спряжения (*cinăz m*, *cină-ți* «едем», «идете», *lucrăm*, *lucra-ți* «работаем», «работаете» и т. п.), так и суффикс *-tor* может образовывать почти от любого глагола существительное со значением действующего лица (*ascultător* «слушатель», *scârțâitor* «попугальщик», *vânător* «охотник» и т. п.). Такое различение не может вызвать принципиальных возражений. Можно было бы пожелать лишь более детального описания конкретных форм этой связи.

Взаимоотношения между словообразованием и синтаксисом (о связи лексиче...

морфологии см. ниже) иллюстрируются двумя группами явлений. Во-первых, имеется в виду синтаксическое происхождение сложных слов (из словосочетаний или даже целых предложений), что обуславливает классификацию этих слов по характеру их структуры: сочетание определяемого существительного с существительным определяющим — *unt-delema* (*unt + de + lema*) «растительное масло», предлога с существительным — *după-amiază* «послеполуденное время», существительного с определяющим прилагательным — *coate-goale* «оборванец», лексикализация целого предложения — *un lasa-mă să te las* «ямля», «бесхарактерный человек».

И своеобразным показателем связей синтаксиса со словообразованием являются случаи аттракции синтаксических отношений, переносимых с корневых слов на производные и наоборот. Так, по аналогии с *munca grea* «тяжелая работа» возникает конструкция *muncitori grei* «рабочие, занятые на тяжелой работе». По типу словосочетания *săracie lucie* «нищета» образована конструкция *sărac luciu* «нищий» (*sărac* означает «бедняк», *luciu* — «блестящий»).

За «Словарем» следует «Фонетика» (§§ 31—69). В первой главе этого раздела, «Орфоэпия», подчеркивается роль правильного литературного произношения для развития социалистической культуры и прежде всего для преподавания родного языка.

В своем развитии и распространении, указывают составители, румынскому литературному языку приходится преодолевать сопротивление различных диалектных особенностей произношения. Так, например, предлоги *de, pe, din, prin* в местных говорах Мунтеши, Баната и Кришаны произносятся как *dă, pă, din, prin* (в Банате также *pră, prin*), в Молдове — *di, pi, din, pin*. В Трансильвании, в результате перехода *d > g* перед следующими *e, i*, предлоги *de, din* звучат как *ghi (ghe), ghin*. В главе указывается на необходимость избегать этих местных особенностей произношения.

Но в некоторых случаях, отмечает «Грамматика», литературная норма менее устойчива. Так, наряду с произношением *pline* «хлеб», *mine* «рука» литературный язык допускает и формы *pîne, mîne*. Слова *seară* «вечер», *seară* «отчет», *seară* «сон», *seară* «шубка» произносятся и как *sară, zamă, zamă, greață*. Это объясняется тем, что в прошлом на формирование литературного языка оказывали влияние не только нормы Бухареста, но и произношение центра Молдовы — города Ясы. Мунтанскому (бухарестскому) произношению составители и рекомендуют отдавать предпочтение. Однако рекомендации и предупреждения относительно норм литературного произношения снискались по различным частям раздела (главным образом в главе «Варианты фонем») без соответствующих ссылок в «Орфоэпии».

Глава «Звуки (фонемы) румынского языка» изложена в соответствии с традиционными фонетическими системами, принятыми румынскими грамматистами. Классификация гласных учитывает три основных момента: место образования, степень открытости, лабиализацию. Для согласных такими факторами являются место артикуляции (губные, губно-зубные, палатальные, препалатальные, веллярные, ларингальные) и способ образования (звряные, полувзряные, щелевые, выбравные).

В § 33 звуки речи определяются как наименьшие звуковые единицы, которые «составили слова, служат общению между людьми». В § 51 определение уточняется сопоставлением с понятием фонемы. Фонема — это «фонетический тип, в котором объединены несколько фонетических вариантов, близких между собой с точки зрения физиологической и акустической». Эти варианты и называются звуками речи. В отличие от фонем они не имеют смыслообразительной функции (*nu au puterea ...de a diferenția cuvintele*).

В разделе есть небольшой очерк истории румынской фонетической системы, содержащий краткую характеристику звуков латинского языка и процесс перехода от латинской к восточнороманской и румынской фонетике. В § 50 отмечается большое влияние славянских языков на развитие румынских звуков. Славянским заимствованием объясняются, в частности, такие процессы, как появление звука *h*, развитие подгласного перед начальными гласными (*el* «он» > *iel*, «человек» > *iom*), палатализация согласных перед старым *i* (*plopi* «стопали»).

В историческом очерке желательнее было бы особо подчеркнуть сложную комбинационную румынских звуков (прежде всего гласных), резко выделяющую этот язык из других романских.

Глава «Варианты фонем» содержит интересный материал о нормах литературного произношения и многочисленных предупреждениях об отклонениях (преимущественно диалектного характера) от нее. Необходимо избегать, в частности, рекомендуют составители, редуцирования в произношении безударных гласных: *foarfăce* «вожницы», *măiță* «ветушка» (почти *foarfăce, măiță*). Неправильным следует считать открытие произношение *e — eăd* «вижу», *unde* «где», *eade* «видит» — как не соответствующее литературной норме. Следует избегать также смягчения *l*, свойственного обычно румынам, испытываемым непосредственное влияние русского или польского языков.

Надо, однако, заметить, что в главе перечисляется множество явлений, не соответствующих понятию варианта фонемы. Так, например, в параграфе «Варианты глас.

ного и дифтонгов ^oa, ^oa, ^oaa (§ 53) говорится, что вместо литературного конечного ударного ^oa в Молдове и Трансильвании произносятся *e*: *ste* «звезда», *fațe* «делал» и т. п. Но *e* представляет собой в румынском языке самостоятельную фонему и в данном случае обнаруживается не вариант фонемы, а звуковой закон, свойственный определенным диалектам. То же самое можно сказать о таких явлениях, как диалектное произношение *e* вместо ^oa (§ 53), об известной палатализации губных (*k'iđor* вместо *picior* «нога», *n'el* вместо *niel* «ягненок») и т. п. И поскольку в подобных случаях речь идет о самостоятельных фонемах, целесообразнее было бы их рассматривать в главе «Орфоэпия», а отнюдь не в связи с анализом вариантов фонем.

Раздел, посвященный морфологии (§§ 70—439), является основным в первом томе. Во «Вводных замечаниях» составители дают определение понятию «форма слова», «часть речи», «парадигма» (*flexiunea*). Здесь же перечисляются основные категории, по которым различаются части речи (род, число, падеж, лицо и т. п.), кратко разъясняется характер связи между морфологией и синтаксисом, сопоставляются лексические и грамматические значения суффиксов.

Формы слова в этом разделе (§ 70) определяются, как «все те изменения одного и того же слова, которые, сохраняя одно лексическое значение, служат для выражения связей данного слова с другими словами фразы или некоторых явлений их». Такое понимание формы слова весьма распространено в лингвистической литературе. Вблизи оно, в частности, и определению академической «Грамматики русского языка».

Большой опыт описания грамматических явлений чувствуется в первой специальной главе этого раздела — «Существительное». Для читателя нерумина здесь особую ценность содержат сведения о своеобразных и противоречивых морфологических процессах, не известных другим романским языкам. Это относится, в частности, к категории «среднего» (по старой терминологии «обоюдного») рода, специфика которой состоит в том, что соответствующие существительные в единственном числе употребляют с окончаниями мужского рода, в то время как во множественном числе они оформляются по образцу существительных женского рода: *pupitr* «пусть» — *pupitre*; *studiu* «учение» — *studii*; *pai* «соломинка» — *paie* «солома»; *deal* «холм» — *dealuri*; *spic* «колос» — *spice*; *unghiu* «угод» — *unghii*; *nume* «имя» — *nume*. Классификация существительных «среднего» рода (§ 111 С) дает исчерпывающие сведения о флексивных способах выражения этой категории и представляет собой надежный справочник по употреблению соответствующих форм. Вряд ли, однако, следовало изображать эту категорию как авалогичную латинскому среднему роду и предполагать, что в румынском она «угрешилась» под влиянием славянских языков (ср. § 83).

В виде стройной системы представлены в рецензируемом труде грамматические особенности существительных, обозначающих лицо (или персонализированное животное). Выступая в роли прямого дополнения, они требуют, по нормам румынской грамматики, особой приметы — предлога *pe*. Ср.: *Am văzut o casă* «Я увидел дом», но *Am întâlnit pe Ion* «Я встретил Иона». Из других особенностей этих имен можно указать также на препозитивное употребление грамматической приметы родительного и дательного падежа — *lui*: *I-am spus lui Ion* «Я сказал Иону». Особую ценность главы составляют многочисленные и хорошо подобранные примеры из художественной и общественно-политической литературы, иллюстрирующие основные значения падежных форм.

В «Грамматике» нет специальных обобщений, касающихся сопоставления значений падежных форм и предлогов, хотя отдельные материалы, помещенные в соответствующих главах, представляют в этом отношении широкие возможности. Форма родительного падежа, например, *țara* «земля» в румынском языке имеет значения, как possessivitate (*caprele Irinei* «козы Иринеи»), значения родительного субъекта (*trecearea timpului* «течение времени»), объекта (*simțirea nenorocirii lui* «ощущение своего несчастья»), аппозитивное или объяснительное (*luna lui april* «месяц апрель») и некоторое другое. Иначе говоря, в ней сохраняются основные грамматические значения латинского гетива. С другой стороны, предлог *de* выражает те же отношения, что и форма родительного падежа (*mîrlă de oraș* «центр города», *bucați de pine* «кусок хлеба»), хотя в основном он воспринял многообразные значения латинского аблатива (*ablativus separationis, temporis, auctoris, causae* и др.). Широкие обобщения соответствующих материалов были бы крайне интересны в теоретическом отношении, поскольку это помогло бы глубже раскрыть одну из важных особенностей грамматического строя румынского языка — специфическое (для романских языков) соотношение функций синтетических и аналитических форм.

В главе «Артикль» (§§ 133—140) хорошо описаны своеобразные категории possessivного артикла (*al, ai, a, ale*) и артикла при прилагательном (*articolul adjectival — cel, cea*). Интересны, в частности, замечания о стилистической роли артикла при прилагательном (§ 137).

Но параграфы, посвященные употреблению неопределенного артикла и случаям отсутствия артикла, слишком кратки и не систематичны, что особенно бросается в глаза при сопоставлении их с подобными описаниями в грамматиках других романских языков, где соответствующие явления аналогичны румынским.

В §§ 141—157 рассматривается морфология прилагательного. Составители выделяют в румынском языке прилагательные качественные (прилагательные в собственном смысле слова) и определительные (притяжательные, указательные, относительные, вопросительные и неопределенные). Такое деление соответствует традиционным классификациям прилагательных, принятым в западноевропейском языкознании. Но в «Грамматике румынского языка» желательным было бы четко сформулировать особенности каждой из этих групп. Как на основной признак качественного прилагательного (это делается в грамматиках русского языка при сопоставлении качественных и относительных прилагательных), можно было бы указать на степени сравнения. Не чуждым румынскому языку оказывается и второй признак качественного прилагательного, выделяемый в русских грамматиках,— образование при помощи суффиксов уменьшительных, ласкательных и увеличительных форм (*slab* «слабый» — *sîmbuț* «слабенький», *frumos* «красивый» — *frumuşel* «красивенький», *alb* «белый» — *albişor* «беловатый» и т. п.).

Раздел снабжен подробной таблицей склонений, наглядно показывающей сложное оформление прилагательного и определяемого существительного в зависимости от наличия артикли при прилагательном и от места прилагательного по отношению к существительному: *toarăşului bun, toarăş; ului celui bun, bunului toarăş* (все в значении «хорошему товару»).

Глава «Местоимения» (§§ 158—197) дает достаточно полное представление о морфологической структуре и употреблении этой части речи в румынском языке. Многие оправданным, в частности, представляется внесение в эту морфологическую, по существу, главу разрозненных относительно некоторых синтаксических особенностей данной части речи — употребление личных местоимений в качестве подлежащего (§ 164), характеристика свойственных местоимениям конструкций дательного этического (*dativul etic*) и притяжательного (*dativul posesiv*), плеонастическое употребление местоимений косвенного падежа и некоторые другие. Анализ синтаксических конструкций в данном случае облегчает понимание категории в целом.

Глава «Глаголы» (§§ 217—253), одна из наиболее обширных в первом томе, содержит три основные части — «Общие замечания», где дается краткая характеристика категорий глагола и средств их выражения, «Спряжение», содержащая подробное описание глагольных форм (включая изменения основных «неправильных» глаголов), и два раздела, посвященных употреблению времен и наклонений. В конце главы — краткие сведения о словообразовании глаголов (§ 322—326). Такое расположение материала предоставляет составителям «Грамматики» широкие возможности всесторонне осветить особенности этой части речи. Указанной цели отвечает в общем и обильный, хорошо подобранный иллюстративный материал.

Но некоторые формулировки и в этой главе страдают неточностью. Допустимы ли в академической грамматике, например, такие определения: «Действительный залог указывает, что действие совершено грамматическим субъектом» (§ 221). Или: «Страдательный залог указывает, что действие испытывается грамматическим субъектом (который стоит в именительном падеже), но логический субъект, производитель (autorul) действия может быть выражен или подразумевается» (§ 222).

После описания категорий лица, залога, числа, времени и наклонения (§§ 235—237) неожиданно следует совершенно невразумительный § 244 под названием «Грамматические категории глагола». Вот его дословный перевод:

«Глагол — это изменяемое слово, а изменения (*flexiunea*) его называются спряжением. Глагол имеет особые формы для выражения залога, лица, числа, времени, наклонения.

Эти изменения в соответствии с лицом, числом, временем и т. п. выражаются (*sînt indicate*) суффиксами, окончаниями, характерными изменениями формы, а также сложными формами».

Нетрудно увидеть, что здесь, помимо структурного недостатка главы, вскрываются уже серьезная недооценка теоретических аспектов грамматики. Такие формы, как инфинитив, причастие, герундий и суини по устаревшей традиции называются в «Грамматике» наклонениями (*modurile nepersonale*).

Наречия (§§ 327—339) в «Грамматике румынского языка» охарактеризовано со стороны словообразования (наречия корневые, производные, сложные) и с точки зрения его грамматических функций (наречия образа действия, места, времени, причины и цели). К наречиям образа действия (*adverbe de mod*) составители относят также, как *aierea* «действительно», *alene* «лениво», *altfel* «иначе», *anevoie* «с трудом», *asa* «так», «столь», (*adverbe de mod propriu-zis* «наречия образа действия в собственном смысле слова»). Кроме того, сюда же входят наречия количественные (*destul* «достаточно», *foarte* «очень» и др.), утвердительные (*da* «да», *fireşte* «естественно»), отрицательные (*başet*, *nu* «не»), сомнения или возможности (*parcă* «как будто», *poate* «возможно», усиления и уточнения (*chiar* «даже», *tocmai* «именно»), ограничения (*numai* «только»), объяснительные (*adică* «вот это»). Иначе говоря, эта группа совпадает в основном с наречиями, называемыми в русской грамматике качественными. Вместе с тем в нее вклю-

чены и слова «да», «нет», которые в советских языковедческих трудах относятся к разряду модальных частей.

Ни в § 337, посвященном степеням сравнения, ни в других частях главы ничего не сказано о превосходной степени сравнения наречий. Такой пробел недопустим для академической «Грамматики». Не может быть он оправдан и ссылкой (§ 337) на то, что «степени сравнения наречий образуются так же, как и у прилагательных».

В главе «Предлог» неудачно само определение этой части речи: «Предлог — это часть речи, которая помогает (ajută) выражению синтаксических связей, существующих между членами предложения, т. е. связей существительным и его атрибутом, между глаголом и его дополнениями, между прилагательным или наречием и их дополнением» (§ 340). Почему «помогает (или способствует) выражению». Предлог в румынском языке выражает не менее важные (и более многочисленные) грамматические связи, чем надежные формы, имеющие здесь пережиточный характер. Предлог *pe* в предложении *L-am întrebat pe Vasile* «Я спросил Василия», по мнению составителей, «только морфема винительного падежа, помогающая выражению прямого дополнения» (§ 345). В действительности же предлог *pe* в данном случае выступает как грамматическая форма (или внешний показатель) упоминаемой выше категории одушевленности. А эта последняя в румынском языке является одним из грамматических признаков синтаксической категории прямого дополнения. Нежелательно также в приведенном определении смешение морфологической и синтаксической терминологии.

Основными разделами второго тома «Грамматики румынского языка» — «Синтаксиса» — являются теоретическое введение «Общие замечания о синтаксисе», раздел «Синтаксис предложения», состоящий из двух основных частей («Виды предложений по содержанию» и «Синтаксис членов предложения»), «Синтаксис фразы», т. е. сложного предложения (основные части — «Сочинение», «Подчинение»). В конце тома (§§ 429—463) — глава о порядке слов в предложении (а также о порядке предложений во фразе) и небольшие разделы, посвященные синтаксической и стилистической роли интонации и ударения в румынском языке. §§ 469—482 посвящены пунктуации.

Для «Синтаксиса», так же как и для первого тома рецензируемого труда, можно отметить очень подробное описание грамматических процессов, сопровождаемое хорошо документированным и обильным фактическим материалом. С этой стороны и второй том «Грамматики» следует признать вполне надежным руководством по румынскому языку, намного превосходящим созданные до сих пор работы.

Теоретические принципы составителей «Синтаксиса» сформулированы в «Общих замечаниях» к тому и к основному разделам. Но изложение их слишком кратко и схематично. Некоторые важные положения общего языкознания составителями совершенно не учитываются.

В § 2 после определений предложения и «фразы» (сложного предложения) указывается, что в синтаксисе различают и словосочетания, «которые, выражая связь между двумя или большим количеством предметов (obiecte) или между предметами и их качествами (свойствами), вызывают в нашем сознании образ предмета, действия или состояния, воспринимаемый как единство: *Marea Revoluție Socialistă din Octombrie* «Великая Октябрьская Социалистическая революция», *examenul de sfirșit de an* «выпускной экзамен»». Нетрудно видеть, что в данном случае речь идет о так называемых фразеологических сочетаниях. Что же касается свободных синтаксических сочетаний, то о них здесь ничего не говорится, и «Грамматика» фактически сохраняет старую традицию, по которой эта категория не считалась самостоятельным объектом изучения.

Особенно неудачным представляется нам § 6. Здесь сказано, что синтаксис имеет в виду не только синтаксические функции слов и форм, не только роль членов предложений и различных предложений, составляющих «фразу», но и «определенные факты, касающиеся связи между членами предложения и между предложениями: согласование, порядок слов, порядок предложений, интонацию». Дело, однако, в том, что неречевые здесь «определенные факты» представляют собой смесь несоотносимых понятий. Согласование — это грамматическая (синтаксическая) категория, выражающая определенный характер связи между словами предложения или словосочетания. Его уместно было бы рассматривать вместе с другими категориями, передающими характер синтаксических отношений между словами (управление, примыкание), чего в «Грамматике» не сделано. С другой стороны, порядок слов и интонация — это средства выражения грамматических (синтаксических) категорий (называемые также грамматической формой, внешним показателем грамматической категории, модальностью и т. п.) и сопоставлять их следовало с другими грамматическими формами — флексиями, предлогами, чередованиями, имеющими грамматическое значение, и т. п.

Совершенно неожиданным и неоправданным представляется и § 7, озаглавленный «Синтаксис аффективного языка». Язык, считают составители, выражает не только «холодное суждение» (*judcata recie*), но и аффективное участие говорящего. Поэтому синтаксис «отмечает стень, в которой большое разнообразие психических состояний переносится в нашу манеру говорить». Синтаксис различает, по мнению авторов, речь человека спокойного, который подбирает слова «как надо» и человека взволнованного (*apsionat, emoționat, tulburat*).

Между тем отмечаемые здесь различия вполне объясняются особенностями так называемой разговорной речи. Обращение же к старым категориям психологии отнюдь не может способствовать внедрению марксизма в языкознание. В «Синтаксисе», правда, эта концепция широкого распространения не получила (см., например, § 406 «Об эллипсе»).

Значительную трудность вызывает при составлении грамматики размещение по разделам морфологии и синтаксиса материалов, касающихся грамматических значений падежных форм и предлогов. Задача здесь состоит, очевидно, в том, чтобы дать в обеих частях по возможности полное описание этих значений и избежать при этом лишней повторов. Преодоление этой трудности в «Грамматике румынского языка» не всегда можно считать удачным. Так, например, о родительном падеже в «Морфологии» (т. I, § 120) сказано, что он имеет семь основных значений (*posesiv, apartenenței, înrudirii, subiectiv, obiectiv, instrument al superlativului, apozitiv*). Но в «Синтаксисе», в § 141, посвященном атрибуту, выраженному существительным в родительном падеже, этих значений оказывается уже семнадцать. Помимо перечисленных в первом томе, здесь добавлены родительный материал (*fișia pământului* «подоса земли»), объяснительный (*meșterușul tămăduirii bolilor* «искусство исцеления болезней»), содержащая (*ostrovul florilor* «остров цветов») и другие.

Подобным же образом распределено и описание функций дательного падежа (при выражении атрибута). В «Синтаксисе», например (§ 143), указываются такие грамматические значения дательного падежа, как объектное и целевое, о которых в «Морфологии» ничего не говорится.

В свете марксистского определения грамматики значения падежа выступают как значения морфологические, т. е. передаваемые изменениями слов (хотя в выражении их принимат участие и контекст, т. е. соединение слов). Поэтому целесообразнее было полнее описать их в первом томе. Что же касается синтаксической категории определения, то она выражается во всех приведенных примерах формой родительного падежа независимо от конкретных грамматических значений этой формы. Именно поэтому нет необходимости описывать их подробно в «Синтаксисе».

Такой принцип выдержан составителями при рассмотрении других синтаксических категорий. Например, о косвенном дополнении (§ 197) сказано, что оно выражается дательным, винительным и родительным (последними двумя с предлогами) падежами, грамматические значения которых в данном случае не уточняются (и в этом здесь нет необходимости); обстоятельство места (§ 204) передается наречиями, предложными конструкциями с существительными и местоимениями, обстоятельство причины (§ 214) — сочетаниями предлога с существительными, местоимениями, прилагательными, а также отглагольными именами (причастием, герундием). Наиболее последовательно указанный принцип выдержан в отношении предлогов. В «Морфологии» (§§ 346—377) представлены подробные описания их грамматических значений. Во втором томе указывается лишь участие того или иного из них в выражении отдельных синтаксических категорий.

По четкому плану и очень обстоятельно описаны в «Синтаксисе» различные виды придаточных предложений. В каждой из соответствующих глав есть параграфы, посвященные определению предложения, характеристике союзов и союзных выражений, которыми оно вводится, анализу употребления наклонений, рассмотрению побочных грамматических значений (например, причинных и усугубительных оттенков временного придаточного предложения).

Роль порядка слов в «Общих замечаниях» (§ 429) к специальной главе разъяснена недостаточно глубоко. Составители указывают, что в румынском языке порядок слов не является строгим влствие сохранения падежной системы. Но существует тем не менее обычная, наиболее распространенная в языке последовательность членов предложения, «которая соответствует логическому развитию мысли: подлежащее + определение + сказуемое + прямое и косвенное дополнение + обстоятельство. Если не считать рационалистического объяснения порядка слов ходом мысли (здесь не учитывается также, что определение может стоять и при других членах предложения), то остальное все верно. Но для академической «Грамматики» этого явно недостаточно.

Грамматическая и стилистическая роль порядка слов выясняется обычно на базе сопоставления соответствующих явлений в языках так называемого синтетического строя (латинском, русском) и аналитического (французском, английском). Известно нам хорошо известно, что в первом случае порядок слов имеет преимущественно стилистическое значение, во втором — преимущественно грамматическое. В румынском языке эта грамматическая роль порядка слов весьма значительна, поскольку падежная система и чем не обладает уже тем богатством форм, которое было характерно для латыни.

Но с этим простым, в сущности, наблюдением связано выяснение ряда важных особенностей системы грамматических отношений в языках того и другого строя. В латинском (и русском) языках грамматическая форма (флекция) выражает морфологическую категорию падежа (например, винительного), которая в свою очередь передает синтаксическую категорию (прямое дополнение). В языках аналитического строя грам-

матическая форма (в данном случае порядок слов) выражает синтаксическую категорию непосредственно, без «промежуточных» морфологических категорий падежа. И это обстоятельство несомненно следовало в «Грамматике» разъяснить и полностью учесть при описании особенностей порядка слов в румынском языке сравнительно с датским и другими романскими языками.

Выше указывалось, что большим недостатком «Грамматики румынского языка» является отсутствие в ней хотя бы краткого изложения основных положений учения о грамматической категории и грамматической форме. Характер разъяснения некоторых вопросов в рецензируемом труде показывает, что в данном случае обнаруживается не только упущение технического порядка, но и некоторое общее отставание румынистов в разработке теоретических проблем языкознания. Вот как, например, определяется в «Грамматике» категория числа: «Форма, которую принимает слово, чтобы указать, идет ли речь об одном или о многих экземплярах вида, называется числом» (т. I, § 73). Как «формы» (или «изменение форм») рассматриваются и категории рода, падежа, лица, залога, наклонения, времени. Но подобное представление совершенно не соответствует принятым в современном языкознании определениям грамматических категорий как общих понятий, выражаемых в изменении слов и в сочетании слов в предложениях. С таким определением, кстати, несовместимо и приведенное выше (из § 244) правильное утверждение, что «глагол имеет особые формы для выражения залога, лица, числа, времени, наклонения». Все это приводит к большой терминологической путанице («формы» называется и звуковая форма, и грамматическая форма слова, и грамматическая категория).

Зыбкость представлений об основных понятиях грамматики заметно сказалась и на трактовке связей между различными структурными частями языка.

В «Грамматике» иногда можно встретить очень удачные анализы этих связей. Так, в § 79 первого тома составители показывают, что одни и те же суффиксы могут иметь и грамматическое, и лексическое значение. Суффикс *-ă*, например, в словах женского рода выполняет словообразовательную функцию, поскольку при его помощи от корня может быть образовано существительное женского рода (от *tunc* — *tuncă* «работы»). И в то же время он выражает здесь грамматические категории рода, числа, падежа.

Но в некоторых случаях соответствующие связи оказались не вскрытыми. Приведем лишь один пример. Порядок слов в румынском языке очень часто выступает как грамматическая форма. Однако в сочетании прилагательного с определяемым существительным здесь (как и в других романских языках) наблюдается своеобразное явление — прилагательное может менять свое лексическое значение в зависимости от того, стоит ли оно в препозиции или в постпозиции. В сочетании *un veciu pod* «старый мост» прилагательное *veciu* имеет значение «давний», «который уже не существует». Но в конструкции *haine vechi* «старые одежды» то же прилагательное имеет значение «поношенный» (см. т. II, § 436). Грамматическая форма (порядок слов) выступает в этих примерах как средство выражения лексических значений. Иначе говоря, здесь мы уже имеем дело с иною формой взаимоотношения лексики и грамматики, чем в предыдущем случае.

Вторая принципиальная для данного труда проблема — это связь морфологии и синтаксиса. Составители в разъяснении этой связи исходят из двух основных положений: «различные формы (*inflexiuni* буквально: «виды») изменяемых слов находят свое объяснение в многообразии синтаксических функций» (т. I, § 71). И далее: «Морфология занимается изучением грамматических форм, но эти формы имеют содержание, которое изучается синтаксисом» (т. II, § 4).

Нетрудно видеть, что в этих высказываниях, приведенных без каких-либо разъяснений, морфология рассматривается как дисциплина, целиком подчиненная синтаксису. Между тем, как справедливо указано в «Грамматике русского языка» (т. II, ч. 1, стр. 7), даже «те морфологические категории, которые обнаруживают совокупность своих функций в синтаксических отношениях слов, имеют и другую, чисто морфологическую, вполне самостоятельную сторону своего существования, являющуюся основным предметом изучения в морфологии». Согласно второму из приведенных высказываний, морфология имеет дело лишь с формами, а грамматическое содержание целиком относится к области синтаксиса. Составители не учитывают, таким образом, что грамматическое содержание может быть и морфологическим, и синтаксическим, в зависимости от того, передается ли оно изменением слов или соединением слов в предложениях.

В рецензируемом труде несколько раз подчеркивается абстрактный характер грамматики. Но при анализе грамматических категорий указанное соображение учитывается не всегда. Вот, например, одно из определений категории рода (т. I, § 73): «Форма, которую принимают существительные — имена одушевленные (*nume de animal*), чтобы указать пол существа, называется родом: *masculin* («трудный») — *masculin* («трудный»). Это — естественный род. Кроме того, в существительном есть еще грамматический род, категория, полностью подобная (*perfect asemănătoare*) с точки зрения форм естественному роду. Дальше утверждает.

ся, что некоторые «имена неодушевленные» принимают такие же окончания, как и «одушевленные», либо унаследовав их от времен, когда люди «приписывали им душу» (le attribua un âme), либо были созданы по аналогии с «одушевленными».

Совершенно очевидно, что старательно описывая «естественный род» и не отступая от этого понятия даже при рассмотрении «несоответствий», составители оказались в плену устаревших представлений о грамматической категории рода и не раскрыли ее основного содержания как средства выражения предметного значения имен существительных.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемый труд, содержащий обстоятельное и в большинстве случаев квалифицированное описание грамматического строя румынского языка, является очень ценным вкладом в румынское языкознание и несомненно в полной мере характеризует новый этап его развития. Вместе с тем, его недостатки свидетельствуют о настоятельной необходимости для лингвистов Румынской Народной Республики усилить внимание к разработке общелингвистических проблем в свете марксистско-ленинского учения о языке.

В. А. Лисицкий

W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. — Wien, Gerold und C^o, 1955. 56 стр.

Лингвистические и археологические открытия последнего времени сделали возможным решение наиболее сложных вопросов древней истории Эгейского мира. Ставшие доступными для исследования памятники крито-микенской письменности по-новому освещают происхождение гомеровского эпоса, ранние этапы развития древнегреческих диалектов и расселение их носителей. Каждое исследование, посвященное этим проблемам, привлекает к себе особое внимание.

Книга В. Мерлингена является продолжением целого ряда исследований В. Георгиева, в которых было установлено наличие в греческом языке значительного числа заимствований из «догреческого» индоевропейского языка¹. В. Мерлинген справедливо отмечает большое теоретическое значение работ В. Георгиева, обнаружившего следы ранее неизвестного индоевропейского языка («догреческого») посредством сравнительно-исторического анализа слов, заимствованных из этого языка другим (древнегреческим). В. Мерлинген считает, что такой принципиально новый способ обнаружения следов исчезнувшего языка путем изучения заимствований из этого языка в другой язык делает открытие В. Георгиева по меньшей мере столь же значительным, как закон Вернера или закон палатальных (стр. 3)².

Концепция «догреческого» языка в работах В. Георгиева постепенно изменялась по мере накопления новых фактов. Отказавшись от своей первоначальной гипотезы об иллирийском характере этого языка, В. Георгиев на протяжении ряда лет продолжал отстаивать положение о том, что «догреческий» язык был языком крито-микенской письменности³. В настоящее время он признает, что эта гипотеза опровергается расшифровкой крито-микенских памятников линейного письма В, язык которых оказался древнегреческим⁴.

Но в то же время результаты расшифровки крито-микенских текстов не противоречат теории о существовании «догреческого» языка, известного не из письменных памятников, а лишь благодаря словам, проникшим из этого языка в греческий. Исследование таких слов доказывает реальность существования «догреческого» языка, но вопрос о его носителях остается дискуссионным. Поэтому В. Мерлинген выступает правильно, разграничивая две стороны проблемы «догреческого» языка: в первой части его исследования (стр. 1—31) изучаются характерные черты «догреческого» языка, во второй же части (стр. 32—53) рассматриваются те данные лингвистики и истории, которые, по мнению автора, могут быть использованы для определения носителей этого языка.

Первая часть книги В. Мерлингена посвящена главным образом вопросам фонетики и этимологии. На большом материале Мерлинген доказывает принадлежность

¹ См. краткое изложение итогов этих исследований в статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» (ВЯ, 1954, № 4, стр. 58—59).

² Здесь и далее в тексте в скобках даются ссылки на страницы книги В. Мерлингена.

³ См. рец. Б. В. Горнунга на кн. В. Георгиева «Проблемы минойского языка» (ВЯ, 1954, № 2).

⁴ Ср. Вл. Георгиев, Введение в чтение и толкование крито-микенских надписей, ИАН ОЛЯ, 1955, вып. 3, стр. 271.

«догреческого» к числу языков *sašm* (стр. 16—26). Примеры, подтверждающие это доложение, могут быть упомянуты: к словам, приводимым Мерлингеом, можно прибавить глоссу Гесияна *σρασι*: *τραξσι* «позовки», где засвидетельствовано догреческое название «позовки» *σρασα* (из **ḥorsā*), родственное латинскому *currus* (из **ḥrsus*) и ирландскому *carr* (из **ḥrso*)¹. В. Мерлинген показал, что в греческих словах догреческого происхождения индоевропейские палатальные чаще всего отражаются в виде *σ* (причем одинаковое отражение глухих и звонких может быть связано с передвижением согласных в догреческом). Но некоторые вопросы, связанные с развитием индоевропейских палатальных в догреческом, еще нуждаются в уточнении. Объясняя геминацией появление *σσ* на месте индоевропейского палатального (стр. 26), Мерлинген не распространяет это объяснение на *κρσσβ*; «кувшин» (стр. 18). Между тем удвоение *σσ* в этом догреческом слове можно сравнить с геминацией в родственном древнеанглийском *scossa*, *crohha*². Мерлинген отрицает предполагаемое в некоторых случаях Георгиевым развитие палатального в интердентальный спирант, что заставляет его сомневаться в догреческом происхождении таких слов, как *δσσ* «воровать» (стр. 56), и *τρσνσς* «царь, тиран»³ (стр. 23, прим. 17-а). Но догреческие слова дошли до нас только через посредство другого языка с иным звуковым строем. Поэтому нельзя считать исключенным то, что в этих словах могли произноситься спиранты или аффрикаты, передаваемые либо греческим спирантом *σ*, либо греческим смычным (например, *τ*). В этой связи следует напомнить, что еще Э. Сепир, высказывая предположение о принадлежности догреческого и филистимского языков к анатолийско-эгейской группе индоевропейских языков и сравнивая с догреческим *τρσνσς* встречающийся в древнееврейских текстах титул филистимских царей *sarn-*, предполагал для этого филистимского слова происхождение **tsarn*⁴ (с начальной аффриктой *ts*).

Значительный интерес представляет данный Мерлингеом анализ истории фонемы *s* в греческом языке (стр. 27—30). Мерлинген указывает, что в древнейший период развития греческого языка *s* и *h* были позиционными вариантами одной фонемы (при этом Мерлинген ссылается на аналогичные факты эвского языка, используя работы советских филологов, в частности Л. Р. Зиндера). Согласно Мерлингену, возможность утраты фонемы *s* в любой позиции появилась в результате позднейшего влияния догреческого языка на греческий. Сохранение интервокального *-s-* в окончании дательного падежа множественного числа основ на *-eu-* при обычном отсутствии интервокального *-s-* в языке древнейших греческих текстов, написанных линейным письмом В, Мерлинген объясняет догреческим происхождением основ на *-eu-* (стр. 30). По отношению к надежному окончанию такое объяснение нельзя считать единственно возможным, так как здесь вероятно и действие аналогии: ср. одностинные формы дательного падежа множественного числа на *-eu-si* (*-ευσι*), основы на *-ε-*) и на *-te-si* (*-τῆσι*, основы на *-τῆ-*) в греческих текстах линейного письма В⁵. Но гипотезу Мерлингена о сохранении интервокального *-s-* в основах на *-eu-* можно было бы использовать для объяснения встречающегося в пилосских табличках линейного письма В существительного *ki-ri-se-we*, интерпретируемого Вентрисом и Чадвиком как **ḥrσσῆτες* «те, кто умащают»⁶ (ср. *ḥrσ* «умащать»).

¹ Ср. об этимологии этого слова: O. Lagercrantz, Zwei griechische Fremdwörter, «Indogerm. Forschungen», Bd. 25, Teil I, 1909, стр. 367—370; W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, стр. 102.

² См. о фонетических особенностях германских и кельтских слов этого корня у Ж. Вандриеса (J. Vendryes, A propos du mot *ρρσσβς*, «Choix d'études linguistiques et celtiques», Paris, 1952). Но ср. также объяснение А. Ван Виндекена (A. J. Van Windeken, Zur pelagischen Wortforschung, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. 72, Heft 3/4, 1955, стр. 209—211).

³ См. объяснение этих слов как догреческих в статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков», стр. 59 и 60.

⁴ См. E. Sapir, Hebrew 'argiz, a Philistine word, «Journal of the American Oriental Society», vol. 56, № 2, 1936, стр. 279, примеч. 23. В указанной статье Сепир предположил индоевропейское происхождение слова *sarn-*, но не дал ему этимологического объяснения; индоевропейская этимология этого слова была позднее дана В. Георгиевым (см. V. Georgiev, Sur l'origine et la langue des pélasgues, des philistins, des danaens et des achéens, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. I, Heft 2, Heidelberg, 1950, стр. 138—139).

⁵ M. Ventris and J. Chadwick, Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives, «The Journal of Hellenic studies», vol. LXXIII, 1953, стр. 95 и 97.

⁶ Там же, стр. 97; В. Георгиев, Нынешнее состояние толкования критоминойских надписей, София, 1954, стр. 80. Ср. об интервокальном *s* в этом слове P. Chantraine, Le déchiffrement de l'écriture lin aire B à Cnosos et à Pylos, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», t. XXIX, fasc. 4, Paris, 1955, стр. 28.

Для сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков существенно то, что в ряде слов θ , считавшееся ранее греческим отражением индоевропейского глухого придыхательного **th*, может быть объяснено как догреческое отражение индоевропейского **t* (стр. 9—10). Поскольку глухие придыхательные в древнеиндийском также могут быть объяснены как результат вторичного развития (связанного с воздействием исчезнувших «ларингалных» и с влиянием субстрата), в настоящее время нельзя считать достаточно обоснованной гипотезу о существовании глухих придыхательных в общиндоевропейском языке.

При изучении развития придыхательных согласных в греческих словах, заимствованных из «догреческого», большое значение имеет установленное относительной хронологии различных фонетических явлений. В. Георгиев показал, что в этих словах диссимилиация придыхательных осуществлялась в два разных периода: до передизвижения согласных в «догреческом» и после этого передизвижения. Оба диссимилиативных процесса Георгиев считал догреческими¹, Мерлинген же полагает, что образовавшиеся после догреческого передизвижения согласных придыхательные подверглись «греческой диссимилиации придыхания» (стр. 3). Псевдимиуму, Мерлинген считает, что вторая (более поздняя) диссимилиация произошла уже после заимствования «догреческих» слов в греческий язык, но в таком случае ему не следовало бы приводить это явление в качестве одного из фактов фонетической истории «догреческого» языка.

Более детальное рассмотрение этих явлений в книге Мерлингена было бы в особенности желательным потому, что данные факты имеют большое значение для решения обсуждаемого в книге вопроса о времени взаимодействия греческого и «догреческого» языков. Против предположения о том, что образовавшиеся после передизвижения согласных придыхательные диссимилировались еще в «догреческом», говорит наличие диалектных вариантов «догреческих» слов, где такие согласные не диссимилировались: аттик. *Φαρθίνε*, аркадск. *φάρθεν* при обычном *φάρθινος* «дева» (стр. 5, прим. 7); ср. *Φαρθίνε* при гомеровском *Περσεφόνεια* «Персефона» (стр. 7). Поэтому можно думать, что, например, индоевропейское **tokus* (др.-индийск. *taku-h* «быстрый») имело в догреческом форму **thakhus* и только после заимствования его греческим языком осуществлялась диссимилиация **θαχυς* > *ταχυς* «быстрый» в соответствии с законами фонетического развития греческого языка (ср. форму сравнительной степени *θισσών*, доказывающую существование начального θ в этом слове уже после заимствования его греческим языком). Следовательно, проникновение многих догреческих заимствований в греческий язык можно с известным вероятием отнести к эпохе, предшествовавшей диссимилиации придыхания в греческом, т. е. к очень раннему периоду развития греческого языка.

В первой части книги Мерлингена дается ряд новых этимологий греческих слов, объясняемых как «догреческие» (в том числе такие убедительные сопоставления, как *ξύλος* «околудь»: нем. *Eichel*, «орешек», стр. 10), а также приводится список наиболее достоверных догреческих слов из числа обнаруженных ранее В. Георгиевым и Ван Виндекенсом. Однако этот список нельзя считать исчерпывающим. В нем отсутствует, например, сравнение глагола **ku-ve-s-* «целовать» (реконструированного Кречмером и другими лингвистами на основе гомеровского *κύνω* «целую»: *κύωσα* с немецким *küssen*², между тем общиндоевропейский характер этого глагола подтверждается сравнением с хетским *kunaz-* «целовать»³.

На основании исследований в книге фактов Мерлинген приходит к выводу, что «догреческий» язык отождествить ни с одним из известных индоевропейских языков (стр. 41—42). Особенно существенно то, что по своим характерным фонетическим чертам «догреческий» отличается от иллирийского и фракийского языков. Но, определяя место «догреческого» языка среди других родственных языков, Мерлинген склонен преувеличивать значение того, что «догреческий» принадлежит к числу языков *satam* (ср. стр. 16). При изучении развития палатальных в индоевропейских языках можно обнаружить значительное число противоречивых фактов. Родственные слова могут быть представлены в близких языках и даже в одном и том же языке и с отражением палатальных по типу *sentim* и с отражением непалатальных по типу *satam*; ср., например, индоевропейское название «рога», к которому восходит клинописное хетское

¹ V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lief. I, Sofia, 1941, стр. 72. Ср. A. J. Van Windekens, *Le prélasgique*, Louvain, 1952, стр. 20.

² См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lief. I, стр. 90.

³ Ср. о связи *küssen* и хет. *kunaz-* E. Polomé, *Notes sur le vocabulaire religieux du germanique*, «La nouvelle Clio», t. VI, 1954, № 1—2, стр. 42. Сопоставление хет. *kunaz-* с итеративным глаголом на *-k-* *kunak-* позволяет предположить, что *-z-* в *kunaz-* является древним суффиксом, так как суффиксы *-s-* и *-sk-* часто чередуются в производных от одного и того же корня в хетском и других индоевропейских языках. В этом случае в догреческом **ku-ve-s-* имеется сочетание носового аффикса с суффиксом *-s-* того же типа, что и в «тохарских А» (карашарских) глаголах на *-nas-*, лувийских глаголах на *-neš-* и ведийских глаголах на *ni-s-*.

kaḡaḡar «рог»¹ и иероглифическое хеттское *ḡurana* «рог», русск. *корова* и *серна*, лит. *kārvė* «корова» и *stirna* «серна», иллирийск. *corn-, cor-* в собственных именах² и «догреческое» *σέρροι, ἔλαφος* («олени», глосса Гесихия). Поэтому классификация по данному признаку таких мало изученных языков, как иллирийский и «догреческий», крайне затруднительна.

Мерлинген указывает на сходство между «догреческим» и древнеиндийским языками в отношении диссимиляции звонких придыхательных и развития **bht* > **bdh* (которым Мерлинген на стр. 26—27 объясняет возникновение группы βδ³), но этого совершенно недостаточно для признания особой близости двух названных языков (стр. 42). Ввиду наличия общих для «догреческого» и германских языков фонетических черт (отражение слоговых сонантов типа **r* > *ur*, передвижение согласных) представляют интерес отмечаемые Мерлингеном лексические связи между этими языками (стр. 13): к фактам, указанным Мерлингеном, следует присоединить очень показательное соответствие догреч. *σιῦν* «молчание» и др.-в.-нем. *swīgin* «молчать»⁴, а также сходство специфического употребления производного от основы **b^her²h* в значении «крепость» (гот. *burgs*, догреч. *πύργος*; ср. галльск. *-briga* в *Admageto-briga*⁵). Однако название «козы» **aiǵ-*, отраженное, по Мерлингену, в «догреческом» (стр. 26), в германских языках не встречается, но характерно для греческого, иранского, армянского и иллирийского⁶.

Во второй части книги В. Мерлинген излагает чрезвычайно спорную гипотезу о том, что «догреческий» язык был не субстратом, а суперстратом для греческого. Из этого В. Мерлинген делает вывод, что на «догреческом» языке говорили ахейцы — носители микенской культуры. Очевидное противоречие между этой гипотезой Мерлингена и результатами расшифровки крито-микенских текстов, написанных по-гречески, не может быть устранено предположением о том, что греческий язык в Микенах был только языком писцов (стр. 45). Выказывая это предположение, В. Мерлинген не рассматривает специально вопроса о распространении крито-микенской письменности. Следует признать, что данный вопрос остается очень сложным. Если Уэйс объясняет случайностью и способом ведения раскопок отсутствие входов письменных памятников во дворцах континентальной Греции микенского периода⁷, то Нильссон склонен придавать этому обстоятельству большое значение. Согласно Нильссону, сходство иносских табличек на Крите и пилосских на континенте объясняется особенно тесной связью Кносса и Пилоса; поэтому не случаен тот факт, что, за исключением Пилоса, ни в одном месте континентальной Греции большие архивы не обнаружены (иричем в Микенах таблички были найдены только в «доме торговца»)⁸.

Спор между Уэйсом и Нильссоном может быть решен только после дальнейших археологических исследований, но во всяком случае нет необходимости прибегать к гипотезе о том, что язык писцов был отличен от языка основной массы населения Микен. То, что носители микенской культуры говорили на греческом языке, подтверждается многообразными фактами; в этой связи особый интерес представляет обнаружение значительного сходства между языком и стилем крито-микенских таблиц линейного письма В и языком гомеровского эпоса⁹. Предположение о том, что греки в микенский период были под властью носителей «догреческого» языка, противоречит данным письменных источников, свидетельствующих о могуществе греков, которые захватили

¹ См. об этом хеттском слове Н. Оттен, [Рец. на кн.:] J. Friedrich, *Hethitisch-Wörterbuch*, «Zeitschrift für Assyriologie», N. F., Bd. 17(51), Mai 1955, стр. 275.

² W. Porzig, указ. соч., стр. 149, 175 и 216.

³ Независимо от Мерлингена к выводу о догреческом происхождении группы βδ в ряде греческих слов пришел Дериуа (см. L. Deroy, *Les mots grecs du type πτολος et la spirante dentale indo-européenne*, «L'antiquité classique», t. XXIII, fasc. 2, 1954, стр. 311).

⁴ Это соответствие дополняет картину распределения по индоевропейским языкам глаголов со значением «молчать», которая обрисована В. Порцигом (см. W. Porzig, указ. соч., стр. 107 и 215). О лексических связях «догреческого» и германских языков ср. A. J. Van Windekens «Zur pelagischen Wortforschung», стр. 241.

⁵ Ср. W. Porzig, указ. соч., стр. 173.

⁶ Там же, стр. 163; ср. стр. 114 и 181.

⁷ A. J. B. Wace, *The discovery of inscribed clay tablets at Mycenae*, «Antiquity», № 106, June 1953, стр. 84.

⁸ P. Nilsson, *Das frühe Griechenland, von innen gesehen*, «Historia», Bd. III, Heft 3, 1955, стр. 259. Ср. об ограниченном распространении письменности в материковой Греции S. Dow, *Minoan Writing*, «American journal of archaeology», 1954, № 2, стр. 121.

⁹ Ср. T. V. L. Webster, *Homer and the Mycenaean tablets*, «Antiquity», March 1955 (№ 113).

Кнос в позднемикенском II (или даже позднемикенском I) периоде¹. Диплена веских оснований и гипотеза о исчерпком характере языка ахейцев². При изложении проблемы имени «ахейцев» (стр. 40—41) необходимо было бы отметить, что в крито-микенских текстах линейного письма В обнаружена греческая форма *A-ka-wi-ja-de*, подтверждающая правильность отождествления клинописного хеттского *Ahhijaša* с греческим названием ахейцев³.

Противоречие между гипотезой В. Мерлингена и данными крито-микенских текстов привело к тому, что на одной и той же странице содержится два взаимоисключающих утверждения: в § 33 говорится о «кносском диалекте» греческого языка по отношению к текстам XIV—XIII вв. до н. э., а несколькими строками выше утверждается, что «прагреческий» язык распался на диалекты только после 1200 г. до н. э. (стр. 45). Однако в действительности для этого древнего периода можно предполагать слабую расчлененность только «южногреческих» (или «восточногреческих») диалектов, к которым относятся аркадский, диалект крито-микенских табличек и ионийский, но в то же время «южногреческий диалект» уже в тот период резко отличался от других диалектов⁴. П. Шантрэн даже видит в данных крито-микенской письменности подтверждение того, что разделение греческих диалектов предшествовало приходу их носителей в Грецию⁵.

Заслугой В. Мерлингена является то, что он использовал данные языка крито-микенской письменности для определения времени проникновения «догреческих» заимствований в греческий язык (стр. 42—43). С выводом В. Мерлингена о наличии этих заимствований уже в языке греческих текстов XV—XII вв. до н. э. следует согласиться. Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что к этому времени слова «догреческого» происхождения не только вошли в греческий язык, но и послужили для образования производных и сложных слов: *σὺς* «свинья» представлено не только в указанном Мерлингеном производном *σι-α-ε-ρο* (= *σι-α-ωνος* «свиной»), но и в сложном слове *σι-πο-τα-ο* (= **σι-πο-το-τα-ο* «свинопас») и *σι-το-с* «хлеб» представлено в сложных словах *σι-то-πο-го* (= **σι-το-πο-го-с* «пекарь»), *σι-то-ко-во* (= **σι-το-χ-φο* «хранительницы хлеба»). Возможность образования таких сложных слов, являвшихся устойчивыми терминами, показывает, что *σι-то-с* и *σὺς* вошли в словарь греческого языка задолго до создания в XV—XII вв. до н. э. памятников крито-микенского линейного письма В. Этот вывод согласуется с предложенным выше определением ранней даты заимствования догреческих слов в греческий на основе фонетических данных (дассимиляция придыханий). Следовательно, гипотеза о проникновении этих слов в греческий язык в более позднюю эпоху доорейского вторжения⁶ должна быть отвергнута.

Мерлинген предполагает, что носители «догреческого» языка пришли в Грецию с севера (стр. 42). Для более детального изучения этой проблемы необходимо было бы исследование догреческой топонимики, которую Мерлинген специально не рассматривал⁷. В частности, представляется существенным то, что догреческие географические названия с суффиксом *-nd-** «*-ni-*» находят соответствие, с одной стороны, в древних малоазиатских названиях на *-nd-*, с другой стороны, в центрально-европей-

¹ См.: A. J. V. W a s e, The coming of the Greeks, «The Classical Weekly», vol. 47, № 10, 1954; Ch. G. S t a r r, The myth of the Minoan thalassocracy, «Historia», Bd. III, Heft 3, 1955.

² Ср. А. И. Т ю м е н е в, К вопросу об этногенезе греческого народа. Очерк П. Слэя первоначального распределения греческих племен в диалектах позднейшего времени и вопрос о языке вадийской микенской письменности, ВДИ, 1954, № 4.

³ См.: M. V e n t r i s and J. C h a d w i c k, указ. соч., стр. 89; J. C h a d w i c k, Greek records in the Minoan script, «Antiquity», № 108, 1953, стр. 199. Ср. В. Георгиев, Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей, стр. 43 и 72.

⁴ См. E. R i s c h, Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht, «Museum helveticum», vol. 12, fasc. 2, 1955, стр. 70—71.

⁵ См. P. C h a n t r a i n e, указ. соч., стр. 32.

⁶ Ср. об этом слове: P. C h a n t r a i n e, указ. соч., стр. 18 и 26; В. Георгиев, Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей, стр. 91.

⁷ «boulangers», перевод Шантрэна. См. P. C h a n t r a i n e, указ. соч., стр. 27. (По Вентрису и Чадвику — «повар», «cook». См. M. V e n t r i s and J. C h a d w i c k, указ. соч., стр. 96).

⁸ См. Б. В. Горнунг, [Рец. на кн.:] В. Георгиев, Проблемы микенского языка, ВЯ, 1954, № 2, стр. 108. Ср. Б. В. Горнунг, примеч. 58 к русск. переводу книги Э. Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование» (М., 1955, стр. 255).

⁹ Собственно имена в книге Мерлингена рассматриваются только в связи с проблемами анализа личных имен; вопросы топонимики освещаются в последней работе по догреческой ономастике А. Ван Виндекенса (A. J. V a n W i n d e k e n s, Contributions à l'étude de l'onomaistique pélasgique, Louvain, 1954).

ских архаичных названиях рек с суффиксом *-*ni*¹. Это соответствие между топонимикой Центральной и Южной Европы позволяет очертить древнюю область распространения индоевропейских диалектов.

Решение вопросов, относящихся к истории носителей «догреческого» языка, в настоящее время затруднено ввиду скудности фактических данных. Этим, повидимому, объясняется крайне гипотетический характер второй части книги В. Мерлингена, отличающей ее от строго обоснованного изложения первой части. Но если исторические выводы автора остаются недоказанными, то как сведка важнейших лингвистических данных о догреческом языке книга В. Мерлингена является весьма полезной. Оригинальные труды В. Мерлингена по фонетике и этимологии «догреческого» языка, как и недавно опубликованные работы Ван Виаденкенса, свидетельствуют о быстром развитии этой новой области индоевропейской языковедения.

Влч. Вс. Иванов

Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. — М. — Л., 1954. 312 стр. (Якутский филиал АН СССР.)

Вышедшая недавно в свет книга Л. Н. Харитонова «Типы глагольной основы в якутском языке» рассматривает строение и состав глагольных основ в якутском языке.

Нет нужды говорить здесь о значении и актуальности данной темы. Это должно стать достаточно ясным, если учесть, что подобными исследованиями никто еще не занимался на материале якутского языка.

В результате огромной языкательной работы (главным образом по словарю Э. К. Пекарского) автор впервые наиболее полно описал состав и строение основных типов глагольных основ в якутском языке, а также определил удельный вес этих основ в словарном составе якутского глагола.

При этом автор обратил внимание главным образом на те явления, освещение которых вскрывает специфику якутского языка и определяет его отличие к другим языкам тюркской группы. Например, система звукоподражательных и образных глагольных основ, которые благодаря своей многочисленности составляют наиболее своеобразную черту словарного состава якутского глагола, описана автором с наибольшей полнотой и тщательностью; так же полно освещен вопрос об образованиях на *-аа* за счет заимствований и т. д.

Автор не ограничился изучением материала только по якутскому глаголу. В исследовании привлекается значительный сравнительный материал из других тюркских языков, что позволяет автору глубже проникнуть в структуру целого ряда корней, а главное — установить тюркское происхождение большинства глагольных корней, принадлежащих основному словарному фонду, и тем самым подтвердить несостоятельность мнения отдельных тюркологов (акад. В. В. Радлов и др.), согласно которому в основе якутского языка усматривался тюркский субстрат.

В работе Л. Н. Харитонова получает новое освещение ряд вопросов, исследованных ранее. Так, вслед за В. В. Радловым и французским тюркологом Ж. Дени Л. Н. Харитонов приходит к выводу, что двусложные и многосложные корни в тюркских языках представляют собой результат осложнения односложных, что они могут быть квалифицированы как таковые только в плане синхронии, в плане же диахронии — это изолированные от системы семантически, но примыкающие к ней этимологически производные основы, нередко довольно легко поддающиеся этимологическому анализу. Правда, эта проблема и здесь полного освещения не получила, но она, благодаря данной работе Л. Н. Харитонова, приобрела весьма значительную базу для дальнейшего ее изучения.

Значительно продвинуты в работе вопросы, связанные с происхождением и развитием форм залогов в тюркских языках. Наблюдения автора на этот счет, в частности относительно формы повелительного залога (на *-р*), взаимного залога (на *-ыс*) и т.п., могут послужить предосновой для постановки и соответствующего разрешения указанной проблемы.

Вопреки утверждениям сторонников так называемого «нового учения» о языке, автор совершенно справедливо трактует глагол и имя в якутском языке как дифференцированные категории. Несмотря на отсутствие четких границ в части звуковой структуры, глагол и имя в якутском, как и во всех тюркских языках, представляют собой вполне самостоятельные категории, различающиеся не только лексико-семантически (назначение глагольной и им.ной основы) и лексико-грамматически, но и характеризирующиеся соответствующими специфическими грамматическими категориями. Поэтому возможность взаимной трансформации без соответствующего

¹ См. об этих названиях рек Н. Крахе, *Sprachverwandschaft im alten Europa*, Heidelberg, 1951, стр. 17—19.

оформления и здесь исключена, если не считать единичных случаев метафоризации и субстантивизации соответствующих глагольных форм.

Автор по-новому определяет семантику ряда словообразовательных аффиксов. Так, говоря о семантике аффиксов *-лаа*, он совершенно справедливо заключает, что аффикс *-лаа* сам по себе никакого лексического значения не имеет и не привносит агглютинируемой с ним основе, что его роль сводится к обозначению категории глагольности. Однако автор не придерживается этого положения в последующем изложении: вслед за некоторыми тюркологами он приписывает данному аффиксу то или иное лексическое содержание; например: значение «привзводить, тот предмет, который обозначен именной основой»; «привзводить действие тем предметом, который обозначается именем» и т. п. На самом деле в семантике основы с данным аффиксом значение последнего не переходит лексико-грамматических границ, хотя лексико-семантическое содержание данной производной основы и определяется лишь в меру взаимодействия именной основы с данным аффиксом (именная основа, взятая в отдельности, покрывает собой лишь какой-либо отдельный, часто даже несущественный признак реализуемого понятия и действия и только в сочетании с аффиксом *-лаа* приобретает способность обозначать последнее).

Очень ценны наблюдения автора относительно фонологической роли долгот гласных. Они могут пролить свет на остающийся до сих пор нерешенным вопрос о внутренней флексии в древнетюркском, если, конечно, долготы в данном случае не представляют собой результаты взаимодействия якутского с окружающими иноязычными говорами. Очень желательно, чтобы Л. Н. Харитонов в дальнейшем продолжил и углубил изучение данного вопроса в сравнительном плане, с одной стороны, с тунгусскими говорами, с другой, — с теми тюркскими языками, в которых представлены долготы, в частности с туркменским и чувашским, где, как и в якутском, вопреки утверждениям О. Н. Бётлинга, В. В. Радлова и др., долгота в известных случаях может быть исконной. Весьма ценны также наблюдения автора относительно фонетической структуры глагольных основ и многое другое.

Параду с перечисленными достоинствами, в книге Л. Н. Харитонova имеется ряд недостатков, наиболее значительными из которых можно считать следующие.

В рецензируемой книге совершенно не рассмотрены сложные глагольные лексемы. Автор сознательно обходит этот наиболее распространенный во всех тюркских языках структурный тип глагольных основ, хотя тема «Имя глагольной основы» и обязывает охватить все структурные типы глагольных основ. Дело в том, что Л. Н. Харитонов вообще не признает сложных глагольных лексем ни отыменного, ни внутривлагольного происхождения. Исходя из того, что сочетание именной основы со вспомогательным глаголом базируется на грамматических признаках свободного словосочетания, он усматривает в сложных глагольных лексемах типа «именная основа плюс вспомогательный глагол» грамматические отношения самостоятельных членов предложения и совершенно отрицает принадлежность их к системе глагольных основ, а сложные глагольные лексемы внутривлагольного происхождения (сочетание основного глагола в форме деприватива с соответствующим спрягаемым служебным глаголом) относит, по видимому, к системе словоизменения, в силу чего и этот тип глагольных основ обойден в рецензируемой книге. Между тем всякий, кто не скован предвзятой точкой зрения, ныне уже не сомневается в ошибочности подобного толкования указанных образований.

Компоненты сложной глагольной лексемы как отыменного, так и внутривлагольного происхождения лишены грамматических отношений самостоятельных членов предложения; здесь грамматическое объединение компонентов, хотя оно и произведено на основе грамматических признаков, выражающих в иных случаях грамматические отношения самостоятельных членов предложения, обусловливает возникновение новой, относительно самостоятельной лексической единицы, т. е. указанные грамматические признаки в данном случае имеют словообразовательное назначение: обозначаемое данными образованиями понятие вытекает вовсе не из структуры компонентов в отдельности и не из суммы значения последних, а из структуры самого словосочетания, частично или полностью растворяющей значение отдельных компонентов (это особенно относится ко второму компоненту — служебному глаголу). В силу этого данные образования обладают лексической и композиционной цельностью. Они нечленимы, существуют только как неделимое целое, равное слову, и выступают во всех позициях, в каких только может выступать глагольное слово. Соответственно смысловым отношениям и в зависимости от степени спайки компонентов как с точки зрения грамматической, так и семантической в якутском языке различают несколько структурно-семантических типов сложных глагольных лексем, которые должны были бы найти соответствующее место и освещение в рецензируемой книге Л. Н. Харитонova.

Отрицание сложной глагольной лексемы привело Л. Н. Харитонova к тому, что он в сложных глагольных лексемах типа «звукоподражательный звуковой комплекс плюс служебный глагол *ымн* или *дис*» в первом компоненте лексемы, не имеющем самостоятельного употребления и сколько-нибудь устойчивого звукового состава и вообще

не обладающем признаками слова, усматривает самостоятельное слово и ставит его в один ряд со структурными типами глагольной основы, т. е. чуть ли не трактует его, как особый структурный тип глагольной основы (см. раздел, в котором рассматриваются звукоподражательные «корни», выступающие как самостоятельное слово», стр. 153 и др.).

Ошибочным нужно считать также выделение звукоподражательных и образных глагольных основ как структурных типов глагольных основ, так как ни морфология, ни лексико-семантические качества звукоподражательных и образных основ не дают на это основания. Д. Н. Харитонов считает, что лексико-семантическим содержанием и отличительным признаком звукоподражательных и образных глагольных основ является подражание звуковым явлениям, и на этом основании противопоставляет их остальным глаголам, которые у него получили название «глаголы действия или состояния». Между тем ни звукоподражательным, ни образным основам нельзя отказать в способности обозначить самое обычное действие или состояние (ср. якут. *аҕаала-«заныхаться», марылаа-«реветь», сииэр-«поддакивать», айдаар-«шуметь», уһуур-«свистеть», бытай-«высовываться», чуһуруй-«пятнаться, отступать», айгыраа-«распаштаться» и т. д.). Таким образом, с этой стороны подобное противопоставление не оправдывается. Оно несостоятельно также и с точки зрения строения, равно как и по способу связи слова со значением.*

Известно, что создание нового слова с совершенно самостоятельным, ни с одним из слов не связанным значением, и в то же время с новым, не имеющим precedентов строением, невозможно. Для возникновения нового слова необходимо, чтобы оно обладало значением, которое имеет с данным звуковым комплексом необходимую связь, однородную как для тех, от кого исходит производство нового слова, так и для тех, кто воспринимает его. Ибо, во-первых, закономерность связи данного слова с данным значением обусловлена не только тем, что оно произведено по определенному образцу, или модели, но и характером самого «строительного материала». Во-вторых, образец или модель словообразования, как правило, вырабатывается на базе строения определенного слова данного языка или данной группы языков.

В этом отношении звукоподражательные и образные основы исключения не составляют. И они производятся по определенным моделям, которые по строению представляют собой сочетание свойственного данному языку или данной группе языков звукоподражательного или образноподражательного комплекса с определенным словообразовательным аффиксом или с грамматикализованным служебным глаголом, причем форманты звукоподражательных и образных основ являются, как правило, общими и для других глагольных основ. Обозначаемое посредством звукоподражательных и образных слов понятие раскрывается по существу так же, как и при остальных производных словах, т. е. ровное понятие подводится под более общее понятие при посредстве соответствующего аффикса или служебного глагола, с другой стороны — конкретизируется при посредстве звукоподражательного или образноподражательного комплекса. Таким образом, и с данной точки зрения нельзя считать правомерным выделение звукоподражательных и образноподражательных глагольных основ как особый структурно-семантический тип глагольной основы.

Классификация глагольных основ внутри выдвинутых автором трех основных структурно-семантических типов (глаголы действия-состояния, звукоподражательные глаголы, образные глаголы) произведена по общности смысловых, логических понятий, а не по общности соответствующих лингвистических признаков обозначающих их звуковых комплексов, как это нужно было бы ожидать в работе, которая основной своей целью ставит установление структурно-семантических типов глагольных основ. Глагольные основы распределены на такие рубрики, как «глаголы, обозначающие психические явления», «глаголы, обозначающие движение и положение относительно пространства», «глаголы, выражающие движение и конкретные действия» и т. п. Нужно заметить, что было бы праздным делом пытаться исчерпать все виды действия с данной точки зрения, ибо это, по существу, означало бы попытку произвести полную классификацию явлений мира, что во всяком случае в компетенцию лингвиста не входит.

В книге довольно часто попадаются необдуманные формулировки. Например, на стр. 25 автор утверждает, что в образных глаголах глагольное понятие выражается «через посредство чувственных представлений или образов». Как показано выше, и так называемый образный глагол представляет собой не простое, не непосредственное, не цельное отражение глагольного понятия, а процесс ряда абстракций.

Книга оставляет желать лучшего с точки зрения теоретического обобщения всего того, что сделано по данному вопросу самим автором и его предшественниками, в особенности, в части, касающейся семантической системы якутского глагола.

Несмотря на указанные недостатки, книга Д. Н. Харитонова, благодаря обилью фактических материалов и ряду весьма ценных для якутского языкознания наблюдений, послужит значительной базой для разработки вопросов теории и истории якутского глагола.

А. А. Юлдашев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКИХ ЛИНГВИСТОВ
НА МЕЖДУНАРОДНОМ СОВЕЩАНИИ СЛАВЯНОВЕДОВ В БЕЛГРАДЕ

В сентябре 1955 г. в Белграде состоялось международное совещание славяноведов. Среди участников совещания были распространены доклады членов советской делегации, изданные отдельными брошюрами Издательством Академии наук СССР под общим названием «Доклады советской делегации на международном совещании славяноведов в Белграде» (М., 1955). Ниже дается краткое изложение содержания брошюры этой серии, посвященных вопросам языкознания¹.

В докладе «Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР» акад. В. В. Виноградов подводит итоги и намечает дальнейшие перспективы работы в области изучения современного русского литературного языка и его истории. В. В. Виноградов отмечает, что советское языкознание своими успехами в историческом и описательном изучении языков народов СССР в значительной степени обязано исследованию русского языка. Наука о русском языке является у нас до сих пор той главной лингвистической лабораторией, в которой разрабатываются общие вопросы фонетики, грамматики, семасиологии и лексикологии. Изучение проблем связи языка и мышления, соотношения логических и грамматических категорий также обычно проводится на материале русского языка.

За последнее десятилетие основным предметом изучения советских языковедов был грамматический строй современного русского литературного языка. Большие успехи в наблюдениях и обобщениях сделано в области морфологии. Однако и здесь есть еще много общих теоретических вопросов, требующих исследования. Из них следует назвать проблему соотношения и взаимодействия грамматики и лексики (например, в связи с изучением категории лица, категории вещественности имен существительных, в связи с пониманием глагольных категорий вида и залогов); вопрос о системе частей речи в русском языке, в том числе о так называемых предикативных наречиях; о целесообразности и возможности включения в морфологию разрядов служебных слов, а также междометий; вопрос о модальных словах и частицах; о функциях надежных форм существительных как проблеме морфологии; о различиях и границах между аналитическими формами слова, свободным словосочетанием и фразеологическим оборотом.

В систему русской морфологии обычно включается описание закономерностей словообразования. Интенсивное изучение словообразования разных частей речи в последние годы способствовало разработке некоторых общих проблем словообразования (отношение словообразования к грамматике и лексике, вопрос о типах словообразования, об изменении соотношений между производными и непроизводными основами, об основном словарном фонде и его словообразующей роли). И все же пока остается нерешенным вопрос о месте словообразования в ряду лингвистических дисциплин.

В области синтаксиса современного русского языка появилось много работ, в которых исследуются различные типы словосочетаний. К спорным проблемам теории словосочетания относится вопрос о способах классификации тех форм сочетания слов, которые выражают подлежащее и сказуемое предложения. Одни грамматисты выводят сочетания слов этого типа за пределы словосочетаний (как синтаксиче-

¹ В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР; В. И. Борковский, Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков (в послевоенные годы); Ю. С. Маслов, Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет.

ских единиц речи, служащих для обозначения предметов, явлений, качеств и т. п.), связывая их анализ с анализом структуры и типов предложения, другие объединяют предикативные и непредикативные словосочетания. Решение этого вопроса в значительной степени зависит от понимания конструктивных признаков словосочетания и предложения и прежде всего от понимания существа синтаксической категории предикативности и тесно связанных с ней категорий модальности, времени и лица.

Особенно много работ и исследований появилось в области сложного предложения и в. н. Новым и ценным в них является обостренное внимание к структурным свойствам разных типов сложных предложений и их частей (соотношение видо-временных форм глагола, лексические соответствия и повторы, порядок словорасположения), наблюдения над разными степенями зависимости частей сложного предложения, углубленное понимание категорий сочинения и подчинения. Необходимо отметить два важных обобщения, сделанных при изучении разных типов сложного предложения: выделение особого вида сложных предложений с устойчивыми синтаксико-фразеологическими связями и взаимоотношениями составных частей (например, «не прошло..., как...», «...не проходит, чтобы...») и указание на конструктивную роль лексических элементов, которые типизируются и вместе с итывашней выступают в качестве своеобразного синтаксического средства объединения предложений, особенно бессоюзных сложных предложений.

Менее продвинулось за истекшее десятилетие изучение звукового строя современного русского языка.

Изучение современной лексикологии и фразеологии шло преимущественно по линии накопления конкретного материала по отдельным семантическим группам слов; изучались новообразования советской эпохи, велась и ведется работа по упорядочению русской научной и технической терминологии, разрабатывается вопрос о влиянии русского языка на словарь и семантику других языков народов СССР, а также на славянские и некоторые западноевропейские языки.

В последнее время появилось много работ, посвященных изучению языка советской художественной литературы. Однако в этой области остается широкое поле нерешенных задач и неисследованных проблем. Бросается в глаза недостаток глубоких исследований, богатых обобщениями. Кроме того, в работах этого типа обычно смешивается лингвистический подход с литературоведческим, не разграничиваются задачи изучения языка литературного произведения как материала для исследования современной литературной речи и задачи изучения способов художественного использования разных речевых элементов в композиции пелого, одообразны и трафаретны самые принципы описания языка художественного произведения.

Глубокое и разностороннее изучение системы современного русского литературного языка бросает яркий свет и на многие процессы развития русского литературного языка XVIII—XX вв. Анализ грамматической системы русского литературного языка показывает, что на протяжении XIX в. изменения в системе форм существительных коснулись лишь соотношений отдельных вариантов надежных окончаний, отчасти колебаний в роде и в употреблении форм числа.

В именах прилагательных, кроме суживания круга употребления кратких форм, необходимо указать на все большее привлечение прилагательных прилагательных с суффиксом *-ич* в систему местоименного склонения. В структуре глагола главные изменения были связаны с упорядочением видовых соотношений форм, с функциональным осложнением залоговых образований на *-ся*, с устранением дублетных форм у глаголов состояния на *-нуть*.

Но центр динамики грамматического развития русского литературного языка находится в сфере синтаксиса (воздействие глагольных словосочетаний на сочетания субстантивные и адъективные; осложнение функций разных типов простых предложений — номинативных, безличных, а также вопросительных, эмоционально-восклицательных; усовершенствование структуры сложных предложений, связанное с отбором союзов, расширением их функций, развитием бессоюзного сложного предложения, с широким использованием лексико-фразеологических средств связи основных частей). Однако конкретные исследования грамматического строя русского литературного языка XVIII—XIX вв. почти не проводились, изучались преимущественно его словарный состав, пополнение лексической системы, а также движение и взаимодействие функционально-речевых стилей.

После лингвистической дискуссии 1950 г. ясно определялась задача изучения качественных своеобразий в условиях формирования и развития русского литературного языка, делались попытки периодизации его истории, преимущественно на основе развития его лексико-фразеологического состава (работы Ю. С. Сорокина, С. И. Ожегова, Р. И. Аванесова, А. И. Ефимова).

Так как изменения литературной лексики, отражая развитие общественной жизни, происходят более быстрыми темпами, чем изменения грамматического строя, то,

очевидно, в развитии грамматического строя литературного языка разрыв и значительных граней между разными периодами меньше: первая грань стоит недалеко от грамматики Ломоносова (середина XVIII в.), другая грань — 30—40-е гг. XIX в., когда вследствие образования новой системы функционально-речевых стилей складывается твердая литературная норма национально-языкового выражения.

В связи с изучением истории литературных языков советское языковедение выдвигает ряд общих задач и проблем, важнейшие из которых следующие:

1. Исторические взаимоотношения и взаимодействия письменно-литературного, народно-разговорного языков и диалектов в разные периоды истории народа.

2. Чужие языки (для истории русского литературного языка — старославянский) в функции литературных языков и их влияние на последующие судьбы народно-литературных языков.

3. Исторические взаимодействия и взаимоотношения литературного языка и языка художественной литературы.

4. Принципы периодизации истории литературного языка: они тесно связаны с определением специфики законов развития литературных языков, с выяснением различий в объеме и содержании культурно-общественных функций литературного языка в периоды развития народности и нации.

5. Понятие «стилей языка» и «стилей речи». По отношению к истории русского литературного языка о стилях языка можно говорить не ранее второй половины XVI — начала XVII в., в период формирования трех стилей, когда церковнославянские элементы в составе русского литературного языка были осмыслены в плоскости единого общенародного языка. До этой эпохи следует говорить лишь о разных типах литературного языка — церковно-книжном и светском художественно-книжном, а также о языке письменном канцелярски-деловом, так как в то время не все данные типы были соотносены и органически связаны с живым разговорным языком народа. А с пушкинской эпохой, когда закрепляется единая общенациональная литературно-языковая норма, вместо прежних «ломоносовских» трех стилей развивается многообразие функционально-речевых стилей.

Изучение истории древнерусского литературного языка а строилось на базе материалов исторической фонетики и исторической грамматики (преимущественно морфологии). Три момента привлекали особое внимание русских исследователей в последнее десятилетие: 1) условия и характер формирования древнерусского литературного языка, 2) период развития, связанный с образованием языка великорусской народности, смещением народно-диалектной базы русского литературного языка, 3) начальные этапы становления национального русского литературного языка. В исследованиях ряда ученых (С. П. Обнорского, Л. П. Якубинского, Д. С. Лихачева и др.) была высказана мысль о том, что русский литературный язык имеет восточнославянскую, а не древнеболгарскую основу. Однако взаимодействие народно-основы со старославянской стихией, изменение церковнославянского типа древнерусского литературного языка с XI по XVII в. изучалось очень мало. Недостатком старославянской языковой традиции и ее роли мешает глубокому и всестороннему исследованию путей и закономерностей развития русского литературного языка.

В истекшее десятилетие подвергался исследованию вопрос об образовании языка великорусской народности и об изменении диалектной базы русского литературного языка XIV—XVII вв., ставился поднятый в труде И. В. Сталина вопрос о «курско-орловской речи», об ее месте в общей системе южновеликорусского наречия и ее влиянии на процессы формирования национального русского языка. Привлекал внимание исследователей также вопрос об изменениях в стилистической структуре русского литературного языка в XVI—XVII вв. Русский национальный язык в XVII и XVIII вв. образуется на основе синтеза всех жизнепособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с ее областными диалектами, устного народного творчества, государственного письменного языка и церковнославянского типа языка.

Фонетика и морфология русского литературного языка с XI по XVII в. наполнилась в последнее время новыми данными и обобщениями, появилось значительное количество работ, посвященных историческому синтаксису русского языка XI—XVII вв. Однако изучение исторического синтаксиса пока еще позволило выделить только одну грань между разными периодами синтаксического развития — вторую половину XVII в., когда более или менее четко вырисовываются собственные национально-русскому языку типы сложных предложений со специфическим подбором союзов и их функций.

Наименее исследованной до сих пор является историческая лексикология русского литературного языка, особенно с XIV по XVII в. Показателен тот факт, что если в исследованиях, посвященных вопросам развития национального русского литературного языка в XVIII, XIX и XX вв., преобладают лексико-фразеологические интересы

в ущерб историко-грамматическим, то история древнерусского литературного языка до XVII в. в настоящее время еще недалеко вышла за пределы исторической грамматики, главным образом исторической морфологии. Поиски исторических законов семантических взаимодействий книжно-славянских и народно-русских элементов, в том числе и раздвоенных, — на ближайшее время основная задача изучения истории литературной лексики с XI до середины XVIII в.

Некоторые оживленные исследования по исторической лексикологии древнерусского языка произошло в связи с усилением разработки проблем исторического словообразования. Но и здесь еще нет работ, в которых были бы открыты закономерности развития отдельных словообразовательных категорий той или иной части речи на протяжении всей истории русского литературного языка.

Интерес к исследованию русского литературного языка (а также и других литературных языков народов Советского Союза и зарубежных), по мнению В. В. Виноградова, тесно связан с сознанием глубокой принципиальной теоретической важности проблем образования и развития литературных языков для разработки основ общего марксистского языкознания, ибо изучение литературного языка приводит одновременно в движение изучение таких явлений, как «диалекты», «жаргоны», «разговорный язык», «письменный язык», «литературный стиль».

В докладе В. В. Виноградова кратко охарактеризованы также достижения советского языкознания в области изучения украинского и белорусского литературных языков.

В докладе проф. В. И. Борковского «Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков (в послевоенные годы)» охарактеризована работа советских лингвистов в области изучения истории и диалектологии русского, украинского и белорусского языков, а также замечена проблематика исследований в этой области. В докладе показано, что разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков все более определенно обнаруживает ту связь, которая имеется между историей языка и диалектологией, ибо в настоящее время все большее количество работ строится на основе показаний всей совокупности говоров современного языка в сочетании с данными письменных памятников. Однако это не означает, что тем самым снимается вопрос о самостоятельных задачах и проблематике для каждой из этих двух дисциплин. В области диалектологии об этом особенно ярко свидетельствует интенсивное развитие лингвистической географии, широкие масштабы работы по подготовке атласов русского, украинского и белорусского языков. При составлении атласов делается установка на изучение целостных языковых явлений, учитываются связи, имеющиеся у данного явления с системой языка, с другими явлениями. Таким образом, опровергается мнение, что лингвистическая география занимается картографированием частных языковых явлений. Важное методическое положение заключается также в том, что материал для атласов собирается путем организации наблюдений над повседневной речью типичных представителей данного говора.

Работа над атласами необычайно обогатила наши сведения о говорах русского языка. Очередной задачей является теперь интерпретация изоглосс составляемых атласов. Сопоставление границ языковых явлений с границами древних племен и феодальных образований позволит вскрыть связь истории языка с историей народа, хотя следует подчеркнуть, что соответствие этнических и лингвистических границ является далеко не полным.

Много внимания уделяли советские лингвисты монографическому описанию отдельных говоров и их групп, при котором также осуществляется подход к языку как системе (например, звуковой строй говора описывается как система фонем). Иттен-вен всего разрабатывается фонетика и морфология говоров во взаимодействии разных их сторон, в связи с конкретной историей данного говора. В области изучения лексики и синтаксиса меньше достижений: пока происходит предварительное накопление материала (изучение словарного состава отдельных говоров, отдельных синтаксических явлений).

В украинской и белорусской диалектологии также наибольшее внимание уделяется фонетике и морфологии, меньше затрагиваются вопросы лексики и синтаксиса. Большое внимание было уделено украинскими учеными тем говорам, которые изучены недостаточно или совсем не изучались. Одной из центральных проблем белорусской диалектологии является вопрос о говорах переходных типов и о диалектной основе белорусского литературного языка. В связи с решением последнего вопроса очень важно изучение центральных белорусских говоров, признаваемых основой литературного языка.

Подводя итог изучению диалектологии восточнославянских языков, В. И. Борковский пишет, что общий уровень развития диалектологии и темп накопления диалектных данных обеспечивают дальнейшую разработку проблем исторической диалектологии и грамматики этих языков.

Изучение языка памятников письменности отстает от диалектологических исследований. Это объясняется прежде всего тем, что у нас оборвалась традиция лингвистического издания памятников. Единичны работы, построенные на материале неизвестных рукописей. Редко исследуются вопросы палеографии. Наибольшее внимание лингвистов привлекают в настоящее время найденные при раскопках в Новгороде берестяные грамоты.

Общей чертой современных исследований памятников, выгодно отличающих их от большинства аналогичных исследований старого типа, является то, что в них выявляется по данным памятника система говора писца, проводится сравнительно-историческое изучение показаний памятника письменности и данных современных говоров.

За истекший период появилось много работ, посвященных отдельным вопросам исторической фонетики и грамматики, преимущественно на основе анализа памятников деловой письменности. Представляют особый интерес исследования, в которых производится переосмысление традиционной трактовки некоторых фонетических процессов и их истории. Значение этих работ заключается в применении метода, в основе которого лежит представление о том, что объектом исторической фонетики должна быть не история отдельных явлений, а изучение развития и изменения фонетических систем.

При разработке вопросов исторической морфологии решающее значение до сих пор имеют памятники письменности; данные диалектологии привлекаются пока еще недостаточно.

Заметно оживилась в последнее время работа в области исторического синтаксиса. Появились исследования монографического характера, отдельные статьи, в которых изучается синтаксический строй памятников разных эпох и жанров, прослеживаются отдельные синтаксические явления на протяжении нескольких столетий. Однако в области исторического синтаксиса перед исследователями стоят большие задачи: создание на основе уже имеющегося материала исторического синтаксиса русского языка с привлечением данных других славянских языков.

В области исторической лексикологии мы не имеем в настоящее время ощутительных успехов, в связи с чем разработка вопросов этого рода и выдвигается в качестве одной из основных и неотложных задач советского языкознания.

В докладе особое внимание уделяется анализу работ, в которых поднимаются вопросы происхождения русского языка, изучается формирование его основных диалектных групп. В новейших исследованиях эти вопросы рассматриваются в связи с параллельными процессами образования белорусского и украинского языков, в связи с данными о передвижении соответствующих групп населения, с учетом процесса конкретно-исторического формирования того или иного говора.

Из числа общих теоретических вопросов, относящихся к области истории языка, советских лингвистов особенно интересовала проблема общенародности языка, вопросы связи истории языка с историей народа.

В области истории украинского языка разрабатывался вопрос о времени происхождения и характерных чертах той языковой среды, которая явилась основой современного украинского языка; появилось много работ, касающихся частных сторон истории украинского языка.

В исследованиях белорусских ученых большое место занимает вопрос о происхождении белорусского языка, изучаются проблемы исторической фонетики, грамматики и лексикологии (например, вопрос о различных пластах в лексике древнебелорусского языка).

Оценивая все сделанное советскими учеными за десять лет, В. И. Боргковский в конце доклада приходит к выводу, что советское языкознание достигло определенных успехов в области разработки исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков. Однако в то же время он считает необходимым подчеркнуть, что советские языковеды не удовлетворены этими достижениями, находит, что им необходимо еще многое сделать, чтобы уровень работ соответствовал тем блестящим условиям, которые созданы для науки в Советском Союзе.

В докладе доцента Ю. С. Маслова «Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет» охарактеризована тематика научных исследований по славянскому языкознанию, появившихся в СССР или близких и завершению.

В России и СССР никогда не ослабевал интерес к истории, быту, культуре и языку братских славянских народов. Особенно возрос и усилился этот интерес за последние пятнадцать лет, в период совместной борьбы славян против фашистской агрессии и в послевоенный период, когда еще более укрепилась дружеская связь между славянскими народами. Способствовала оживлению славяноведческих работ свободная лингвистическая дискуссия 1950 г., в результате которой был восстановлен в правах сравнительно-исторический метод, отрицавшийся в период господства антинаучных марксистских концепций Н. Я. Марра.

В области исторической и сравнительной фонетики славянских языков в докладе отмечены прежде всего работы Л. А. Булаховского по славянской акцентологии, кратко характеризуются работы по изучению чередований в общеславянском «языке-основе», по изучению развития категории твердости и мягкости согласных в славянских языках и др.

Исследователи грамматического строя славянских языков разрабатывают вопросы синтаксиса падежей, истории форм имен прилагательных, исторического развития местоимений, вопросы развития категорий глагольного вида и времени, изучают генезис и историю сложноподчиненного предложения.

Ряд исследований советских славистов был посвящен исторической лексикологии и семасиологии славянских языков, а также проблемам словообразования и этимологии (работы Л. А. Булаховского о славянских наименованиях птиц и об отношении глагольных и именных образований в чешском языке и др.). Изучались вопросы исторической диалектологии и истории литературных языков отдельных славянских народов, а также проблемы взаимодействия славянских языков в области лексики, синтаксиса, стиля. Значительное внимание уделялось исследованию современных литературных языков братских славянских народов.

На базе ведущей и уже завершенной работы в настоящее время оказалось возможным приступить к работе по составлению сводной сравнительной грамматики славянских языков. В связи с этим начали активно разрабатываться вопросы относительно хронологии языковых процессов общеславянского периода, проблемы сравнительного исторического синтаксиса, проблемы выявления общеславянского лексического фонда в связи с вопросами истории древних славян, вопрос о связях славянских языков с другими индоевропейскими (а также и соседними неиндоевропейскими) языками.

Доклад Ю. С. Маслова содержит также краткие сведения о преподавании славянских языков в высших учебных заведениях СССР и о соответствующей учебной литературе.

КООРДИНАЦИОННЫЕ СОВЕЩАНИЯ В МОСКВЕ 17—20 ИЮНЯ 1955 г.

В июне текущего года в Институте языкознания АН СССР (Москва) прошли два расширенных координационных совещания, созданные Координационной комиссией при Президиуме АН СССР: 1) по лексикографическим проблемам и 2) по вопросам составления описательных грамматик языков народов СССР. В работе совещаний, помимо научных сотрудников Института языкознания АН СССР, приняли участие представители академий наук большинства союзных республик и филиалов АН СССР, высших учебных заведений Москвы, Ленинграда и других городов, а также сотрудники московских государственных издательств (словарного, Учгедгиза и др.)

1. Совещание по проблемам лексикографии

На совещании было проведено обсуждение представленного Институтом языкознания АН СССР макета четырехтомного толкового словаря русского языка, а также заслушаны доклады: проф. А. А. Белецкого (Киев. Гос. ун-т) «Лексикология, ее содержание, задачи и методы исследования», канд. филол. наук В. Н. Ключевской (1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков) «Опыт составления учебного словаря синонимов русского языка», канд. филол. наук С. Ф. Левченко (Киев. Ин-т языкознания АН УССР) «Принципы составления словаря синонимов украинского языка», канд. филол. наук И. Г. Корляту (Кишинев, Молдавский филиал АН СССР) «Категория определенности и неопределенности в словарях восточнороманских языков»; на заключительном заседании были заслушаны информационные сообщения: ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР О. С. Ахмановой «Материалы первой общегосударственной конференции чехословацких лексикографов, проходившей 5—7 июня 1952 г.» и канд. филол. наук И. А. Оссовецкого (Москва, Ин-т языкознания АН СССР) «Некоторые вопросы польской лексикографии».

Совещание открылось обсуждением макета словаря русского языка. Предварительно главный редактор словаря член-корр. АН СССР С. Г. Бархударов выступил с сообщением о титле нового толкового словаря современного русского литературного языка в четырех томах. Словарь рассчитан на массового читателя и имеет целью отра-

зять сдвиги, происшедшие в словарном составе русского литературного языка со времени выхода в свет «Толкового словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Предложенный на обсуждение макет должен был показать самый характер нового словаря.

С. Г. Бархударов просил участников совещания обратить особое внимание на ряд дискуссионных вопросов, а именно: на вопросы словника, построения словарной статьи, постановки стилистических помет «спец.» и «книжн.» и некоторые другие.

В обсуждении макета приняли участие: О. С. Ахманова, ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР А. М. Бабкин и А. П. Евгеньева, проф. А. А. Белецкий, ст. научн. сотр. Казахского филиала АН СССР Р. С. Газизов, проф. Е. М. Галкина-Федорук (МГУ), канд. филол. наук Т. В. Зайцева (Ин-т языковедения АН УССР), ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР И. К. Зборовский, Б. Ф. Кариджий (Гос. изд-во иностр. и национ. словарей), мл. научн. сотр. Института языкознания АН СССР Л. С. Ковтун, ст. научн. сотр. Института языка и литературы АН Тадж. ССР Я. И. Колонтарев, канд. филол. наук Г. Г. Мусабаев (Ин-т языка и литературы АН Казах. ССР), ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. И. Ожегов, ст. научн. сотр. Института литературы и языка АН Азерб. ССР А. А. Оруджев, действ. член АН Груз. ССР А. С. Чикобава (Ин-т языкознания АН Груз. ССР).

При обсуждении представители академий наук союзных республик и филиалов АН СССР (Р. С. Газизов, Т. В. Зайцева, Я. И. Колонтарев, Г. Г. Мусабаев, А. А. Оруджев, А. С. Чикобава) отметили чрезвычайную своевременность создания нового толкового словаря русского языка. Новый четырехтомный словарь не только окажет большую помощь другим народам Советского Союза в деле изучения и освоения русского языка, но также поможет многочисленным лексикографам различных республик в составлении двуязычных словарей и намного облегчит их труд.

Все выступавшие в основном одобрили принятый Институтом языкознания тип и структуру словаря, но рекомендовали составителям и главной редакции учесть следующие замечания: 1) словарь должен быть либо последовательно нормативным в случаях с двойным ударением и правописанием (А. А. Оруджев), либо строго последовательно отражать колебания в ударении и правописании. (Большинство мнений сводилось к тому, что в словах с двойным ударением должны быть даны два слова; на первом из них дается ударение предпочтительное, на втором — допустимое.); 2) в словаре должен быть расширен показ словоупотребления (С. И. Ожегов, Я. И. Колонтарев, Л. С. Ковтун, Т. В. Зайцева); 3) должны быть изменены определения относительных прилагательных: «абрикосный — относящийся к абрикосу» (А. С. Чикобава, Г. Г. Мусабаев, Р. С. Газизов); 4) должны быть даны самостоятельной статьей наречия, образующиеся от прилагательных (О. С. Ахманова, Т. В. Зайцева, Я. И. Колонтарев); 5) сведения о заимствовании слов из других языков должны даваться непосредственно рядом с заглавным словом, а не в конце статьи (Я. И. Колонтарев, А. С. Чикобава) и др.

Наряду с этими наиболее общими вопросами при обсуждении были затронуты и частные вопросы, касающиеся построения отдельных словарных статей, толкования различных значений слова, иллюстративного материала и др.

В докладе А. А. Белецкого был поставлен целый ряд теоретических вопросов лексикологии, до сих пор еще не имеющих удовлетворительного решения. Лексикология, по мнению А. А. Белецкого, анализирующая и синтезирующая словарный состав в его статике и динамике, должна существовать как особая отрасль языкознания, наряду с грамматикой и фонетикой. Ее содержание, по мнению автора, еще до сих пор спорное, должно быть определено прежде всего. В состав лексикологии должны входить словообразование и фразеология, семасиология и этимологические исследования. Докладчик сформулировал и подчеркнул значение задач лексикологии, определенных ее содержанием.

Говоря о методах исследования, докладчик указывает, что в лексикологии применяются все методы, какие используются в языкознании вообще, включая и сравнительно-исторический метод. Отметив несодовлетворительность лексикологической терминологии, А. А. Белецкий предложил свою, новую буквенную систему терминов для установления лексических величин, систему «трех пределов» (например, буквой *ф* обозначать фонетическую форму, буквой *м* — морфему, буквой *л* — слово, буквой *с* — словосочетание и т. д.). В докладе были затронуты вопросы полсемии и омонимии, вопросы деления лексикологии, построения курса лексикологии и т. д.

Все выступавшие в прениях приветствовали факт постановки теоретического доклада и признали его интересным по широте представленных в нем проблем.

О. С. Ахманова поддержала докладчика в отношении важности вопросов терминологии. Она сказала, что действительно эти вопросы должны ставиться и решаться, так как строгая и продуманная терминология свидетельствует о строгости и продуманности научных понятий. Однако выдвинутая А. А. Белецким буквенная система терминологии не представляется О. С. Ахмановой приемлемой потому, что бук-

венный термин по своей природе условий и не вскрывает существа обозначаемой категории. О. С. Ахманова возражает против методов лексикологического исследования, предложенных в докладе, так как они не являются чем-то специфически характерными для лексикологии.

Одобрив широту поставленных проблем, стремление привести все в единую систему, С. Г. Бархударов сказал, однако, что сама эта широта не позволяет решить наиболее спорные и актуальные вопросы лексикологии. Вызывает сомнение, относятся ли к лексикологии фонологические вопросы и чтение слов на части, приводимые в докладе А. А. Белецкого. По мнению С. Г. Бархударова, эти вопросы поглотили в докладе более узкие, специфически лексикологические (понятие значения слова, развитие значений слова и т. п.), т. е. вопросы, разрешение которых было бы наиболее полезно и своевременно для лексикографической практики.

Основные возражения по докладу А. А. Белецкого были высказаны ст. научн. сотрудниками Института языкознания Б. В. Горнунгом и В. Н. Сидоровым. Б. В. Горнунг не согласен прежде всего с тем, что границы лексикологии до сих пор не определены. Он сказал, что в области лексикологии уже имеются известные достижения, а постоянный пересмотр основ данной науки только тормозит ее развитие.

Опираясь на мнение акад. В. В. Виноградова, Б. В. Горнунг, вопреки докладчику, считает, что словообразование является объектом изучения не только лексикологии, но и грамматики. Б. В. Горнунг возражает против введения А. А. Белецким новых терминов, считая, что правильное и полезнее для нашей лексикографической практики было бы встать на путь уточнения и разграничения уже существующей терминологии.

В. Н. Сидоров в своем выступлении солидаризировался с А. А. Белецким как по вопросу об отграничении лексикологии как науки от других лингвистических дисциплин, так и по вопросу о словообразовании. В. Н. Сидоров признает право А. А. Белецкого отказаться от общепринятой терминологии и ввести свою уже потому, что существующие до сих пор термины не точны. Но, пользуясь приводимыми в докладе А. А. Белецкого таблицами, В. Н. Сидоров показал, что предложенная терминология не опирается на надлежащие научные критерии и, по существу, не устраивает недостатков старых терминов.

Доклады В. Н. Ключевой и С. Ф. Левченко и развернувшиеся по ним прения были посвящены проблеме синонимов. В. Н. Ключева в рассказе о своем опыте составления учебного синонимического словаря. Цель словаря — показать ряды слов, имеющих одинаковую смысловую соотнесенность с предметом, но в тождественных по добавочным значениям. Словарь объемом в 30 авторских листов имеет 500 синонимических рядов, построен на словах литературного языка и почти не содержит фразеологизмов, диалектизмов и вульгаризмов. Синонимический ряд состоит из слов одной и той же грамматической категории, которые располагаются по степени смысловой близости к основному слову ряда — «доминанте». «Доминанта» — стержневое слово — обязательно нейтральна в стилистическом отношении; при многозначности слова «доминанта» берется в одном, всегда прямом значении.

Каждый синонимический ряд сопровождается объяснительной статьей, которая раскрывает как отнесен в самом предметом значения синонима, так и его стилистическую окраску. Объяснительная статья завершается иллюстративным материалом, показывающим употребление слов синонимического ряда. К словарю прилагаются 2 индекса: один состоит из перечисления «доминант», другой является общим синонимическим индексом.

С. Ф. Левченко рассказал об опыте работы над словарем синонимов украинского языка, которая велась в Институте языкознания АН УССР¹. Словарь синонимов составился по принципу нормативности, поэтому в него не входили диалектные, номенклатурные слова; ограничен был список и за счет терминологической лексики.

Словарь синонимов украинского языка является разновидностью словаря толкового, поэтому при наличии полнсемантической заглавной слова («доминанты») синонимы к нему размещаются по разным синонимическим рядам, определяемым различными значениями заглавного слова. При этом дается толкование значений. Синонимы подбирались по принципу смысловой адекватности синонимов создаваемого синонимического ряда, хотя и слова-дублеты (типа *воротар* и *голкипер*) также находят отражение в словаре.

Словарь состоит из двух частей. В первой части в алфавитном порядке даются все синонимические ряды; среди выделенных графически заглавных слов помещаются и отсылающие слова, т. е. те, которые входят в другие синонимические ряды. Вто-

¹ См. С. Ф. Левченко, К вопросу о принципах составления словаря синонимов украинского языка, «Лексикографический бюллетень», вып. V, Киев, 1955.

рую часть словаря составят алфавитный указатель всех слов-синонимов, которые войдут в словарь. После каждого из слов-синонимов, как правило, даются иллюстрации.

В прениях по указанным докладам были обсуждены не только описанные выше синонимические словари, но и затронуты вопросы, касающиеся самой проблемы синонимии, сложной и мало разработанной в науке вообще.

Продлевая историю содержания термина «синоним» в нашей науке на протяжении XIX и XX вв., ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР А. Д. Григорьев в а. предложила и свое понимание синонимов как слов, «тождественных по значению, но отличающихся по особенностям употребления и стилистическим функциям». Образцом полного параллелизма в значении и употреблении являются слова однозначные, хотя в языке не исключена возможность синонимии и многозначных слов. На конкретном материале А. Д. Григорьева показала, что в разные периоды синонимические связи могут быть различными.

Подобное же понимание термина «синоним» прозвучало и в выступлении аспиранта Института языкознания АН СССР В. М. Григорьева. В. М. Григорьев подчеркивает необходимость синхронного изучения синонимии, что часто отсутствует в словаре В. Н. Ключевой (например, в синонимическом ряду: *профессия — ремесло — мастерство — специальность*).

С возражением А. Д. Григорьевой и В. М. Григорьеву выступили ст. науч. сотр. Института языкознания АН СССР Ю. С. Сорокина и Л. С. Ковтун. По мнению Ю. С. Сорокина, синонимика начинается там, где наряду со смысловым сходством слов начинается и смысловая, стилистическая и фразеологическая дифференциация. Лексические совпадения типа *лингвистика — языкознание*, по мнению Ю. С. Сорокина, вовсе не следует называть термином «синонимы». Л. С. Ковтун одобряет тип словаря синонимов украинского языка и данное составителями понимание синонимов как слов, «выражающих сходные понятия».

А. М. Бабкин одобрил опыт словаря синонимов В. Н. Ключевой, указав на некоторые недостатки его. Например, неудачен термин «домината», вызывает возражения определительная статья к синонимическому ряду *конь — лошадь* и др.

С. Г. Бархударов и Б. В. Томашевский (Ин-т русской литературы АН СССР) подчеркивали крайнюю необходимость выпуска в свет синонимических словарей любого типа. По мнению Б. В. Томашевского, синонимический словарь должен отразить слово в его употреблении. Словарь В. Н. Ключевой не совсем удобен как справочник из-за длинной определительной статьи, которая к тому же может оказаться и не всегда точной (например, в ряду *конь — лошадь*).

Доклад Н. Г. Корлятина был посвящен одному практически важному вопросу молдавско-русской двуязычной лексикографии — употреблению артиклей определенного, неопределенного и нулевого. Указав, что двуязычные словари восточнороманских языков еще не знают твердых норм в использовании артиклей, Н. Г. Корлятин в своем докладе пытался наметить некоторые тенденции в нормировании и сформулировал определенные практические правила в употреблении артиклей.

Выступившая по докладу главный редактор Издательства иностранных и национальных словарей К. А. Марцишевская указала, что вопрос об употреблении артикля в восточнороманских языках заслуживает более углубленного рассмотрения в привлечением широких языковых контекстов.

В обсуждении доклада приняли также участие канд. филол. наук Д. Е. Михальчи (Отд-ние лит-ры и языка АН СССР) и аспирант Института мировой литературы им. Горького АН СССР И. С. Василенко. Д. Е. Михальчи подчеркнул, что недостаточное теоретическое обоснование доклада Н. Г. Корлятина ослабило практические рекомендации и выводы. Неудачно также было и обращение докладчика к словарям, уже вышедшим из употребления. По мнению И. С. Василенко, роль артикля более важна в литературной, творчески-языковой практике, чем в словарях, так как словарь не может предвидеть всех возможностей употребления существительного. Поэтому И. С. Василенко предложил для облегчения работы лексикографов давать в словарях только один определенный артикль.

В информационном сообщении О. С. Ахмановой было освещено содержание лексикографического сборника «Материалы первой общегосударственной конференции чехословацких лексикографов»¹. О. С. Ахманова отметила, что первая общегосударственная лексикографическая конференция чехословацких языковедов являлась одним из крупнейших событий в современной лексикографии. Материалы этой конференции представляют большой интерес для советских лексикографов по широте и глубине трактовки теории и практики лексикографии. На этой конференции были заслушаны 13 докладов, из которых четыре — по общетеоретическим вопросам и 9 — на специальные лексикографические темы.

¹ «Lexikografický sborník. Materiály z I. celoštátnej konferencie (s. lexikografov. kómpnej) v dňoch 5.—7. júna 1952 v Bratislave, Bratislava, 1953.

В выступлении И. А. Оссовецкого был дан анализ материалов периодического польского журнала «Poradnik językowy» и книги В. Дорошевского «Проблемы польской лексикографии»¹. В настоящее время польские лексикографы работают над созданием толкового словаря современного польского литературного языка. Новый словарь будет нормативным, словарь его опирается не только на язык художественной литературы, но и на язык прессы, публицистики, научной терминологии (в объеме средней школы).

В основу словарной статьи авторы кладут прямое значение слова. По мнению главного редактора словаря проф. В. Дорошевского, оттенки значения возникают в слове ситуационно, в зависимости от контекста, поэтому в целом в структуре словарной статьи им придается меньшее значение, чем в современных толковых словарях русского языка. Шире, чем у нас, определяется и граница фразеологии: все несвободные сочетания слов вводятся в словарь.

На заключительном заседании совещания была принята резолюция, в которой прежде всего обращается особое внимание институтов на отставание в разработке теоретических вопросов лексикологии и лексикографии, а также на чрезмерную задержку с опубликованием лексикографических сборников. В резолюции говорится также о научной важности и практической необходимости продолжения работы по составлению словаря синонимов украинского языка и выражено пожелание при первой же возможности возобновить эту работу.

Считая необходимым создание различных типов учебных словарей, совещание отметило полезность издания синонимического словаря и такого типа, какой был предложен В. Н. Ключевой.

В связи с заслушанными информационными докладами совещание признало весьма желательным постановку на каждом лексикографическом совещании информационных сообщений о состоянии работы по лексикологии и лексикографии в зарубежных странах, вместе с тем совещание поручило Координационной комиссии АН СССР выяснить возможности издания всесоюзных периодических бюллетеней по лексикологии и лексикографии.

Т. С. Козоткова

2. Совещание по вопросу о составлении описательных грамматик языков народов СССР

Совещание открылось вступительным словом доктора филол. наук А. Б. Шипилова, остановившегося на проблеме синтаксиса предложения. Затем были заслушаны и обсуждены доклады: проф. М. Ш. Ширалиева «Проблема сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке», научн. сотр. Черкесского научно-исследовательского института языка и литературы М. М. Сакиева «Обстоятельственные придаточные предложения в кабардино-черкесском языке», ст. научн. сотр. Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР К. З. Ахмерова «Обстоятельственные обороты в грамматике башкирского языка», ст. научн. сотр. Института языкознания АН Груз. ССР проф. Г. В. Рогалева «Основные особенности причастий в иберийско-кавказских языках (на материале адыгских языков)», научн. сотр. Института языка и литературы АН Казахской ССР А. К. Калыбаевой-Хасеновой «К вопросу соотношения морфологии и синтаксиса (на примерах грамматической категории залогов в современном казахском языке)», ст. научн. сотр. Северо-осетинского научно-исследовательского института Н. Х. Кулаева «К вопросу о проблеме надежды в осетинском языке» и ст. научн. сотр. Института языкознания АН Белорусской ССР М. Г. Булахова «Разграничение дополнения и обстоятельства в современном белорусском литературном языке».

Из зачитанных докладов следует особо отметить доклад М. Ш. Ширалиева. Возражая против существующей в тюркологии точки зрения, по которой деепричастные или причастные обороты с самостоятельным подлежащим отождествляются с придаточным предложением, докладчик указал, что в азербайджанском языке, в отличие от других тюркских языков, богато представлены союзные связи в сложноподчиненных предложениях; в этом языке строго разграничены придаточные предложения, с одной стороны, и причастные и деепричастные обороты с самостоятельными подлежащими — с другой. Докладчик отметил, что отсутствие в причастном или деепричастном обороте сказуемого, выраженного личной формой глагола, является ясным доказательством того, что этот оборот нельзя отождествлять с придаточным предложением. Перечислив основные признаки придаточных предложений (выражение относительно законченной мысли; наличие глагольного сказуемого в личной форме; наличие союза, союзного слова или условного аффикса, с помощью которых связываются придаточные и главное предложения), М. Ш. Ширалиев предложил принципы классифи-

¹ W. Dorożewski, Z zagadnień leksykografii polskiej, Warszawa, 1954

кации придаточных предложений в азербайджанском языке и дал краткую характеристику типов этих предложений.

М. Ш. Ширалиев подчеркнул, что при разрешении проблемы сложноподчиненного предложения в современном азербайджанском языке следует исходить не из привычных традиционных схем, а только из внутренних законов развития азербайджанского языка.

Прения по докладам развернулись главным образом вокруг проблемы сложноподчиненного предложения. Выяснилось, что в настоящее время имеются две точки зрения на сложноподчиненные предложения в тюркских языках. В своих выступлениях с М. Ш. Ширалиевым солидаризировались доктор филол. наук Н. А. Баскаков и ст. научн. сотр. Института языкознания А. А. Реформатский. К точке зрения М. Ш. Ширалиева присоединился и член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников, подчеркнувший, что особенности национальных языков должны очень тщательно исследоваться. Он высказал мнение, что деепричастные обороты в азербайджанском языке стали называться придаточными предложениями только потому, что по-русски они переводятся придаточными предложениями. В защиту же точки зрения на причастные и деепричастные обороты с самостоятельным подлежащим как на придаточные предложения в азербайджанском языке выступили канд. филол. наук Н. З. Гаджиева и доктор филол. наук Е. И. Убрятова.

В обсуждении проблемы сложноподчиненного предложения, а также и других вопросов синтаксиса и морфологии языков народов СССР приняли участие также доктор филол. наук Н. С. Поспелов, ст. научн. сотр. Института языкознания АН Груз. ССР доктор филол. наук В. Т. Топурна, научн. сотр. Института языка и литературы им. Низами АН Азербайджанской ССР канд. филол. наук З. И. Алиева, ст. научн. сотр. Северо-осетинского научно-исследовательского института Н. Х. Кудиев, научн. сотр. Карело-финского филиала АН СССР Г. М. Керт, научн. сотр. Института языка и литературы АН Казахской ССР А. К. Калыбаева-Хасенова, доктора филол. наук Ю. Д. Дешериев и В. П. Сухотин, кандидаты филол. наук Е. Т. Черкасова, М. И. Исаяев и Ф. Г. Исхаков.

Советские отметили целесообразность и плодотворность проведения координационных заседаний с обсуждением проблем составления описательных грамматик и наметили сроки следующего расширенного заседания.

Н. С. Акилова

НОВЫЕ ЗАДАЧИ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В новых условиях, созданных после освобождения нашей Родины, румынская наука о языке приобрела такие возможности развития, о которых в прошлом нельзя было и мечтать. Широкая общественность интересуется теперь вопросами языкознания, как и вообще всеми научными вопросами. Если в прошлом наши издания с небольшим тиражом (400—500 экз.) не расходились на протяжении многих лет, то ныне языковедческие книги с тиражом в несколько тысяч экземпляров оказываются раскупленными в течение нескольких дней. В разветвляющейся теперь огромной работе с большим воодушевлением принимают участие десятки молодых языковедов, тогда как прежде румынских лингвистов было всего несколько человек.

На филологических факультетах высших учебных заведений читаются лекции по введению в языкознание и по общему языкознанию. Эти лекции делают доступными для всех студентов проблемы нашей лингвистической науки. Значительное развитие получило изучение истории языков и описательной грамматики. Румынские языковеды постоянно пользуются указаниями Румынской рабочей партии, имеют перед собой ценнейший пример советских изданий, программ советских школ и прежде всего имеют теперь возможность пользоваться блестящим руководством — трудами И. В. Сталина по языкознанию.

В прошлом веке в Румынии работал ряд видных лингвистов, заложивших основы исследований в области румынского языка. Среди них следует упомянуть Б. П. Хашдау (который учился в Харькове и был коллегой А. А. Потебни), приехавшего из Германии Х. Тактина и выдающегося слависта Иона Богдана, получившего подготовку в Петербурге. В конце XIX и в первой половине XX в. румынские языковеды учились большей частью на Западе, главным образом во Франции. Они разделяли взгляды

младограмматиков, а в период между двумя мировыми войнами некоторые из них примкнули к структуралистскому направлению.

После освобождения Румынии началось распространяться «новое учение» о языке Н. Я. Марра и многие известные румынские лингвисты в большей или меньшей степени испытали влияние марристовской теории. К счастью, господство марризма продолжалось у нас не больше двух лет, и за это время докторина Н. Я. Марра не успела приобрести широкой известности.

После появления в июне 1950 г. труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» румынские языковеды пошли по новому пути, стремясь изучать румынский язык с позиций марксизма. Вначале эта работа проявлялась по преимуществу в форме публикаций трудов теоретического характера по марксистскому языкознанию. Наряду с этим подвергались коренной переработке начатые раньше труды по конкретным вопросам языкознания и началось осуществление по-новому задуманных работ.

И до распространения марризма грамматика не занимала почетного места в нашей науке. В программах начальных школ грамматике родного языка отводилось очень немного времени, а учителя вообще смотрели на нее с некоторым пренебрежением и предпочитали заниматься вопросами литературы. В программах средних и высших учебных заведений грамматика совершенно не фигурировала.

Обучение грамматике в настоящее время значительно расширилось, оно введено в средних и высших школах, на филологических и других факультетах. Число уроков, посвященных этой дисциплине в начальных школах, сильно возросло. Учебники, которыми мы располагали до последнего времени, были еще несовершенными и устаревшими по своей концепции. В 1954 г. появилась «Грамматика румынского языка» («Gramatica limbii române») в двух томах, подготовленная Институтом языкознания Академии наук Румынской Народной Республики в Бухаресте. Этот труд трактует по-новому большую часть вопросов грамматики. Исходным пунктом этого труда является учение И. В. Сталина о языке. Что касается расположения и истолкования языкового материала, то в качестве образца был использован первый том «Грамматики русского языка» АН СССР и появившиеся за последнее время пособия по синтаксису русского языка. В грамматике румынского языка мы находим некоторые новые разделы, например, опущение из речи слов, отрицание, перестановка слов. Совершенно по-новому трактуется в этой грамматике предложение. Впервые в грамматику включаются разделы исторического характера. По примеру последних советских трудов у нас начинают всюду отграничивать в языке продуктивное от непродуктивного.

Следовательно, можно без преувеличения сказать, что эта грамматика является первой румынской грамматикой, отводящей синтаксису надлежащее место. Надо отметить, что многие разделы, будучи для нас совершенно новыми, не всегда достаточно содержательны и достаточно глубоко разработаны. Теперь, после выхода книги, члены коллектива, которые редактировали ее, приступили к широкой исследовательской работе в целях улучшения нового издания грамматики. Переработка первого тома уже закончена, в настоящее время начата работа над вторым томом. При этом изучаются теоретические и практические вопросы, которые остались незатронутыми или не были исчерпывающе разработаны в грамматике. На этот раз мы имеем в своем распоряжении и второй том грамматики АН СССР, содержащий изложение синтаксиса русского языка, что оказывает ценнейшую помощь при разработке проблем румынской грамматики.

Для оказания помощи средним и начальным школам на основе академической грамматики был разработан более краткий и несколько упрощенный учебник грамматики. Этот учебник готов к печати.

До последних лет почти никто не занимался вопросами румынского литературного языка, и само это понятие было не вполне определенным. Вообще у нас смешивалось понятие литературного языка с понятием языка художественной литературы, а внимание языковедов сосредоточивалось главным образом на изучении старого языка, областных наречий, жаргонов, говоров и т. д. В 1951 г. на наших факультетах был введен курс современного румынского литературного языка, что привлекло внимание румынских языковедов к актуальным проблемам нашего литературного языка. Советские программы помогли нам правильно понять смысл этого курса. В результате трехлетней работы в этой области в конце 1954 г. появился первый в этом роде в Румынии обширный учебник современного румынского языка («Limba română contemporană»), принадлежащий акад. Иоргу Йордану. Оставляя в стороне академическую грамматику, о которой мы говорили выше и которая также посвящена описанию современного литературного языка, следует остановиться на «Словаре современного литературного румынского языка» («Dicționarul limbii române literare contemporană»), подготовленном бухарестским Институтом языкознания в сотрудничестве с клужским Институтом языкознания.

Разработка словаря румынского языка была основной задачей старой Румынской Академии еще со времени ее основания (1867 г.). Работа поручалась поочередно мно-

гим известным лингвистам, которые не могли довести ее до конца из-за того, что работали в одиночку, без помощи коллектива, руководствовались иногда слишком обширным планом работы (некоторым удалось издать по одному тому, другим — только по одной части тома). С 1905 г. начал, наконец, появляться по частям «Словарь румынского языка», который до 1948 г. был издан примерно на одну треть. В словаре особое внимание уделялось старым и областным словам. По мере продвижения вперед словарь становился все более дефектным: в нем все чаще попадались не-научные определения, неудовлетворительные попытки, а в 30—40-х годах словарь принял определенно фашистский оттенок. Издание было приостановлено, и в 1952 г. языковедческие институты получили задание разработать словарь современного литературного языка. Для этой цели старая картотека словаря была обогащена многими выдержками из текстов нового идеологического, научного и литературного содержания. Образцом для этого послужили изданные за последние десятилетия большие советские словари. В настоящее время словарь полностью отредактирован; первый том, содержащий буквы А—С (по латинскому алфавиту), уже вышел из печати, а до конца года должны быть сданы в печать и остальные три тома (общей сложностью около 5 тыс. стр.). Макет этого словаря был отпечатан в прошлом году, после чего он подвергся обсуждению, в результате которого методы работы значительно улучшились.

Для обслуживания более широких масс читателей разрабатывается словарь в одном томе. Наряду с этим наши институты готовят целый ряд двуязычных словарей, часть которых уже сдана в печать.

Грамматика и словарь являются работами, необходимыми для самых широких масс трудящихся Румынской Народной Республики. Редактирование этих трудов было осуществлено на основе тесной связи между научной и практической работой. В прошлом эта связь отсутствовала. Проявлением нового отношения к практической стороне работы можно считать выход в свет «Малого орфографического словаря» («Mic Dicționar ortografic»), опубликованного в 1953 г. бухарестским Институтом языкознания после проведенной в том же году реформы орфографии. В настоящее время этот институт работает над составлением пособия по орфографии.

Вопросы литературного языка рассматривались также и с теоретической точки зрения. Еженедельник «Contemporanul» («Современник») открыл прошлым летом дискуссию о языке художественной литературы, в которой, помимо писателей, приняли участие и некоторые языковеды. В языковедческих журналах этот вопрос был затронут Борисом Казаку («Limba română», 1953, вып. 4) и акад. Иоргу Иорданом («Studii și cercetări lingvistice», 1954, вып. 1—2). В тех же журналах были опубликованы статьи о языке некоторых писателей. Отделение языка, литературы и искусства Академии Румынской Народной Республики провело недавно сессию, к участию в которой был привлечен и Союз писателей. Сессия обсудила вопросы развития и совершенствования литературного языка, выдвинутые в двух докладах писателя Михаила Садовяну. Филологический факультет Бухарестского университета включил в свой рабочий план обсуждение курсов литературного языка.

Мы уделяли очень мало внимания языковедческому наследию. В общем не было сделано ничего для того, чтобы выявить прогрессивные языковедческие труды прошлого до тех пор, пока орган Центрального комитета Румынской рабочей партии «Scinteia» не подвергла языковедов критике за этот провал. Вскоре Д. Макри опубликовал работу о Б. П. Хашдеу («Limba română», 1954, вып. 3), он же изучает в настоящее время труды М. Гастера. Аспиранты Е. Василу и И. Ризеку занимались изучением деятельности Х. Тиктине [ими опубликованы статьи в журн. «Limba română» (1954, вып. 1) и «Studii și cercetări lingvistice» (1954, вып. 3—4)]. И. Ризеку готовит диссертацию о Тиктине. Работы о других лингвистах прошлого готовятся и в других языковедческих центрах — Клуже и Яссах.

Значительное внимание уделяется вопросам фонетики. Здесь мы можем упомянуть о новом оригинальном труде акад. Эмили Петровича относительно звукового соотношения румынских согласных («Studii și cercetări lingvistice», 1950, вып. 2 и 1952). Автор указывает, что в румынском языке существуют смягченные согласные не только в конце слов, как это считали до сих пор, но и в других позициях. Так, в словах *deal*, *săbea* и т. д. мы имеем не дифтонг *ea*, как это принято обычно думать, а *a*, которому предшествует смягченный согласный. Точно так же в словах *toată*, *moară* и т. д. не существует дифтона *oa*, а только *a*, которому предшествует смягченный согласный. В слове *tînr*, множественное число *tîneri*, в единственном числе все согласные твердые, а во множественном числе все смягченные, что указывает на существование в румынском языке гармонии согласных. Эта теория, имеющая многостороннее применение в румынской фонетике и морфологии, указывает, что румынский язык гораздо ближе к славянскому фонетическому типу, чем это принято было считать; так, многие изложенные наблюдения имеют силу и для славянских языков (в русском слове *вять*, например, нет дифтона *ea*, а представлено только *a*, которому предшествует смягченный согласный).

Публикация работ теоретического характера, созданных под непосредственным влиянием труда «Марксизм и вопросы языкознания», началась у нас с некоторым опозданием. Автор этих строк опубликовал работы: «К изучению взаимосвязей между формой и содержанием слов» («Contribuții la studiul raportului dintre forma și conținutul cuvintelor», «Studii și cercetări lingvistice», t. IV, 1953) «Исследования в области основного словарного фонда румынского языка» («Încercare asupra fondului principal lexical al limbii române, [București], 1954). Заслуживает быть отмеченной статья Лучин Вальд «О некоторых сторонах современной буржуазной лингвистики» («Despre unele aspecte ale lingvisticii burghize contemporane», «Studii și cercetări lingvistice», 1954, fasc. 3—4). Используя советскую информацию и новые материалы, автор выступает против различных теорий идеалистической лингвистики.

Два языковедческих журнала, упомянутые выше, не выполняют еще в достаточной мере своей роли в деле развития языкознания в нашей стране. Они уделяют пока слишком мало места вопросам общего языкознания, довольствуясь статьями, в которых затрагиваются вопросы частного характера. Даже борьба мнений еще не укоренилась на страницах этих журналов. Журнал «Limba română» оказал помощь преподавательскому составу тем, что до появления «Грамматики» опубликовал некоторые разделы этого труда, стремясь улучшить преподавание ряда сложных вопросов грамматики. Не менее полезны публикуемые этим журналом статьи, в которых обсуждаются вопросы методики. Эти статьи помогают преподавательскому составу улучшить свою работу.

Новая румынская наука о языке может уже теперь гордиться своими достижениями, правда, еще довольно скромными, но открывающими перед ней светлые перспективы на будущее. Все материальные условия для развития нашей науки обеспечены. Мы располагаем теперь многочисленными молодыми работниками, которые совершенствуются в области языкознания и уже проявляют свои способности к созданию полноценных научных трудов. Проникнутая новыми идеями, руководствуясь марксистским мировоззрением, румынская наука о языке вступила на путь, который приведет ее к крупным успехам.

А. Граур

О ПОПЫТКАХ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА *

7 января 1954 г. в конторе фирмы ИБМ в Нью-Йорке была проведена публичная демонстрация перевода с русского языка на английский при помощи электронной вычислительной машины ИБМ-701. Демонстрация показала, что машина может выполнять правильный перевод, затрачивая на каждое предложение 6-8 секунд. Всего во время публичного испытания было переведено около 60 предложений из области политики, химии, математики, юстиции, военного дела и т. п.

Однако было бы далеко не верным считать, что проблема перевода с одного языка на другой при помощи машины полностью решена. Пока может считаться доказанной лишь принципиальная возможность такого перевода. Во время первого испытания машина перевела только простые распространенные предложения, составленные всего из 250 заранее отобранных слов, причем имеющих в давних примерах не более двух русских эквивалентов. В настоящее время еще невозможно, как выразился один из руководителей работ Леон Достерт (Джорджтаунский университет), «вставить с одного конца машины русскую книгу и получить с другого конца английскую».

Как же работает переводная машина? Принцип действия этой машины можно сравнить с работой «переводчика», который должен переводить с одного языка на другой, не будучи знакомым ни с одним из этих языков.

Возьмем простейший случай. Нашему «переводчику» требуется перевести на английский язык русское выражение *генерал-майор*. Прежде всего, очевидно, ему необходимо дать словарь, в котором он мог бы найти английские эквиваленты каждой из частей этого выражения. Но этого оказывается недостаточно, поскольку «переводчик», переводя последовательно *генерал* через *general* и *майор* через *major*, получит *general major*, тогда как по-английски должно быть *major general*. Очевидно, что «переводчику», кроме словаря, необходимо сообщить правило о том, в каких случаях порядок слов должен быть изменен на обратный. Но для этого в словаре каждое русское слово, помимо английского эквивалента, должно быть снабжено соответствующим условным знаком, «кодом», указывающим, к какому правилу следует обратиться. Словарь для

* От редакц. п. В одном из ближайших номеров журнала будет помещена статья об опытах создания переводной машины в Советском Союзе.

перевода указанного выражения будет иметь тогда следующий вид:

Русское слово	Английский эквивалент	Код ¹
генерал майор	general major	12 *

¹ Выбор обозначений для кодов совершенно произволен и не меняет существа дела

Формулируется правило: «Если код данного слова есть 12, то необходимо узнать код последующего слова. Если он *, то порядок слов должен быть изменен на обратный. В противном случае порядок слов сохраняется без изменений». Формальное применение этого правила и словаря с кодами дает возможность получить правильный перевод *major general*.

Возьмем следующий случай, когда одно из русских слов имеет два английских эквивалента и «переводчику» необходимо выбрать нужный эквивалент. Эта операция также может быть проделана при помощи словаря с кодами и правила. Требуется перевести два сочетания существительных с предлогами: *отношение к...* и *любовь к...* Составляется словарь:

Русское слово	Английский эквивалент		Код
	I	II	
отношение	relation	—	111
любовь	love	—	48
к	to	for	99

и формулируется правило: «Если код данного слова 99, то необходимо узнать код предыдущего слова. Если этот код 111, то берется первый эквивалент слова с кодом 99, в противном случае берется второй эквивалент. В обоих случаях порядок слов остается без изменений». Формальное применение этого правила и приведенного словаря с кодами позволяет получить переводы: *relation to...* и *love for...*

Совершенно естественно, что при переводе сложных слово-сочетаний или предложений потребуется значительно большее количество правил и сложная система кодов.

Легко увидеть, что перевод при помощи правил и словаря с кодами, аналогичных приведенным выше, является весьма трудоемкой и длительной работой, сводящейся вместе с тем к ряду простых операций, заключающихся в отыскании слов в словаре и последующем применении соответствующих правил. Эта чисто механическая работа может с успехом быть выполнена электронной вычислительной машиной.

В отличие от контрольных счетных машин, например арифмометров, электронная вычислительная машина способна совершенно автоматически проводить цепь определенных заранее заданных ей операций. Примененная для перевода электронная вычислительная машина ЦБМ-701 имеет сложное устройство. Достаточно сказать, что она состоит из 11 блоков общим весом около 10 тонн. Она способна производить более 16 тыс. сложений или вычитаний в секунду и более 2 тыс. умножений или делений в секунду. Эта машина применяется главным образом для выполнения трудоемких вычислений в области ядерной физики, расчетов траекторий ракет и т. п.

Электронная вычислительная машина имеет так называемое запоминающее устройство, грубой аналогией которого может служить магнитофон. Данные, хранящиеся в запоминающем устройстве такой машины, отыскиваются в нем примерно так же, как номера телефонов на автоматической телефонной станции. В запоминающем устройстве, кроме данных в настоящем случае — словаря с кодами, содержится также «программа работ», т. е. указание на последовательность операций, которые должна выполнить машина. Программа работ вводится в запоминающее устройство в виде так называемых команд. В данном случае программа работ была составлена на основании 6 правил (см. ниже) и содержала около 2400 команд. Отметим, что для перевода даже

простейших предложений требуется программа, содержащая примерно в 2,5 раза больше команд, чем программа, необходимая для расчетов движения управляемого сварка.

Приводим примеры предложений, переведенных машиной ИБМ-701:

№	Заданное для перевода русское предложение	Перевод, выполненный машиной
1	Качество угля определяется калорийностью	The quality of coal is determined by calory content
2	Крахмал вырабатывается механическим путем из картофеля	Starch is produc d by mechanical methods from p:tatoes
3	Обработка повышает качество нефти	Processing improves the quality of crude oil
4	Динамит готовится химическим процессом из нитроглицерина с применением инертных соединений	Dinamite is prepared by chemical process from nitroglycerine with admixture of inert compounds
5	Международное понимание является важным фактором в решении политических вопросов	International understanding constitutes an import factor in decision of political questions
6	Величина угла определяется отношением длины дуги к радиусу	Magnitude of angle is determined by the relation of length of arc to radius

Словарь, например, для предложения № 6 имел следующий вид:

Русские слова	Английский эквивалент		Коды		
	I	II	I	II	III
величина	magnitude	***	***	***	**
угл-	coal	angle	121	***	25
-а	of	***	131	222	25
определяется	is determined	***	***	***	**
отношения	relation	the relation	151	***	**
-ем	by	***	131	***	**
дли-	length	***	***	***	**
-н ¹	of	***	131	***	25
дуг-	arc	***	***	***	**
-н	of	***	131 ¹	***	25
к	to	for	121	***	23
радиус-	radius	***	***	221	23
-у	to	***	131	***	**

¹ Окончания -и и ы не различаются.

Правильный перевод обеспечивался выполнением машиной нижеследующих шести правил.

П р а в и л о 1. Если первый код данного слова есть 110, необходимо узнать, каков третий код предыдущего полного слова. Если он 21, то надо изменить порядок этих слов (т. е. слово с кодом 21 должно следовать за словом с кодом 110); в противном случае порядок сохраняется. В обоих случаях для слова с кодом 110 берется первый английский эквивалент.

П р а в и л о 2. Если первый код данного слова есть 121, необходимо узнать второй код следующего полного слова или части слова (основы или окончания). Если этот

второй код 221, то для слова с кодом 121 надо взять первый английский эквивалент; если второй код 222, то — второй английский эквивалент. В обоих случаях порядок слов сохраняется.

П р а в и л о 3. Если первый код данного слова есть 131, а третий код предыдущего полного слова или части слова (основы или окончания) 23, то для слова с кодом 131 надо взять второй английский эквивалент и сохранить порядок следования слов. В противном случае для слова с кодом 31 следует взять первый английский эквивалент и изменить порядок слов на обратный.

П р а в и л о 4. Если первый код данного слова есть 141, а второй код предыдущего полного слова или любой части (основы или окончания) есть 25, то для слова с кодом 241, то для данного слова берется первый английский эквивалент; если же второй код равен 242, то берется второй английский эквивалент. В обоих случаях сохраняется без изменений порядок слов.

П р а в и л о 5. Если первый код данного слова есть 151, а третий код следующего полного слова или любой части (основы или окончания) есть 25, то для слова с кодом 151 берется первый английский эквивалент; в противном случае берется второй английский эквивалент. В обоих случаях порядок слов сохраняется.

П р а в и л о 6. Если первый код данного слова есть***, то для этого слова берется первый английский эквивалент и сохраняется порядок слов по отношению к предыдущему слову.

При этом последовательно применялись правила: для слова *величина* — шестое, для *угла* — второе, *-а* — третье, *определяется* — шестое и т. д.

Практически работа переводной машины выглядит следующим образом: на входном устройстве машинистка печатает русские предложения латинскими буквами, которые наводятся на перфокарты, поступающие в машину, в виде определенным образом расположенных отверстий. Через 6—8 секунд, как мы указывали, на выходном устройстве отпечатывается перевод.

Специалисты считают, что дальнейшую работу в этой области следует вести по линии составления словарей для специальных разделов науки (например, медицины, химии, математики). По мере накопления опыта можно будет перейти к попыткам перевода языка художественной литературы, прессы и т. п. Однако для выполнения этой последней задачи придется преодолеть значительные трудности; в частности, вместо шести правил потребуется, как полагают, около ста. Особенным препятствием для перевода при помощи машины являются различные идиоматические выражения. Например, английское слово *charleyhorse* машина переведет как «лошадь (по имени) Чарли», тогда как это означает «судорога в икре ноги».

Таким образом, пока что сделаны только первые шаги в области машинного перевода, показавшие, с одной стороны, практическую его осуществимость и, с другой стороны, большие трудности, связанные с дальнейшей разработкой этого вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Реферативный журнал. Математика», 1954, № 10, стр. 75—78.
2. «Journal of the Franklin Institute», 1954, vol. 257, № 3, стр. 257—260.
3. «Atomes, tous les aspects scientifiques d'un nouvel age», 1954, № 96, стр. 90—91.
4. «Chemical and Engineering News», 1954, vol. 32, № 4, стр. 340—341.

В. П. Берков и В. А. Ерисов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 1955 г.

ПЕРЕДОВАЯ

Кондрашов Н. А. и Филиппова В. М. — В. И. Ленин и вопросы языкознания № 1

СТАТЬИ

Аванесов Р. И. — Проблемы образования языка русской (великорусской) народности № 5
Алексеев М. Н. и Колшанский Г. В. — О соотношении логических и грамматических категорий № 5
Белецкий А. А. — Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков № 2
Будагов Р. А. — Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса романских языков № 3
Виноградов В. В. — Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы № 4
Вэй Лиань и Ху Фу — Части речи в китайском языке № 3
Гао Мин-кай — Проблема частей речи в китайском языке № 3
Меновщиков Г. А. — Указательные местоимения в эскимосском языке № 1
Орлова В. Г. — Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных № 6
Саурабаев Н. Т. — Диалекты в современном казахском языке № 5
Серебряников Б. А. — О взаимодействии языков (Проблема субстрата) № 1
Серебряников Б. А. — Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР № 6
Стрелков Н. Е. — Работа Чехова над языком своих произведений № 1
Султанов А. Ф. — Проблема формирования национального языка в Египте № 6
Широкова А. Г. — На исто-

рии развития литературного чешского языка № 4
Юнусалиев Б. М. — Проблема формирования общенародного киргизского языка № 2

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Ахманова О. С. — О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий (В связи с вопросом о методе лексикологического исследования) № 3
Бабкин А. М. — Лексикографические заметки № 2
Болдырев А. Н. — Из истории развития персидского литературного языка № 5
Виноградов В. В. — Из истории слов № 5
Головин Б. Н. — К вопросу о сущности грамматической категории (На материале русского языка) № 1
Кедайтене Е. И. — Из наблюдений над категорией лица в памятниках русского языка старшей поры № 1
Князе Г. С. — Еще раз о двух путях развития сложного предложения № 1
Ковтун Л. С. — О значении слова № 5
Курилович Е. Р. — Заметки о значении слова № 3
Микайлов Ш. И. — Литературные языки Дагестана № 6
Решетов В. В. — О диалектной основе узбекского литературного языка № 1
Смирницкий А. И. — Значение слова № 2
Спектор М. М. — Радищев о взаимоотношении языка и мышления № 4
Строганова Т. Г. — Одна из особенностей южнорусского вокализма № 4
Суперацкая А. В. — Сводные алфавиты № 5

- Суперанская А. В.— О некоторых вопросах практической транскрипции № 6
- Туманиян Э. Г.— Превращение артикля в флексию дательного падежа в новоярмянском языке № 5
- Штибер З.— Теория фоном И. А. Бодуэна де Куртэна в современном языкознании № 4
- ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ**
- Алексеев Д. А.— Именные части речи в монгольских языках № 3
- Батманов И. А.— Части речи в киргизском языке № 2
- Виноградов В. В.— Итоги обсуждения вопросов стилистики № 1
- Грунин Т. И.— Имя прилагательное в тюркских языках (на материалах турецкого языка) № 4
- Жинкин Н. И.— Вопрос и вопросительное предложение № 3
- Зыцарь Ю. В.— О родстве баскского языка с кавказскими № 5
- Исаченко А. В.— О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках № 6
- Какабадзе С. С.— О так называемых «хетско-иберийских» языках № 4
- Ломтатидзе К. В.— Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания № 4
- Поспелов Н. С.— В защиту категории состояния № 2
- Чикобава А. С.— О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков № 6
- Шапиро А. Б.— Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? № 2
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА**
- Ахведяни Г. С.— К вопросу о преподавании курса «История языкознания» № 2
- Гейнер Ю. Р., Лойфман Н. Я. и Барцева З. Ф.; Бурдин С. М.— О курсе «Современный русский литературный язык» № 5
- Гухман М. М.— О курсе «История языкознания» № 3
- Дегтярева Т. А. и Слюсарева Н. А.— Курс «История языкознания» в педагогических институтах иностранных языков № 1
- Ефремов А. Ф.— О программе и преподавании курса «Современный русский литературный язык» № 2
- Коротаева Э. И.— Курс «Современный русский язык» и его программа № 3
- Макаев Э. А.— Несколько замечаний о курсе «История языкознания» № 1
- Миртов А. В.— Курс «Современный русский язык» в плане филологических факультетов университетов № 4
- Немировский М. Я.— О пособиях к курсу «История языкознания» № 5
- От редакции (К обсуждению курса «Современный русский литературный язык» в высшей школе) № 1
- Савченко А. Н.— Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке № 4
- Цукерман И. И.— Преподавание фонетики русского языка литовцам № 5
- ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**
- Крачковский И. Ю.— Семитология в университетах СССР № 4
- ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ**
- Габинский М. А.— Об издании словаря-справочника по языкознанию № 2
- Шахрай О. Б.— «Ложные друзья» переводчика № 2
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**
- Берков П. Н.— Две новые библиографии по русскому языку № 3
- Гагуа Р. Р.— Ю. Д. Дешериев. Багдбийский язык № 4
- Гаджиева Н. З.— Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков № 5
- Галкина-Федорук Е. М.— «Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. XIX № 5
- Иванов Вяч. Вс. W. *Meringen*. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen № 6
- Кузнецов П. С.— С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола № 2
- Казимов Ф.— В. С. Соколов. Очерки по фонетике иранских языков № 2
- Левин В. Д.— А. И. Ефимов. История русского литературного языка № 5
- Левковская К. А.— М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка № 1
- Лер-Сплавинский Т.— Новая попытка освещения проблемы происхождения славян № 1
- Лигети Л.— Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков № 5
- Лисидский В. А.— Grammatika limbii romine, vol. I—II, 1954 (Acad. RPR) № 6

Надэль Б. И.— Д. Дечев. Характеристика на тракийския език	№ 2	Берков В. П. и Ершов Б. А.— О попытках машинного перевода	№ 6
Немировский М. Я.— П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка	№ 4	Булатова Л. Н.— Всесоюзное совещание по координации диалектологической работы	№ 3
Никитина *М. М. и Сухотин В. П.— Грамматика русского языка, т. II— Синтаксис	№ 3	Гаджиева Н. З. и Иванчикова Е. А.— Дискуссии о частях речи	№ 1
Оссовецкий И. А.— Русско-белорусский словарь	№ 4	Галкин И. С.— Совещание по вопросам координации исследования диалектов прибалтийско-финских языков	№ 5
Пассек В. В., Мурашева Е. И., Уроева Р. М., Старинин В. П.— «Труды Военного института иностр. языков», № 1—5, М., 1952—1954	№ 1	Граур А. Л.— Новые задачи румынского языкознания	№ 6
Шейников Л. С.— «Очерки по грамматике таджикского языка»	№ 3	Доклады советских лингвистов на международном совещании славистов в Белграде	№ 6
Пиотровский Р. Г.— Русско-молдавский словарь	№ 5	Жирмунский В. М.— Деятельность Института немецкого языка и литературы Германской Академии наук	№ 3
Ревзин И. И.— По поводу рецензии К. А. Левковской на книгу М. Д. Степановой	№ 5	Земская Е. А.— В Институте языкознания АН СССР	№ 5
Солдцев В. М.— Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая	№ 6	Иванова В. Ф.— Обсуждение второго тома «Грамматики русского языка»	№ 4
Тимофеев К. А. и Бабкин А. М.— Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика (Курс лекций)	№ 2	Коготкова Т. С., Авилова Н. С.— Координационные совещания в Москве 17—20 июня 1955 г.	№ 6
Филичева Н. И.— E. Riesel. Abriss der deutschen Stilistik	№ 4	Курбанов А. А.— Второй лингвистический съезд Туркменистана	№ 2
Юлдашев А. А.— Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке	№ 6	Макаев Э. А.— Дискуссии о проблемах субстрата	№ 5
Яхонтов С. Е.— Ван Дяо-и. Основы китайской грамматики	№ 2	Орузбаева Б.— Научная сессия, посвященная вопросам киргизского языкознания	№ 3
		О тематическом плане журнала «Вопросы языкознания»	№ 5
		Петров Г. Д. и Аимбетов К. А.— Научная конференция в Каракалпакской АССР	№ 3
		Поспелов Н. С.— Международный конгресс славистов в Берлине	№ 2
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ			
Абаев В. И. — Еще раз о запоздалых открытиях	№ 5		
Кузнецов П. С. — Ответ на рецензию Т. П. Ломтева	№ 3		
Степанова М. Д.— По поводу рецензии К. А. Левковской	№ 5		

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. Г. Орлова (Москва). Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных	3
Б. А. Серебряников (Москва). Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР	19
А. Ф. Султанов (Москва). Проблема формирования национального языка в Египте	32

Д и с к у с с и и о б с у ж д е н и я

А. В. Исаченко (Братислава). О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках	48
А. С. Чикобава (Тбилиси). О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков	66

С о о б щ е н и я и з а м е т к и

Ш. И. Михайлов (Махачкала). Литературные языки Дагестана	93
А. В. Супераицкая (Москва). О некоторых вопросах практической транскрипции	99

К р и т и к а и б и б л и о г р а ф и я

В. М. Солпцев (Москва). Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая	105
В. А. Лисицкий (Черновцы). «Gramatica limbii române», vol. I—II, 1954 (Acad. RPR)	116
Вяч. В. С. Иванов (Москва). W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen	124
А. А. Юлдашев (Москва). Л. Н. Харуионов. Типы глагольной основы в якутском языке	129

Н а у ч н а я о т г л а с н о е

Доклады советских лингвистов на международном совещании славистов в Белграде	132
Т. С. Коготкова, Н. С. Авилова (Москва). Координационные совещания в Москве 17—20 июня 1955 г.	137
А. л. Граур (Бухарест). Новые задачи румынского языкознания	142
В. П. Берков и Б. А. Ершов (Ленинград). О попытках машинного перевода	145

Указатель статей, напечатанных в журнале «Вопросы языкознания» в 1955 г. 149

Р е д к о л л е г и я :

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (отв. секретарь редакции),
 В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов,
 Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора),
 Б. А. Серебряников, В. М. Филиппов, А. С. Чикобава, И. Ю. Шедова

Адрес редакции: Москва, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42

Т-09131 Подписано к печати 15.XI. 1955 г.	Тираж 13450 экз.	Заказ 1762
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Бум. л. 4 ³ / ₄	Печ. л. 13,01 Уч.-изд. л. 15,3